

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

Кувабара Мизуна
КОРОЛЕВСТВО СОЛНЦА
Часть 2

Глава 9

ПРОПАВШАЯ ДЕВУШКА

Чиаки Сюхэй ошеломлённо глядел на раскинувшуюся перед ним картину бедствия. Что, чёрт возьми, произошло на не отличающейся большими размерами территории святилища Като? Крышу с главного здания снесло начисто, и само оно покосилось, вокруг лежали поваленные деревья, а на земле то тут, то там виднелись большие рытвины.

«Ничего себе...»

То, что случилось нечто из ряда вон, было понятно заранее. Столкновение двух энергетических импульсов можно почувствовать, если находишься недалеко – тем более, если это сильные импульсы. Чиаки догадался, что Такая дерётся с серьёзным противником.

Он тогда был в школе, которая шумела, как растревоженный улей, из-за случившегося с учениками припадка, а потом ещё Такая сцепился с людьми Микурии... Узнав об этом, Чиаки приготовился сражаться – и тут оно всё и стряслось. Он сорвался с уроков и помчался на место происшествия, но опоздал.

«Где Кагэтора?»

Машины скорой помощи и полиции прибывали одна за другой, завывая сиренами. Распихивая зевак, Чиаки двинулся вперёд – на глаза ему то и дело попадались сидящие в прострации раненые туристы, но Такаи видно не было.

– Кагэтора!.. Кагэтора, ты где?!

– Эй, туда нельзя!

Отмахнувшись от полицейского, Чиаки протолкался на площадку перед святилищем. Впереди виднелось столпотворение – кого-то положили на носилки. Приглядевшись, Чиаки увидел на пострадавшем школьную форму.

«Кагэтора!..»

– Парень, отойди назад! Ты мешаешь! – полицейские попытались оттащить его силой.

– Это кто тут кому мешает! – рявкнул Чиаки. – Я его родственник!

Пока они пихались и препирались, носилки с Такаей погрузили в скорую. Туда же с невозмутимым видом уселись двое незнакомых молодых людей, словно они были его сопровождающими.

– Кагэтора!.. – голос Чиаки потонул в вое сирены, когда машина скорой сорвалась с места, проскочила мимо него и умчалась в сторону большой дороги.

– Это они!.. Они прилетели по воздуху, спустились с неба!.. – раздался сзади женский голос, и Чиаки удивлённо обернулся.

«Что?..»

Пострадавшая туристка сидела под деревом, где ей оказывали помощь, и взволнованно говорила:

– Мы все видели! Они спустились с неба! С неба, я не вру!

«С неба?..»

– То есть как? – спросил Чиаки, подойдя к женщине. – Объясните.

– Все, все видели! Они прилетели по небу, со стороны замка, и потом спустились на землю, – и женщина показала пальцем на группу молодых людей, которые до этого окружали раненого Такаю. Самые обычные люди... Теперь они тоже смотрели сюда.

«Прилетели?»

Звучало совершенно невероятно, но остальные туристы в один голос утверждали то же самое, их возбуждённые рассказы доносились отовсюду. Молодые люди о чём-то пошептались в своём кругу, а потом начали протискиваться сквозь толпу к дороге позади святилища. Мелькнула школьная форма – Чиаки взгляделся получше и узнал в одном из них Нэдзу Коити.

– Эй! – Чиаки хотел пуститься вдогонку, но путь ему перегородил большой отряд полицейских. Пока он пытался протолкаться, молодые люди смешались с толпой и скрылись из виду.

– Ч-чёрт...

Делать было нечего. Состояние Такаи беспокоило его больше – кажется, тот был серьёзно ранен. Чиаки прищёлкнул языком и быстро зашагал прочь, оставляя святилище Като позади.

Только он ушёл, как на месте происшествия появился ещё один ученик школы Кодзё: Миикэ Тэцуя. Математику, которая была в тот день пятым уроком, у них вёл как раз Чиаки. Ученики шумели и долго не могли успокоиться – прошло 20 минут после звонка, прежде чем они смогли начать...

И вот, опять что-то стряслось. Учитель ни с того ни с сего отменил занятие, посадил их заниматься самостоятельно, и пулей вылетел из класса.

«Странно...»

Оги Такаи, кстати, на уроке не было. Потом, Тэцуя слышал далёкий шум, словно где-то тряслась земля. И то, как повёл себя учитель... Оставив одноклассников бурно обсуждать случившееся, Тэцуя в одиночку выскользнул из кабинета и последовал за Чиаки, что и привело его в конце концов в святилище Като.

«Что это?..»

Тэцуя смотрел на порушенное святилище и не верил своим глазам. Деревья повалены – прямо как после тайфуна несколько лет назад. В земле впадины – а рядом насыпи того же объёма, как будто здесь поработали экскаватором. Разрушение, видимо, продолжалось под землёй до самого внутреннего рва, где развалило каменную кладку.

«Что здесь произошло?!»

То, что он видел, было за гранью понимания – так же как и все события этого дня: потасовка в радиоклубе, трещины на асфальте во дворе школы, которые он заметил, пока шёл сюда, бьющиеся в припадке ученики...

«Что-то тут нечисто...»

По телу пробежала беспричинная дрожь.

«Что, чёрт возьми!..»

Тэцуе казалось, что вокруг него пришли в движение какие-то страшные и могущественные силы. Его охватил инстинктивный страх. Картина разрушения перед ним словно бы олицетворяла эти силы, и он невольно попятился.

Вдруг он наступил на что-то круглое, перекатывающееся, и удивлённо поднял ногу. Это оказался странной формы брелок с бросающейся в глаза надписью: «SEEVA».

– М-м...

Где-то он его уже видел – точно, на сумке Инабы Акэми. В школе запрещали носить брелки, но ей, видимо, очень хотелось: она прицепила его к застёжке так, чтобы можно было прятать внутрь сумки, и доставать, только когда рядом нет патрульных.

Тэцуя поднял брелок с земли и нахмурился: «Как он здесь оказался?..»

– Мальчик! – раздался голос сзади, и Тэцуя вскинул голову. – Ты ведь в школе Кодзё учишься?

К нему обращался, по всей видимости, смотритель святилища, чьё внимание привлекла форма.

– Тут одного из ваших унесли с серьёзной раной. В школу, интересно, позвонили? Он совсем плох был, кровью харкал, наверное, повреждены внутренние органы...

– Из нашей школы?.. – переспросил Тэцуя – и распахнул глаза, осенённый внезапной догадкой.

«Неужели!..»

Его охватило очень неприятное предчувствие. Почему-то он сразу подумал о нём – возможно, безосновательно, но это было как замкнувшаяся логическая цепочка, ещё один элемент, вписывающийся в общую картину разрушения.

– Оги Такая!..

– Что?..

– Его звали Оги Такая?!

Священнослужитель, разумеется, не мог этого знать, но Тэцуя чувствовал, что прав – и верил своему чувству. Интуиция в таких случаях ещё никогда его не подводила.

«И в этом замешан Оги...»

Что происходит?

Что здесь происходит?

Не гнушаясь угрозами, Чиаки вытряс из работников скорой помощи название больницы, куда отправили Такаю, и вскоре был там. В вестибюле его, с трудом переводящего дыхание, встретили незнакомые молодой человек и девушка.

На парне был нестрогий мшисто-зелёный костюм, девушка была одета в брючную пару бежевого цвета и синее полупальто. Чиаки вспомнил: эти двое сели с Такаей в машину скорой.

Над дверью в конце коридора горело красное табло: «Идёт операция».

– Кагэтора...

– ...в очень тяжёлом состоянии, – тоном врача сообщил молодой человек, который, кажется, был за старшего. Чиаки вздрогнул и уставился на него.

– Сейчас ему оказывают экстренную помощь, – продолжил незнакомец. – Там серьёзные проблемы с дыханием. Хорошо, если удастся спасти...

Такая пострадал сильнее, чем можно было ожидать. Ему здорово досталось в этой схватке, разрушившей дома и повалившей деревья; сейчас он был без сознания.

Прикусив губу, Чиаки окинул незнакомцев пристальным, настороженным взглядом:

– Вы кто такие?

Ответа не последовало.

– Вы знаете, кто это с ним сделал?

– Мы просто пришли ему на помощь.

– Да?

– Ещё чуть-чуть – и для него всё было бы кончено, но стоило нам вмешаться, как враг бежал. Должно быть, трезво оценил свои силы.

– Нет, кто вы такие, в самом деле?

Подселенными духами они не были – так же как и перерождёнными, на первый взгляд, но их энергия отличалась от энергии обычных людей. Чтобы спасти Такаю во время подобной схватки, они должны были обладать немалой силой... Вдруг Чиаки осенило: «Люди, которые спустились с неба...»

– Это вы что ли «по небу прилетели»? Как так?! И те ребята, которые ушли с Нэдзу – тоже из ваших?

– А вы, очевидно, друг Оги Такаи, – прервала его длинноволосая незнакомка. Чиаки, насторожившись, замолчал.

«Откуда они знают имя?..»

– В таком случае, вам лучше поспешить обратно. Ваш враг похитил девушку из одной с ним школы.

– Похитил?! – рявкнул Чиаки и схватил говорившую за ворот: – А вы смотрели, да? Кто это был?

– Полагаю, вы узнаете, как только они выдвинут требования... В любом случае, поторопитесь. Сейчас безопасность похищенной – важнее всего.

– Вот именно, – добавил молодой человек. – Здесь вам делать нечего, кроме как сидеть и ждать.

Чиаки бросил в его сторону нервный взгляд. И парень, и девушка были абсолютно спокойны.

– Пусть врачи делают свою работу. Мы присмотрим за ним, а вы возвращайтесь.

– Кто вы? – снова спросил Чиаки сдавленным голосом.

Одеты молодые люди были совершенно обычно, но в их чересчур спокойных глазах не доставало тепла. Чиаки разозлило то, что его вопрос старательно игнорируют:

– Я спрашиваю, кто вы такие, чёрт бы вас драл!

Парень помолчал, а потом прикрыл глаза и нехотя проговорил:

– Мы – потомки племени Огненной Жрицы, жители страны, где правит славная Химиико¹. Мы почитаем народ Хюга. Вас устраивает такой ответ?

Чиаки уронил челюсть.

– Чего-о?! – отпустив девушку, он вцепился в парня: – То есть, ваши предки жили в королевстве Яматай²? Ха-ха, как смешно.

---

¹ Слово, которое произносит незнакомец, читается как «Химиико» и записывается иероглифами, которые означают «жрица огня».

² Королевство Яматай – упоминающееся в китайских хрониках раннеяпонское государство, которое, по одной из теорий, находилось на Кюсю. Его правительницей была некто Химиико (имя записывается

– Вы спросили – я ответил, – невозмутимо отозвался парень. По-другому сейчас объяснить не могу, вы не поймёте. Я просто хочу, чтобы вы знали: мы вам не враги.

– Так я и поверил.

– Как будто у вас есть выбор. Идите лучше, иначе будет у вас ещё одна жертва. О вашем друге мы позаботимся, обещаю. Идите.

Убедившись в том, что больше ничего от парня не добьётся, Чиаки отпустил его, досадливо прищёлкнув языком. Если он не врёт насчёт похищения, то и в остальном абсолютно прав.

«Ничего не поделаешь...»

Чиаки развернулся и зашагал по коридору обратно.

«Не вздумай подохнуть, Кагэтора!»

Парень и девушка остались стоять в красном свете лампы, провожая его глазами.

Войдя в учительскую отделения математики, Чиаки увидел взволнованные лица коллег – Ямагути и классного руководителя 2-го «Б», Курокавы.

– Чиаки-сэнсэй!

– Ямагути-сэнсэй... Что случилось?

– Смотрите, что нам только что прислали! Это просто ужасно!

Ямагути протянул ему тяжёлый белый конверт, адресованный руководителю 2-го «Б» класса. Внутри обнаружился отрезанный чёрный локон и толстое удостоверение ученика школы «Кодзё». С фотографии смотрело девичье лицо, в чертах которого ещё чувствовалась детскость...

«Инаба Акэми».

Это была одноклассница Такаи, и перевязанный бумажной лентой локон, несомненно, принадлежал ей. Также в конверте лежало короткое послание, написанное старомодным почерком при помощи чернил и кисти. С каждой прочитанной строчкой лицо Чиаки всё больше мрачнело.

– Где Инаба? – спросил он, как только дочитал.

– Отпросилась к стоматологу. Её нет в школе с пятого урока.

– Домой звонили?

– Дома, – взволнованно ответил Курокава, – сказали, что она ещё не возвращалась, а у зубного – что уже ушла.

Чиаки сжал чёрный локон в кулаке.

Ваш враг похитил девушку...

не теми иероглифами, которые были использованы в реплике незнакомца, и не означает «жрица огня», но звучит также – поэтому, собственно, Чиаки и делает предположение о королевстве Яматай)

«Значит, в этом они не обманули».

Чиаки скрипнул зубами, а потом повернулся к учителям с выражением решимости на лице:

– Хорошо, а где сейчас Миикэ Тэцуя?

– На шестом уроке его не было. Ребята думают, он решил прогулять.

– Где он живёт? Я схожу. На случай, если он уже дома, стоит позвонить родителям...

– Миикэ живёт один.

– Один? – изумился Чиаки. – Школьник?

– Да. Вообще-то он из Асо, но по семейным обстоятельствам снимает квартиру в городе. Кажется, его с малых лет воспитывали не родители, а родственники...

Чиаки впервые об этом слышал. Выходит, Тэцуя поступил в эту школу уже с проблемами, и с самого начала был источником беспокойства для учителей.

– Его отец умер, когда он был совсем ребёнком, – сказал Курокава со странным выражением на лице. – Мать сразу после этого ушла из дома, и Миикэ оказался на попечении младшего брата своего деда. Они жили в городе Асо, в местечке под названием Якуимбару. Я однажды туда ездил...

– А его сестра? – спросил Чиаки, подавшись вперёд. – Я слышал, у него есть младшая сестра, Хокагэ. Она живёт с семьёй? А где учится?

Курокава начал суетливо листать папку с делом ученика:

– Так, посмотрим... Сестра учится в частной городской школе для девочек. Поскольку Миикэ живёт один, она должна ездить на занятия из дома в Асо... Чиаки-сэнсэй, что вы думаете об этой записке? Что такое «Асара»? Может, это чья-то злая шутка? Или лучше всё-таки сообщить в полицию?..

Ни Курокава, ни Ямамото не знали о том, что сестра Миикэ Тэцуи – Миикэ Хокагэ – по слухам уже год как пропала без вести. И это письмо... не просто письмо – угроза...

«Кто?»

С кем сражался Такая? Кто мог вот так размазать Кагэтору по стенке? Люди Микурии или кто-то другой?

Чиаки смял записку в руке и злобно уставился на неё, поджав губы.

– Курокава-сэнсэй, вы не против, если я сам этим займусь?

– Вы?

– Я поговорю с Миикэ.

Если противник сражался с Такаей – то он, без сомнений, дух-генерал. И этот генерал послал Тэцуе письмо с угрозой. Почему? Чего он добивается?

«Миикэ Тэцуя...»

Единственный ученик школы Кодзё, к которому не приставали духи...

Чиаки уставился в пространство потяжелевшим взглядом.

***

Так Чиаки, не задержавшись в школе надолго, снова быстрым шагом вышел за ворота. Из окна одной из комнат учебного корпуса за ним наблюдали Микурия Дзюри и вице-президент Озаки, он же Ёкотэ-но Горо.

– Вот и этот перерождённый вступил в игру... Как и следовало ожидать. Что-то случилось во 2-м «Б», классный Курокава и Ямагути заперлись в учительской. Что именно произошло, пока неизвестно, но я уже отправил одного из наших узнать.

– Вот как, – сказала Микурия, выслушав отчёт Горо, и вновь посмотрела в окно.
– Ну, а с тем делом что? Из-за чего был шум?

– Оги Такая и Като Киёмаса сражались с кем-то в святилище Като.

Разумеется, двое перерождённых из исполнительного комитета тоже почувствовали отголоски схватки с Райрю. Микурия сразу отправила Горо на разведку, но когда тот подоспел на место, виновник происшествия уже сбежал.

– Оги Такая тяжело ранен. Киёмаса покинул место битвы в компании сообщников.

– Сообщников?..

– ...Которые, по словам очевидцев, спустились с неба.

Микурия недоверчиво распахнула глаза:

– Без приспособлений? Что за вздор, люди не умеют летать. Или свидетели утверждают, что видели ангелов?

– По описаниям, одеты они были совершенно обычно... Возможно, это какая-то иллюзия. Я послал человека следить за Киёмасой, скоро мы получим доклад.

– Вот так загадка... – Микурия приложила руку ко рту и задумалась.

– Каковы будут ваши распоряжения?

– Хорошо, собирай сведения. Досэцу-доно я поставлю в известность. Противник Киёмасы и Оги, совершенно очевидно – не из Отомо. Кто ещё действует в Кумамото? Необходимо это выяснить... – Взгляд Микурии снова стал холодным: – Все змеиные яйца должны вылупиться в течение недели. Первых же священных воинов я пушу в дело, и остальных по мере прибавления. С раскопками Головы Золотого Змея тоже надо поторопиться – тех же, кто попытается мешать, пусть постигнет немедленная кара. И этот перерождённый, Чиаки Сюхэй. Если он будет мешать тоже...

Микурия многозначительно умолкла. Горо склонил голову в почтительном поклоне:

– Будет сделано.

***

Квартира Тэцуи располагалась в пяти минутах ходьбы от автобусной остановки, в спальном районе недалеко от университета Кумамото. Маленькому деревянному дому было лет двадцать, наверняка его строили специально, чтобы сдавать комнаты студентам. Больше половины жильцов учились в университете; школьников, кроме Тэцуи, здесь не было.

Пройдя мимо закутка, где стояли нестройным рядом несколько мотоциклов, Тэцуя поднялся по лестнице и увидел у своей двери человека. Сперва он подумал, что это кто-то из соседей, но потом пригляделся получше – и резко вскинул голову:

– Вы!..

– Где ты шляешься, гопник? Я уже чёрт знает сколько тут жду, – Чиаки Сюхэй стоял, прислонившись спиной к двери и засунув руки в карманы. У Тэцуи, который по пути думал как раз о нём, чуть сердце не остановилось от неожиданности.

– Чего вам надо? – спросил он наконец своим обычным вызывающим тоном.

– Внезапный домашний визит, – Чиаки двинулся к нему, не вынимая рук из карманов. – Хочу тебе кое-что показать.

– Показать?..

– Ага, – Чиаки протянул ему конверт. Тэцуя с недоумённым видом заглянул внутрь – и вздрогнул.

– Что это?..

– Похоже, твою одноклассницу Инабу Акэми похитили.

– Инабу?! – Тэцуя вскинул глаза. – Но зачем?.. И кто?..

– Вот это я и хотел бы с твоей помощью выяснить. Разверни бумажку.

Тэцуя послушался.

– Это письмо с угрозой, адресованное не кому-то, а тебе. Похитители требуют, чтобы ты пришёл с «Асарой», иначе Инаба не вернётся живой.

– Асара...

– Письмо на твоё имя. Я подумал, ты знаешь, о чём речь...

Лицо Тэцуи совершенно переменилось. Глаза, обычно глядящие исподлобья, широко распахнулись, рот сжался в тонкую линию. Он смотрел на письмо и не шевелился.

– «Через три дня, 22-го, в полночь, приходи на означенное место с Асарой, а не то заложница умрёт». Волосы, очевидно, Инабы. Домой она не возвращалась, и родителям тоже угрожали по телефону.

– Что за... – тут Тэцуя вспомнил про брелок, который нашёл в святилище Като. Неужели Инабу похитили на том самом месте? – Что за чёрт...

– Миикэ...

– Я ничего уже не понимаю! Почему Инаба?! Кто мог... – Тэцуя впился в Чиаки злым взглядом: – Кто вы такие? Вся эта чертовщина началась после вашего приезда – нет, раньше, с приходом Микурии... И то, что творится в школе... И то, что было в святилище Като...

Тут Чиаки нахмурился, и от Тэцуи это не укрылось:

– Значит, я правильно догадался? Это Оги увезли на скорой? И тут он, везде он... Что он натворил?!

– Да кто его знает, – сказал Чиаки с напускным спокойствием. – Но ему повезёт, если он останется жив.

– ...Вы...

– Поговорим лучше о тебе, Миикэ Тэцуя, – взгляд Чиаки внезапно стал острым, и Тэцуя оробел. Он никогда ещё не видел учителя математики настолько серьёзным. – Ты ведь знаешь, что это за «Асара», да? ...Не понимаю, что ты за фрукт. Почему вообще к тебе не лезут духи?

– Духи?..

– Я о том, что происходит в школе. Все ученики без исключения носят мелких духов на себе, и только у тебя ни одного нет. Ты их не просто не притягиваешь, они тебя как будто специально избегают. Почему? Почему духи-генералы пытаются *тебя* шантажировать?

– Чё-то я не понимаю, чего вы говорите...

– И что это за история с пропавшей сестрой? Может, это как-то связано с твоей непривлекательностью для духов? Отвечай!

– Я... Я не знаю...

– Что такое «Асара»?! Ты знаешь! Говори!

– Я не знаю, где она!.. – выкрикнул Тэцуя, и Чиаки вздрогнул.

– ...Так что это такое?

– Я не знаю, где она! Никто мне ничего не говорит! Я не знаю...

Тэцуя схватился за голову. Чиаки уставился на него широко раскрытыми глазами:

– Миикэ...

***

Расследование происшествия в святилище Като на этот день, похоже, завершилось. В тени подсвеченного прожекторами замка святилище, где не горела ни одна лампа, казалось пятном черноты. Ещё совсем недавно здесь толкались привлечённые суматохой зеваки, но с наступлением сумерек людские волны схлынули, и место опустело. Проходящая параллельно дорога была закрыта для машин, а сам двор – обтянут лентой с надписями «вход воспрещён». Перед ней сейчас и стояли двое одетых в пальто мужчин.

– Вы только посмотрите на это... – ошеломлённо пробормотал Такахаси Дзёун, глядя на разрушенное святилище. – Кто мог такое сделать?..

Его спутник в кашемировом пальто – Кайзаки Макото – до сих пор не произнёс ни слова, напряжённо разглядывая останки здания. В конце концов он приподнял ленту и прошёл внутрь.

– Кайзаки-доно...

Оставив предупреждающий возглас Дзёуна без внимания, Кайзаки зашагал вглубь двора, обходя ямы. Поколебавшись, Дзёун последовал за ним.

Кайзаки остановился у поваленного дерева и опустился на одно колено. Сняв кожаную перчатку, он коснулся рукой земли и провёл по ней пальцем, будто исследуя почву.

– Кайзаки-доно?..

Дзёун не мог этого почувствовать, но именно здесь упал сражённый ударом Райрю Такая, и выплюнул сгусток крови. И Дзёун не видел в темноте, как склонённое лицо Кайзаки исказилось одновременно болью и гневом.

– Какой глубокий остаточный след, – пробормотал Дзёун себе под нос, поёживаясь. – Уж сколько времени прошло, а аура битвы до сих пор не рассеялась... Должно быть, оба противника были очень сильны.

Кайзаки молчал.

– Если это не Отомо, то кто? Ода? Тогда кто второй...

– Иккосою, – отозвался Кайзаки, не поднимая головы.

– Что?..

– Один из сражавшихся здесь – Симодзума Райрю, монах Иккосою.

– Тот самый Райрю, которого называют главным козырем Кэннё? – удивился Дзёун. – Вы знаете его?

– Да, – Кайзаки медленно выпрямился. – Это точно он. Следовательно, Иккосою действуют в Кумамото.

– А кто был его противник, вы можете сказать? Кто-то из Ода?

– Его противник...

Вместо ответа Кайзаки сжал пальцы, испачканные засохшей кровью Такаи, в кулак, так сильно, что ногти впились в ладонь. На его виске забились жилки.

– Проклятые монахи, что им понадобилось в Кумамото? Надо поставить в известность госпожу Джулию и выяснить сообща...

– Иккосою в союзе с Акэти Мицухидэ. А Мицухидэ, говорят, недавно ударил по рукам с Симадзу.

Дзёун удивлённо вскинул голову:

– Неужели?

– Это непроверенная информация, но если так оно и есть, следует поостеречься. Чтобы они не пронюхали про школу Кодзё.

– Выходит, с раскопками Головы надо торопиться?

Кайзаки кивнул, поворачиваясь к нему лицом. Чёрные глаза за стёклами очков сияли опасным блеском.

– Я слышал, что устранение Иккосою – одна из первоочередных задач Уэсуги. Наоэ-доно возьмётся за Райрю, не сомневайтесь.

– Уэсуги будут воевать с тем, кого называют ходячей смертью, машиной для убийств?!

– Будут, – просто ответил Кайзаки, поднимая голову к небесам. – Я сам его убью.

– Вы?..

– Он заплатит за то, что сделал... И очень, очень пожалеет о том, что посмел.

Дзёун судорожно вздохнул, увидев, как глаза Кайзаки загорелись жадной кровью. Контраст между спокойствием на его лице и готовностью убивать, которая чувствовалась в сердце, был таким разительным и странным, что у Дзёуна мураши побежали по спине.

Гнев и ненависть жгли душу чёрным огнём.

Кайзаки снова сжал руку в кулак.

Глава 10

ДОМ, ГДЕ ЖИВЁТ АСАРА

– Что?! – голос Аяко, прижимавшей к уху трубку телефона-автомата, прогремел на весь ресторан. На другом конце телефона был Чиаки, который рассказал ей о случившемся в святилище Като. – И как там Кагэтора – жив, хотя бы?.. Неизвестно?! Ну, знаешь ли!.. Чем ты занят, вообще, и почему сейчас не с ним?!

Узнав о похищении Акэми и других событиях в Кумамото, Аяко нахмурилась ещё сильнее.

– Хорошо, я поняла, бросаю всё и еду. Я займусь Кагэторой, а ты продолжай с этим делом... Нормально, Ягами разберётся.

Обменявшись с Чиаки ещё парой фраз, она положила трубку и вернулась за стол.

– Что случилось, Какизаки-сама? – спросил Ягами, которого встревожило её напряжённое лицо.

– Я еду в Кумамото. Кагэтора попал в больницу с серьёзной раной...

– Кагэтора-сама?! Что случилось?..

– Кто-то из высшей лиги с ним случился, и разделал его под орех. Он и так плохо управляет силой – а теперь ещё и это...

– Он сражался с духом-генералом?

– Состояние критическое... Он не приходил в себя... Говорила же я – ехать в Кумамото вдвоём слишком опасно! – Аяко ударила по столу рукой. Чашки подпрыгнули, расплёскивая кофе, но побледневший от осознания серьёзности происходящего Ягами даже не обратил на это внимания.

– Но Кагэтора... чёрт бы его побрал...

Аяко и Ягами расследовали исчезновения последователей культа Химука в Хакате. В Токио и Бэппу, где произошли первые два случая, они уже побывали. Хаката была местом третьего происшествия – а также местом расположения штаб-квартиры организации.

Этот одноэтажный деревянный дом в жилом квартале района Савара верующие называли «святилищем». Совсем небольшое строение, с маленькими комнатками, в одной из которых, площадью всего 6 татами, располагался «алтарь», а в другой такой же – «молельня».

Их встретил один из верующих – старик, в обязанности которого входило прислуживать Охранителю (так последователи Химука называли своего главу,

выполнявшего примерно те же функции, что и настоятель синтоистского храма). Однако, сам Охранитель, как выяснилось...

«...Умер? – невольно переспросила Аяко. – То есть, как?..»

Охранитель культа Химука, Икэда Кацуя, скончался за неделю до первого исчезновения. Сама по себе его смерть не выглядела странной: 80 лет, большое сердце – последние полгода Кацуя провёл между домом (вот этим самым «святилищем») и больницей. Но то, что множественные исчезновения молодых верующих начались всего неделю спустя, наводило на подозрения. Возможно, здесь есть какая-то связь...

Аяко спросила о четверых пропавших.

«Очень достойные были прихожане, – с улыбкой ответил старик. – На праздник каждый месяц приходили, всем помогали... У нас многие далеко живут, и редко так бывает, чтобы все собирались, но эти приходили всегда – даром, что молодые. Сильно веровали. Особенно, – добавил старик, – Масамити-кун».

«Масамити?.. – Аяко вспомнила имя одного из пропавших. – Эноки Масамити, который из Хакаты?»

«Да, он. Ему рано в жизни пришлось хлебнуть горя – потерял родителей в автокатастрофе, когда учился в старшей школе. Поэтому, видно, он так привязался к Охранителю – а тот его любил как внука, выделял среди остальных».

«Простите, а родственники Охранителя где?»

«Нету, – старик снова улыбнулся. – Не было у него семьи, ему её прихожане заменяли. Охранитель был очень мягким, добрым человеком».

Аяко и Ягами переглянулись. Действительно, с фотографии, стоявшей в алтарной комнате на скромной подставке, смотрел скорее не глава религиозной секты, а соседский дедушка.

«А по поводу недавних пожаров и исчезновений у вас есть какие-нибудь предположения? Что-то необычное этому предшествовало?»

«Не знаю, – пожал плечами старик. – Может, их бог огня к себе позвал».

«Бог огня?..»

Верно, Химука поклонялись огню – без всяких там больших ритуалов (не сильно с огнём разгуляешься в жилом квартале), просто на алтаре в стеклянной коробочке всегда горел «священный огонь», негасимое пламя, с которым отправляли и простые обряды, и праздники.

И, памятуя о том, что Химука чтят Такэиватацу-но микото, который также считается божеством вулкана Асо, Аяко решила, что речь идёт о нём.

Вообще исчезновениями верующих старик был не сильно обеспокоен, и о полётах по небу лишь беспечно заметил: «Что уж тут странного, если бог позвал».

Аяко расслабилась. Когда Котаро говорил о секретной организации, она представляла себе что-то более опасное и подпольное. Всё оказалось совсем не так – просто группа тех, кого раньше называли бы обрядцами, решила назваться религией. А может, Аяко успокоила и расположила доброжелательная манера старика... Как бы там ни было, сам культ Химука, похоже, ничего страшного из себя не представлял.

– Думаю, можно с чистой совестью оставить расследование на тебя и твоих людей, – сказала Аяко предводителю нокизару Ягами, быстро надевая пиджак. – Я еду в Кумамото сейчас же – экспрессы должны ещё ходить.

– Возьмите меня с собой!

– Нет, – отрезала Аяко. – Ты подселенный, тебя там сразу сцапают.

– Да, но Котаро!.. – начал Ягами возмущённо, а потом поправился: – ...я хотел сказать Котаро-доно... Поехал же он в Кумамото на встречу с господином Кагэторой! Почему Фуме можно, а Уэсуги – нельзя?

Аяко состроила кислую мину:

– Он – исключение.

– Я ничем не уступаю ему по силе! Долго ли ещё вы, Какизаки-сама, намерены допускать какого-то Фуму до господина Кагэторы? Разве сумеет он его защитить? Он уже не смог отворотить опасность! Охранять господина Кагэтору должны мы, нокизару!..

– Я ничего не могу поделать! – истерично закричала Аяко. – Ты же сам прекрасно понимаешь! Сейчас для Кагэторы Котаро – Наоэ, вот как есть – Наоэ, хоть он со всем его обезьянничаньем ни капли не похож! Другое лицо, другой голос... Даже того, что он подселенный, а не перерождённый, Кагэтора в упор не видит – вот как сильно он себя убедил!

– Так раскройте ему скорее глаза!..

– Мы не терпели бы всё это два года, если бы могли...

Ягами досадливо замолчал. Аяко знала, что новый предводитель нокизару пылает чувством соперничества к Котаро. Слишком обидно ему было наблюдать, как такой же синоби, как он, только ещё и из чужого клана, занимает место по правую руку от почитаемого и любимого господина.

«Я, конечно, понимаю и сочувствую...»

Насколько сильно Ягами почитает Кагэтору, Аяко тоже знала. Это было не просто уважение – преклонение. Он его почти боготворил. Каждое сказанное Кагэторой слово принималось им без малейшего сомнения или критики. Аяко сама

всячески доверяла Кагэторе, была всегда на его стороне, но Ягами давал ей в этом сто очков вперёд.

И каждый раз, когда речь заходила о Котаро, Ягами выходил из себя, так, что его нелегко бывало успокоить.

– Короче, ты продолжаешь расследование. До сих пор нет подтверждений тому, что кто-то летал по небу – вот, займись.

– Какизаки-сама...

– Не спорь со мной. Между прочим, это приказ самого... Кагэторы...

Аяко сбилась с темпа и замолчала, вдруг заметив в своих словах важную подсказку. И почему она сразу не обратила внимания?! Аяко прикрыла рот рукой.

– Что случилось, Какизаки-сама?

– Летал по небу... Я сказала «летал по небу», да?.. Летал по небу...

Все свидетели рассказывают кое-что странное...

Что там говорил Чиаки по телефону? Что с неба над святилищем Като сошли люди и спасли Такаю. Люди спустились с неба... Как ангелы...

Очень похожие показания дал свидетель в Курумэ. Человек видел, как числящаяся пропавшей без вести Саэки Рёко улетела по воздуху, бесшумно, будто птица.

Люди спустились с неба...

«И эти люди сейчас в больнице, вместе с Кагэторой?..»

У Аяко перехватило дыхание. Может ли быть, что бескрылые ангелы, спасители Такаи, в действительности...

– ...Последователи Химука?

– Что?..

Аяко схватила кошелёк, вскочила со стула, так, что он с грохотом отлетел в сторону, и, расталкивая всех на своём пути, снова помчалась к телефону. Нетерпеливыми пальцами затолкав карточку в автомат, она быстро настучала полученный от Чиаки номер больницы и крикнула в трубку:

– Алло!.. К вам привезли больного по имени Оги Такая, я его родственница!.. Да!.. Да, узнать состояние!.. Удалось ли спасти?!

Опешивший поначалу Ягами быстро пришёл в себя и присоединился к Аяко у телефона, внимательно наблюдая за её реакцией. Пальцы, сжимавшие трубку, побелели от напряжения. Она ждала ответ.

«Если они замешаны... – сердце Аяко готово было выскочить из груди, – ... если последователи Химука замешаны в Усобице Духов...»

Наконец, на том конце трубки ответили, и Ягами услышал, как Аяко повторяет то, что ей сказали:

– Умер?..

Ягами судорожно вздохнул. Аяко оторопело пробормотала:

– Но этого не может быть...

***

В однокомнатной квартире Тэцуи было очень холодно. На полу крошечной комнаты стоял фен-обогреватель, но Тэцуя даже не подумал включить его. Кажется, он вообще не замечал, какая в доме температура.

– Всё изменилось с того дня... – отрывисто заговорил он, сидя с бледным лицом напротив Чиаки. – С того праздника огня... всё пошло наперекосяк.

Тэцуя рассказывал о празднике, случившемся ранней осенью пять лет тому назад, на котором его младшая сестра служила жрицей огня. Ему тогда было двенадцать лет.

– Жрицей огня?

– Да, – продолжал Тэцуя глухим голосом. – Мы родились в Асо, в местечке Якуимбару. Наше деревенское святилище, где почитается охранное божество, называется святилище Симо. В нём с давних времён проводится праздник огня, каждый год с августа по октябрь. И каждый год выбирают девочку, которая будет два месяца сидеть в зале для возжиганий и жечь для бога огонь.

– Это и есть жрица?

Тэцуя кивнул.

– Чтобы бог святилища Симо не замёрз и не побил поля инеем, его нужно согревать. Такой обычай.

Жрицу ещё называли Огненной Девой. Ей не должно было быть больше пятнадцати лет. В зал для возжиганий не позволялось входить никому, кроме человека, который приносил ей всё необходимое – и это должен был быть либо мужчина, либо немолодая женщина, у которой уже закончились месячные. Олицетворение божества приносили из главного святилища и прикрепляли к потолку с бамбуковыми перекрестиями; девочка же садилась под ним и жгла огонь. И если за те два месяца, что длился обряд, ранний осенний иней всё же опускался на поля, говорили, что Огненная Дева трудится недостаточно усердно.

– Но когда возжигать уселась Хокагэ... Всё пошло не так, как обычно.

Тэцуя вернулся мысленно к тем дням, когда его сестра Хокагэ стала жрицей, и в зале для возжиганий начали твориться странные вещи – по крайней мере, так говорили.

Говорили, будто из огня, который она поддерживала, образовался демон, и завёл с ней беседу; будто дракон возник из пламени и взлетел к небесам; будто сыпался в комнате с потолка золотой песок, и мужской голос ночь напролёт пел песни.

Двоюродный дедушка Тэцуи это видел. Бабушка тоже видела. Устроители фестиваля и священники – слышали. Как бы там ни было, одна странность следовала за другой.

Быть на открытии несчастьем...

И то, о чём шептались, чего опасались – случилось-таки в ту ночь, завершавшую двухмесячный ритуал. Невероятное происшествие...

– Огненный змей?.. – распахнул глаза Чиаки, дослушав рассказ до конца.

В конце ночного фестиваля Хокагэ ступила в огонь; огонь ярко вспыхнул, из него появился огненный змей и улетел на небо.

– Сложно поверить, да? – сказал Тэцуя, сдвинув брови. – Но это было лишь началом. С тех пор, как этого змея увидели, вся родня стала относиться к Хокагэ резко по-другому.

– Как по-другому?

– Стали звать её «госпожа Хокагэ», как принцессу какую-нибудь, или богиню. Госпожа, госпожа – вежливо так, будто она хрустальная, тронь и рассыплется... И это даже те, которые нас раньше не любили. Противно было смотреть.

Прошло немного времени, и Хокагэ из дома двоюродного деда, который принадлежал к боковой ветви семьи Миикэ, забрали в главный дом, где хозяином был дядя Тэцуи, Миикэ Харуя.

– И эта твоя сестра, значит, пропала год назад?

– Это всё они, в главном доме, устроили! – без колебаний ответил Тэцуя. – Сэнсэй, у меня какая-то ненормальная семья! Всё шепчутся, шепчутся по углам, всё у них какие-то тайны... Это они спрятали Хокагэ!

– Спрятали?.. Зачем? От кого?

– Не знаю. Но, наверное... – Тэцуя сжал кулаки, – ...всё дело в том, что она «Асара».

– Что?..

– Она особенная. Бабушка говорила: «Асара-химэ появилась в семье Миикэ. Хокагэ, оказывается, была Асара-химэ».

– То есть, «Асара» – твоя сестра? Получается, именно про неё речь в записке с угрозой?

– Получается, что да... – сжатые кулаки Тэцуи мелко задрожали. – Говорят же, в конце концов, что все Миикэ – потомки Асары...

– В смысле?..

– Я сам не знаю, в чём тут дело. Но бабушка говорила: «Асара-химэ должна родиться. Ради господина Кихати. Нельзя прерывать линию. Поэтому, все боковые ветви обязаны трудиться на благо главного дома, а если что случится – защищать его, не жалея живота».

Закончив пересказывать непонятные ему самому слова, Тэцуя умолк, а Чиаки задумался. Дело принимало странный оборот, и ключ к разгадке, похоже, находился в Асо, в доме Миикэ.

– Понятно. Значит, похитители требуют выдать им твою сестру в обмен на Инабу. Какие-нибудь идеи о том, кто это может быть?

– Да откуда мне знать?

– Ладно... Но если допустить, что Хокагэ, неважно с какой целью, спрятали люди из твоего главного дома, то они же должны знать, где она сейчас.

Тэцуя вскинул голову:

– Вы что, поедете?..

– Речь идёт о жизни человека. Конечно, поеду, – Чиаки вынул из кармана ключ от машины и бросил острый взгляд за окно. – Не могу же я сидеть, сложа руки, пока убивают моих дорогих учеников.

– Сэнсэй...

– Не волнуйся. Я со всем разберусь. Скатаю этих похитителей и шантажистов в трубочку, – несмотря на браваду, в уголках его рта пролегли напряжённые складки. Противник – судя по тому, что он знал о нём – был непрост. Если уж Кагэторе так досталось...

«Отомо?..»

Если да, то замешана ли в этом Микурия? Татибана Досэцу, Такахаси Дзёун – в распоряжении Отомо были видные генералы. Может, Кайзаки проговорился, что Такая на самом деле Уэсуги Кагэтора...

«Или Ода?.. Като Киёмаса?..»

К слову сказать, Чиаки ещё не знал, что это Нэдзу... Как бы там ни было, желающих избавиться от Кагэторы среди духов-генералов было предостаточно и помимо тех, что пришли ему на ум.

И с семьёй Миикэ, раз она попала в поле зрения генералов, что-то было явно не так.

– Времени нет. Сначала надо спасти заложницу. Будешь показывать дорогу до Асо, Миикэ.

Тэцую напряжённо кивнул, и они быстро вышли за порог. На улице к тому времени уже полностью стемнело.

***

Аяко вскочила в экспресс на станции Хаката и была в Кумамото примерно через полтора часа. Время уже близилось к восьми. Поймав такси, Аяко направилась прямо в больницу.

«Не может быть, – твердила себе она, – не может этого быть...»

Аяко не верила словам медсестры. Ей надо было убедиться своими глазами.

...Мне очень жаль, но Оги-сан недавно скончался...

«Это какая-то ошибка».

Сказанная сочувственным тоном фраза, не переставая, звучала у неё в ушах. Ей даже время смерти сообщили, но Аяко упрямо вертела головой: «Здесь должна быть какая-то ошибка!..»

...Пожалуйста, пусть это будет ошибкой. Пусть это будет кто-то другой...

Вбежав в полутёмное здание через ночной вход, она остановилась у конторки, где сидела дежурная медсестра.

– Простите, к вам днём привезли больного по имени Оги Такая, я его родственница...

– Оги-сан?.. А, это вы звонили недавно? – похоже, именно с этой женщиной Аяко говорила по телефону. – Я очень сожалею. Мы сделали всё, что было в наших силах...

– Где он сейчас? Проведите меня к нему!

– Вы хотите видеть тело?

«Нет, я не хочу видеть тело!» – чуть не сорвалась Аяко, но вместо этого сказала:

– Ведь могли же где-нибудь ошибиться, да? Вы точно уверены, что это Оги Такая? На сто процентов уверены?

– Мы уверены. В его школьном удостоверении есть фотография. Это точно он.

– Неправда! – выкрикнула Аяко тонким голосом. – Отведите меня к нему! Я не поверю, пока не увижу!

Медсестра заколебалась:

– Но тело уже забрали домой...

– Что? – по лицу Аяко прошла судорога. – Этого точно быть не может. Его дом в Мацумото.

– Но те, кто были при нём... родственники... уже оформили все бумаги, и где-то около часа назад...

– Те, кто были при нём?.. – наверное, речь шла о двух молодых людях, парне и девушке, из рассказа Чиаки.

– Да, они никуда не отходили.

Аяко застыла с гримасой на лице и какое-то время молчала, не зная, что сказать.

«Что происходит?..»

И без того скачущие мысли Аяко пришли в ещё больший беспорядок. Наконец, кое-как взяв себя в руки, она выдавила:

– У вас осталась контактная информация? Имя, адрес... – тут сзади сработала автоматическая дверь, и Аяко обернулась на звук.

В здание бегом вбежал высокий мужчина в чёрном пальто и с очками на носу. Увидеть здесь это знакомое лицо было для Аяко полной неожиданностью; она удивлённо выходнула:

– Кайзаки...

Кайзаки Макото, должно быть, очень торопился попасть сюда, потому что его волосы были в несвойственном ему беспорядке, а дыхание с шумом вырывалось из груди. Аяко не видела его с Эносимы. Такая говорил, что сейчас он работает на Отомо... Заметив её, Кайзаки остановился, и у Аяко словно что-то лопнуло в мозгу.

– Ваших рук дело? – её рот искривился, голос зазвучал низко и угрожающе. – Вы это сотворили с Кагэторой?

Кайзаки распахнул глаза; Аяко подскочила к нему и без предупреждения, с размаху и звонко ударила по щеке. Очки полетели на пол.

Ни на что не обращая внимания, Аяко схватила Кайзаки за ворот и закричала:

– Значит это вы, Сатоми!.. Спелись с Отомо, нашли себе каких-то чудесных помощников, которые напали на Кагэтору по вашей указке!..

Кайзаки оторопел.

– Убийца! Куда ты подевал его?! Отдавай! Сволочи, я всех вас уничтожу!..

– Да нет же... Успокойся...

– Всех!.. Всех до единого!..

– Успокойся, кому говорят! – рявкнул Кайзаки и схватил Аяко за плечи, что её немного обескуражило.

– Кайзаки...

– Прекрати истерику, ты даже ауру не сможешь считывать в таком состоянии! Он жив. Без сознания, но должен быть жив!

«А?..»

Аяко захотелось протереть глаза и прочистить уши. Кайзаки смотрел на неё пугающе твёрдым взглядом и наказывал:

– Зови его мысленно. Если он жив, то обязательно ответит. Слушай очень внимательно, чтобы не пропустить даже самый слабый сигнал. Ты это можешь, я знаю.

– Я...

– Виноваты во всём Иккосою. Симодзума Райрю жив.

– Тот самый Райрю?!

– Да, он не погиб при Ицукусиме. Он в Кумамото, и я его ищу. Предоставь это дело Отомо. Твоя задача – выяснить, где Такая-сан.

– А... а...

– Он жив. Я готов в этом поклясться.

Аяко застыла с открытым ртом. «Наоэ?..» – совершенно автоматически всплыло у неё в голове.

– Всё поняла? – сказал мужчина с нажимом и, достав из кармана визитку, написал на ней телефон, после чего почти насильно всунул Аяко в руку. – Если что случится – звони, я помогу.

А потом он развернулся, взмахнув лапами пальто, и снова вышел на холодный ветер. Сбросив оцепенение, Аяко крикнула: «Подожди, Кайзаки!» – и побежала за ним к парковке, но вскоре ей пришлось остановиться.

«Что?..»

Кайзаки замер посреди улицы. Чуть поодаль стояли в свете фонаря трое мужчин, перегораживая ему путь. В воздухе висело напряжение.

«Кто это?..»

– Ты Кайзаки? – спросил среднего роста молодой человек, бывший, по-видимому, в тройке лидеров. – Беглый потомок Сатоми, который теперь служит Отомо...

Все трое держали в руках мечи. Никого из них Кайзаки раньше не видел.

– А вы кто такие, – сказал он, напрягшись.

– До нас дошли вести, что в Кумамото, куда скоро войдёт наше войско, шастают пронырливые Отомо; мы выступили пораньше, чтобы избавиться от них.

Говоривший был ладным парнем, с большими чёрными глазами, толстыми бровями, и резкими чертами лица, характерными для уроженца Кюсю.

– Наглецы Отомо, – продолжал он глубоким голосом, – думаете, раз взяли Сагу, то всё дозволено? Но Кумамото вам не видать. Проваливайте подобру-поздорову.

– Что...

«Перерождённые. Довольно сильные».

И как только эта догадка мелькнула в уме Кайзаки, трое мужчин обнажили мечи. Голубовато светящиеся лезвия разгорались на глазах, напитываясь силой своих владельцев, пока сияние не стало мощным и ярким.

– Ты – помеха, бывший Сатоми. Исчезни! – парень рванулся вперёд, занося меч высоко над головой – и с криком «Често³!» махнул наискосок, невероятно быстро.

Кайзаки закрылся ментальным щитом в последний момент. Посыпались искры, и отдача швырнула его назад. Этот боевой клич...

«Дзигэн-рю?..»

Похоже, но – нет.

«Тайся-рю, вот что это такое!»

Не успел он собраться с мыслями, как к одному нападающему присоединились остальные. Они рубили наискосок, с невероятной скоростью. Кайзаки закрывался и бил силой в ответ; врагов отбрасывало, но они снова поднимались и бросались в бой. Молниеносные атаки, режущие ухо выкрики...

Стиль фехтования Тайся-рю был в ходу на всём острове Кюсю в конце эпохи Усобиц. В основе этой яростной манеры боя лежала техника единственного решающего удара наискосок, в который нужно было вложить всю силу.

– *Често!*

Кайзаки закрылся щитом, едва не опоздав, но удар, в который вложено всё без остатка, способен пробить даже такую защиту... Отлетев назад, Кайзаки покатился по асфальту. Ему достались серьёзные противники – и всё же, проблема была не только в этом.

– Чёрт...

С ним самим что-то было не так. Какой-то сбой... Он не мог сражаться в полную силу. Кое-как отбросив врагов энергетическим импульсом, он секунду промедлил, чтобы подняться на ноги – и преимущество снова оказалось не на его стороне.

– Кто вы такие?! – крикнул Кайзаки, уворачиваясь от ударов. Парень, который был главным, ответил, не прекращая неистово махать мечом:

– Моё имя – Иэхиса, сын Такахисы, из клана Симадзу. Посмотрим, переживёшь ли ты встречу с сацумским клинком.

«Симадзу Иэхиса⁴?!»

Кайзаки и Аяко оба похолодели, услышав это имя. Один из четырёх братьев Симадзу, Иэхиса был отчаянным полководцем, который, выступая против своих не менее отчаянных соседей того времени, сумел их потеснить. Клан Рюдзодзи и Отомо

---

³ Боевой клич и просто восклицание, распространённое на Кюсю. Этимология слова точно не известна.

⁴ Симадзу Иэхиса (1547 – 1587) – четвёртый сын Симадзу Такахисы и младший брат Симадзу Ёсихисы, который был главой клана на момент прихода Хидзэси на Кюсю. Сражался во многих битвах с Отомо, Рюдзодзи, и силами Хидзэси. Считается одним из лучших полководцев, которых когда-либо произвёл на свет клан Симадзу.

оказались после встречи с ним на краю гибели, и его победоносное войско волной прокатилось по всему Кюсю.

«Симадзу – в Кумамото!..»

Следующая атака Иэхисы пробила ментальный щит Кайзаки, бросив того снова на землю, где он остался лежать без движения.

– Кайзаки! – не выдержав, закричала Аяко, и, когда Иэхиса занёс клинок над головой, чтобы добить противника, швырнула энергетический шар, который в последнюю секунду выбил меч у сацумского генерала из рук.

Столкнувшись с неожиданным препятствием, воины Сацумы немного растерялись.

– Это ещё кто?..

– Я вам его не отдам!

Аяко подбежала к бесчувственному Кайзки, а Иэхиса подал сигнал к отступлению, решив, что враг вызвал подкрепление.

– Стой, Иэхиса!..

Но трое из Сацумы уже пустились наутёк. Аяко прищёлкнула языком и сосредоточила своё внимание на пострадавшем.

– Эй, держись! – потрясла она его за плечи. – Кайзаки!

Ответа не последовало. Работники больницы уже сбегались на шум... Аяко прикусила губу и сердито уставилась во мрак.

«Чёрт бы их побрал...»

***

– Я дома!.. – перешагнув порог, Коганэдзава Кёко со вздохом поставила на пол тяжёлый пакет из супермаркета. – Блин, чуть руки не отвалились...

По пути из школы она зашла в магазин, где серьёзно запаслась продуктами (сильно утомившись в процессе). Пакет был битком набит мясом, овощами, и прочей снедью.

– Привет, Кёко. Что-то ты поздно сегодня, – заметила облачённая в фартук мать, выглянув из кухни.

– Да, мне надо было купить всё для бэнто.

– Ой, – сказала мать, увидев забитый до отказа пакет. – Что ж, это радует. Ты нечасто сама готовишь бэнто... Всё для твоей команды регби?

– Вот ещё! Для Чиаки-сэнсэя. Завтра у нас тренировочный матч, и я хочу, чтобы сэнсэй на нём ел специальное бэнто моего собственного приготовления.

«Понятно», – кивнула мать, и потом добавила, словно вспомнив о чём-то:

– Да, мне звонила мама Акэми-тян. Вы не вместе ходили?

– Нет, с какой стати. Она вообще ушла сегодня раньше, ей надо было к зубному.

– Похоже, она до сих пор не вернулась домой.

– Может, гуляет по магазинам?

«Может быть», – пробормотала мать, подперев щеку рукой.

– Положи в холодильник, ладно? – сказала Кёко, передавая ей пакет. – Чёрт, опять у меня шея затекла... Ужин ещё не готов, да? Тогда я в ванну.

С этими словами она направилась на второй этаж.

Приём ванны был для неё самым важным делом дня – не только потому, что Кёко больше других заботилась о своей внешности. Ванны ещё должны были лечить её от хронических болей в плечах и шее.

– Всё не проходит и не проходит... – пробормотала Кёко, разминая плечи в тёплой воде. На самом деле эти боли стали сильно донимать её только в последние несколько месяцев. Бывали дни, когда она даже рук не могла поднять, и мамин массаж не помогал. Она решила прибегнуть к ваннам как к общепризнанному средству для улучшения кровообращения, и принимала их исправно, но никаких изменений не наблюдалось. Её уже даже дразнили «старушкой». Она в ответ говорила, что у молодых нынче жизнь тяжелее, чем у стариков. Как бы там ни было, лучше ей не становилось.

– Наверное, хватит мне быть менеджером команды...

Конечно, Кёко не могла знать о том, что причиной её недуга были многочисленные духи-паразиты, которых она носила на себе.

«А всё-таки, – подумала она, возвращаясь мыслями к событиям прошедшего дня, – как странно, что Чиаки-сэнсэй и новенький из второго «Б» знакомы...»

Сказанное Тэцуей не выходило у неё из головы. Может, они какие-нибудь родственники? И одна девчонка у них в классе рассказывала странное... Мол, она случайно увидела, как учитель Чиаки заходит в отель рядом с замком, а в отеле (девчонка решила проследить) берёт у портье ключ. Все единодушно заключили, что он ходил по любовным делам, и принялись шумно строить домыслы, но Кёко не поверила в эту теорию ни на секунду.

«Кстати, Акэми же тоже что-то говорила...»

Что-то насчёт того, что Оги Такаяя живёт в отеле.

«А если это был тот же самый отель?..»

Сомнения и подозрения стали множиться у неё в голове, и Кёко сильнее сдвинула брови. Новый учитель и новый ученик появляются в школе в один день –

разве это само по себе не странно? И кто сегодня в обед что-то не поделил с исполнительным комитетом? Оги Такая. Говорят, он теперь в банде Нэдзу Коити...

«Что-то тут нечисто...»

Кёко поджала губы. Какие между этими двумя новенькими отношения?..

«Так, ладно. Завтра не отстану от Чиаки-сэнсэя, пока он мне всё толком не объяснит», – подумала она и сжала под водой кулаки, как вдруг в животе у неё странно заурчало.

«Хм?..»

Кёко решила, что сжала кулаки слишком сильно, и её мысли сами собой потекли в сторону ужина, но... звук повторился.

Это был необычный звук: не естественное урчание, а скорее неестественное рычание. Что-то шевельнулось у неё внутри – шур-шур – а потом глухо треснуло, и описало в животе круг.

Кёко судорожно вздохнула. Шевеление становилось всё более отчётливым, словно у неё в желудке билась рыба – быстрее и быстрее, пока кожа под грудью не начала пульсировать.

– Что... Что это? – запаниковала Кёко.

У неё на глазах участок кожи вздулся, и то, что было под ним, поползло, извиваясь, к шее.

– А-а! – вне себя от страха, Кёко выскочила из ванны. – Какого... Какого чёрта?!

Что-то живое двигалось у неё внутри... Секунду спустя отчаянный крик прокатился по дому.

– Кёко! Что случилось?! – мать влетела в ванную, с грохотом распахнув дверь, и увидела девушку лежащей на полу лицом вниз.

– Кёко!.. – она хотела было шагнуть вперёд, как вдруг перед её глазами мелькнуло что-то тёмное. Женщина подняла голову и уставилась в бледно-зеленоватые лица четырёх или пяти духов, которых Кёко до этого носила на себе. Призраки глядели зло и недовольно.

– Кёко...

Испуганная мать попыталась приподнять её, но тело девушки дёрнулось несколько раз, а потом она начала подниматься сама.

– Кёко?..

Медленно высвободившись из материнских объятий, Кёко упёрлась обеими руками в пол и подняла голову. Глаза матери расширились, когда она увидела её лицо под мокрыми спутанными волосами и взгляд – безжизненный взгляд змеи.

Потом уголки алых губ медленно поползли вверх, складываясь в улыбку.

Глава 11

ХРАНИТЕЛИ ОГНЕННОЙ ГОРЫ

Ехать от центра Кумамото до Асо примерно час. С Тэцуей на пассажирском сиденье, Чиаки гнал машину по государственному шоссе номер 57 к дому Миикэ.

Ландшафт в этих краях очень причудливый. В огромной, окружённой ободком внешних гор кальдере – 128 километров в окружности – поместилось целых семь городов и деревень. Примерно по центру этой широкой чаши поднимаются холмы центрального кратера, среди которых – знаменитые Пять вершин Асо. Люди часто ошибаются, думая, что «Асо-сан» – название какой-то одной высокой горы. В действительности так называют всё, что находится в чаше, включая её стенки. Давным-давно на этом месте располагалась группа активных вулканов – Древний Асо. Нынешняя кальдера возникла в результате извержения, когда горы выплюнули из себя сорок миллиардов тонн лавы, и под ними просела земля.

Окружающие кальдере горы образуют практически сплошную стену. Только в одном месте – в Татэно – есть проём. Именно через долину Татэно проходит в Асо железнодорожная ветка из Кумамото и государственное шоссе номер 57.

Тэцуя за всю дорогу не проронил ни слова. Чиаки, слушая по радио о случившемся в святилище Като, переживал за Кагэтору, но сейчас ему ничего не оставалось, кроме как сосредоточиться на текущих задачах и жать на газ.

Они свернули на перекрёстке налево, немного не доехав до железнодорожной станции Асо, что по линии Хохи. Узкая дорога привела их в родную деревню Тэцуи – Якуимбару, где, через некоторое время, обнаружился среди рисовых полей дом его двоюродного дедушки, Миикэ Тацуи.

Под оглушительный собачий лай Чиаки загнал машину на крошечный пятачок перед домом. Ставни на окнах уже были закрыты, свет потушен, но кто-то вскоре вышел на шум.

– Что случилось, Тэцуя? – удивился пожилой человек, увидев своего двоюродного внука, от которого обычно и телефонного звонка не дождёшься. – Ты не предупредил, что приезжаешь! Что-то стряслось?

Тэцуя с раздражённым видом вылез из машины.

– А это кто?..

– Мой учитель, – буркнул Тэцуя, и дедушка решил, что тот снова что-то натворил.

– Учитель!.. – пожилой человек моментально начал кланяться. – Ах, мне так жаль, что вам пришлось ехать ночью, издалека... Пожалуйста, проходите! Тэцуя, ну что ты там учудил на этот раз?

– Да нет, деда, всё не так! Ты, лучше, вот что... – Тэцуя сделал угрожающее лицо.
– Ты скажи мне кое-что. Прямо сейчас.

– Сказать?..

– Где Хокагэ?

Выражение морщинистого лица мгновенно изменилось, что не укрылось от глаз Тэцуи – и Чиаки.

– Ты знаешь? Знаешь, где она сейчас? Если да, то скажи мне!

– Тэцуя...

– От этого зависит жизнь человека! Деда, ну пожалуйста, скажи!

– Жизнь человека?.. – дедушка Тэцуи встревожено посмотрел на Чиаки.

– Это правда, – кивнул тот. – И у нас мало времени. Пожалуйста, скажите, где Хокагэ-сан?

– Я... – пожилой человек растерянно склонил голову, – ...не знаю.

– Не знаешь?..

– Как?..

– Не знаю. Честное слово. Но если бы даже и знал – нам, Возносящим Молитвы, запрещено говорить о таком с посторонними.

Тэцуя вытаращил глаза, как бойцовский пёс.

– Ладно! Мне спросить дядю? А что, я и спрошу! Пойдёмте, сэнсэй!

– Тэцуя, подожди!..

Но тот схватил Чиаки за руку и потащил обратно в машину, не обращая внимания на протесты деда. Они выехали за ворота, оставив взволнованного старика позади.

– Видали? – Тэцуя на переднем сиденье грыз ногти от досады. – Вот оно как у нас устроено. Боковая ветвь прислуживает главной, и кругом одни тайны. Мерзкая семья...

– Кто такие Возносящие Молитвы⁵?

– Вассалы. Боковая ветвь. Что им в главном доме скажут, то и делают. А люди из главного – это господа. Сказал господин молчать – значит, надо молчать, хоть язык себе откуси.

«Действительно, странное семейство...»

---

⁵ В оригинале 祝子 (ほうり), где 祝 означает «возносить молитвы о благополучном исходе дела», «воспевать», «восхвалять», «благословлять».

Разделение на главную и боковые ветви даже в наши дни не считалось чем-то необычным в провинции. Семья Миикэ, кажется, придерживалась старых традиций особенно твёрдо, но был – взять хотя бы Асару – и в ней самой какой-то секрет.

Гористый ободок северного края кальдеры отчётливо вырисовывался в лунном свете. Свернув направо с бегущей сквозь поля дороги, Чиаки и Тэцуя оказались перед большим домом, окружённым со всех сторон живой изгородью: главным особняком семьи Миикэ.

В одном конце обширного сада виднелся амбар. В другом – что-то похожее на флигель. Сам дом выглядел внушительно, как и подобает обителицу главной ветви клана.

В напряжении, Чиаки и Тэцуя вышли из машины.

***

Внутри их пропустили – а потом пришлось ждать.

Старинный сельский дом. Глиняный пол в прихожей, потемневшие от времени балки. Коридора нет, и комнаты, которых всего должно быть штук десять, разделены не раздвижными перегородками, а янтарного цвета деревянными дверями. В этом доме, судя по его возрасту, когда-то жил не меньше чем сельский староста.

В просторной комнате, куда их провели, было около двенадцати татами – и всего одна керосиновая грелка. Воздух ещё не прогрелся на тот момент, когда они вошли.

Тэцуя нервничал. Миикэ Харуя, глава этого дома, доводился ему родным дядей. Казалось бы, чего нервничать перед встречей с родственником? Но кулаки сидевшего в сэйза Тэцуи мелко дрожали на его коленях, и он чертыхался себе под нос. Глаза, впрочем, горели вызовом.

«Неужели этот дядя настолько суровый тип?» – подумал Чиаки, когда дверь в комнату распахнулась, впуская человека, одетого в кимоно. Тэцуя резко расправил плечи.

Чиаки на мгновение растерялся, потому что Миикэ Харуя оказался совсем не таким, каким он его себе представлял. Лет вошедшему было около сорока пяти. Тёмно синее кимоно с безупречно заправленным воротником сидело на нём ладно, как сидит повседневная одежда. В облике мужчины не было ничего деревенского; он казался скорее утончённым интеллигентом, преисполненным, однако, того особого достоинства, какое присуще главам старинных родов.

«М-да, – подумал Чиаки, – с таким будет непросто договориться...»

– Ну что, Тэцуя, – сказал мужчина, – вижу, ты жив и здоров.

Тэцуя, в чьих глазах по-прежнему горел вызов, поклонился, тем не менее, по всем правилам:

– Простите, что давно не объявлялся.

– Даже на Новый год тебя не было. И священный танец, я слышал, ты не учишь – разве так можно? Служители обязаны знать священный танец. Учти, в этом году и ты, наконец, будешь танцевать.

Возражать Тэцуя не стал, но протест читался в его взгляде.

– С кем имею честь?.. – обратился Харуя к Чиаки.

– Чиаки Сюхэй, – представился тот. – Я преподаю математику в старшей школе Кодзё.

– Ах, так вы учитель...

– Прошу прощения за внезапный ночной визит, но у нас к вам срочное дело.

– Это насчёт Хокагэ, Тамамори, – Тэцуя решил сразу взять быка за рога. – Нам нужно знать, где она. Пожалуйста, скажите!

– Да? – Харуя слегка приподнял брови. – А зачем она вам?

Чиаки протянул ему записку с угрозой и отрезанный локон. Харуя не спеша развернул записку и под пронзительным взглядом Тэцуи пробежал по ней глазами.

– Кто-то прислал это на имя вашего племянника, – сказал Чиаки. – Похищенная девушка, Инаба Акэми – его одноклассница. Домой она не возвращалась, и её местонахождение на данный момент неизвестно. Есть свидетели, утверждающие, что наблюдали её похищение в святилище Като.

– И я нашёл там кое-что, – Тэцуя достал из кармана брелок. – Это брелок Инабы. Её на самом деле похитили, и неизвестно, что с ней сделают, если мы не приведём Хокагэ!

Харуя услышанное несколько не взволновало. Он поднял отстранённый взгляд от записки и сказал:

– В полицию вы уже обратились?

– Ещё нет.

– Вот как... Что ж, ничем не могу помочь.

Столь краткий и незамедлительный ответ заставил Тэцую возмущённо распахнуть глаза. Харуя небрежно, словно отмахиваясь, вернул записку Чиаки:

– Не знаю, кому и зачем понадобилась эта злая шутка, но подыгрывать я не собираюсь.

– Это не шутка! – Тэцуя повысил голос. – Инабу похитили и убьют, если мы не выполним их требование!

– Почему ты так уверен?

– Они знают про Асару. Знают то, что кроме членов семьи Миикэ не должно быть известно, как я понимаю, никому – уже одно это о многом говорит. Инабу похитили те же люди, что разрушили святилище Като. Я прав, сэнсэй? И Оги отделали тоже они!

– Миикэ... – Чиаки бросил на Тэцуя удивлённый взгляд. Он не ожидал от юноши подобной проницательности.

– Не знаю, кто они, но в том, что они не шутят, я уверен. Если мы не приведём Хокагэ, Инабу убьют. Они убьют её, дядя!

– ...Тогда я тем более ничем не могу помочь.

Тэцуя лишился дара речи, а Харуя, полуприкрыв глаза, строгим тоном продолжал:

– Если всё это правда, то я вдвойне обязан хранить местонахождение Хокагэ в тайне. Мы не имеем права поддаваться на угрозы и подвергать жизнь Асару опасности.

– Но Инаба её подруга! С чьей жизнью, выходит, можно не считаться?

– Нашему дому до этого дела нет.

Безжалостный, не оставляющий места для обсуждения ответ вывел Тэцуя из себя. Он стиснул зубы и уставился на своего дядю, словно хотел прожечь взглядом.

– Омпати-сама, значит, важнее живого человека? – сказал он низким голосом.

– Тэцуя.

– Да что не так с этой семьёй?! В чём проблема с Хокагэ, почему её надо прятать?! ...Вы что, в самом деле готовите её господину Омпати в жёны? Мы же не в средневековье! Вы в городе жили, в институтах учились – и всерьёз боитесь каких-то идиотских суеверий?!

Чиаки молча наблюдал за реакцией Харуи – который, даже под шквалом обрушившихся на него обвинений, оставался абсолютно невозмутим. Наконец, Чиаки подал голос:

– От кого вы прячете Хокагэ-сан?

Вопрос остался без ответа.

– Возможно, вы предвидели, что всё обернётся именно так?

Харуя вскинул глаза.

– Неужели!.. – воскликнул Тэцуя. – Это правда, дядя? Вы знали, что Хокагэ кому-то понадобится?

– Вас двоих это не касается.

– Касается! – Тэцуя ударил ладонью по татами. – Хокагэ моя сестра – как это может меня не касаться?! Кому она нужна, и зачем? Кто-нибудь скажет мне, наконец, что происходит в этом доме?!

Голос Тэцуи сорвался, и Чиаки успокаивающе похлопал его по плечу. Глава дома Миикэ, однако, самообладания не терял, и сидел всё так же молча, с руками за пазухой.

– Миикэ-сан.

– Где Хокагэ, я не скажу. Вот вам ответ Тамамори. Теперь возвращайтесь.

У Тэцуи упало сердце. «Дядя...», пробормотал он беспомощно, но Харуя, не удостоив его вниманием, отвесил Чиаки короткий прощальный поклон, поднялся, и вышел из комнаты. Чиаки поспешил следом.

– Возвращайтесь, – холодным тоном повторил Харуя, когда Чиаки догнал его. – Здесь вам больше делать нечего.

– Кто такая Асара-химэ? У меня связаны руки, пока я не пойму хотя бы это. И кто такой Омпати-сама? Это имеет отношение к Празднику Огня?

– С какой стати я должен вам рассказывать?

– Инаба – моя ученица. Я должен что-то предпринять, чтобы её спасти. Поэтому вы скажете мне, где найти Хокагэ-сан.

– Моего дома всё это не касается.

– Вы, конечно, можете играть в молчанку, но если вы будете чересчур в этом усердствовать, противник найдёт более действенные способы вас разговорить.

Плечи Харуи вздрогнули, и Чиаки понял, что впервые задел его за живое.

– Вы знаете, кто за этим стоит? – спросил Харуя, повернувшись вполборота. Чиаки кивнул.

– ...И мы с вами оба знаем, что в полицию с этим делом обращаться бесполезно.

– Кто вы такой?

– Миикэ-сан, давайте заключим сделку. У вас есть тайна настолько важная, что вы готовы пожертвовать человеческой жизнью, чтобы сохранить её. Но люди, написавшие записку – безжалостные типы, не стесняющиеся в выборе средств. Я вам помогу. Я обязуюсь защищать Хокагэ-сан, если вы скажете мне, где она.

– Всё это просто нелепо. Никаких сделок я заключать не стану.

– Вы вынуждаете меня прибегнуть к крайнему средству...

Харуя впился в Чиаки взглядом. Тот всем своим видом показывал, что не шутит, и следующая сказанная им фраза прозвучала как вызов:

– Я не уйду, пока не добьюсь своего.

***

Началось соревнование в упрямстве. Обитатели особняка, похоже, получили от Харуи распоряжение не вмешиваться, и Чиаки с Тэцуей, оставшихся сидеть в большой

комнате, никто не беспокоил. Было тихо и холодно – теперь, когда керосиновую грелку у них забрали, а за окном вступила в полные права ночь, тепла не давала даже верхняя одежда. Руки Тэцуи, сжатые в кулаки, дрожали, однако, не только от холода.

– Я вырасту... – пробормотал он сквозь стиснутые зубы, – ...и ноги моей в этом доме больше не будет.

– Миикэ...

– Только я стану самостоятельным – и всё, поминай как звали.

Обитатели главного дома относились к Тэцуе весьма прохладно; Чиаки заметил это, как только они пришли. На то были, скорее всего, и другие причины помимо его принадлежности к боковой ветви – и всё же...

«Деревня», – подумал Чиаки, с раздражением осознав, насколько до сих пор силен в провинции феодальный иерархический уклад. Сам он давным-давно перестал утруждать себя семейными и родственными связями, но всё ещё мог представить, как человеку с характером Тэцуи здесь должно было быть нелегко. Четыреста лет наблюдая за Иробэ и остальными Уэсуги, жившими в семьях, Чиаки не мог понять, зачем они себя мучают, но, тем не менее, восхищался их стойкостью.

«Тесно ему тут, должно быть...» – мысленно пожалел Тэцую Чиаки. Теперь было ясно, что трудным подростком тот стал не без причины.

Чиаки бросил взгляд на часы, которые показывали почти час. Его мысли вернулись к делам более насущным.

«Прохлаждаться особо некогда...»

Похитители дали им сорок восемь часов на размышления – то есть, Хокагэ надо было добыть к полудню послезавтрашнего дня.

«Подожду до утра».

Если к утру Харуя ничего не предпримет, придётся прибегнуть к последнему средству.

«Он выложит мне всё под гипнозом».

Под утро Тэцуя, наконец, поддался усталости и заснул. Ещё не рассвело, хотя птицы уже пели. Часы показывали полшестого, когда в глубине дома раздался шум, говоривший о том, что кто-то собирается на улицу.

Чиаки поднялся, пробрался к входной двери, и увидел того, кого и ожидал: Харую. Тот вышел за ворота особняка и зашагал по дорожке вдоль укрытых предрассветным сумраком рисовых полей. Чиаки последовал за ним.

«Куда это он направляется?»

В руках Харуя держал скрученный в жгут пучок соломы. Присмотревшись, Чиаки заметил, что он дымится на конце.

Небо на востоке начало окрашиваться цветами рассвета. В ледяном, кристально чистом воздухе разносилось пение птиц, а за бескрайними полями виднелись величественные очертания Пяти вершин Асо.

Дорога привела в деревню, и, пройдя по ней ещё немного, Харуя остановился перед синтоистским святилищем – крошечным сооружением, похожим скорее на кумирню. Надпись на воротах гласила: Святилище Симо.

Не выпуская дымящегося жгута из рук, Харуя совершил положенный ритуал, с двумя поклонами и двумя хлопками. Чиаки наблюдал за ним с расстояния.

Харуя медленно выпрямился и, не поворачивая головы, сказал:

– Так заведено, что глава семьи Миикэ должен приходить сюда на поклон каждое утро.

Похоже, он давно заметил слежку – просто не подавал вида. Чиаки кивнул.

– А что это за жгут, и почему он горит?

– Это священное пламя, зажжённое во время Праздника Огня, – ответил Харуя, оборачиваясь. – В последний день торжеств мы забираем его к себе в дом, и сохраняем на алтаре в течение года, чтобы использовать в ежедневных ритуалах.

– Значит, вот это и есть святилище Симо, в котором проводится огненное празднество? Выглядит меньше, чем я ожидал.

– Зал Хитаки – через дорогу. Именно там Огненная Дева и возжигает шестьдесят дней огонь для бога инея.

«Понятно», – кивнул Чиаки, и, не вынимая рук из карманов, подошёл к Харуе.

– Необычный у вас праздник. А к святилищу Асо – оно, пожалуй, самое крупное в этих краях – бог инея никакого отношения не имеет?

– Ну как же не имеет, – Харуя слегка улыбнулся, впервые за всё время разговора. – Без Такэиватацу-но микото этого святилища вообще бы не было. Он собственноручно его построил.

– Вот как?

– Святилище Симо называют ещё Симомия. Праздник Огня устраивается для того, чтобы обогреть бога инея, иначе он от холода может побить изморозью поля. Но на самом деле эта традиция, – тут улыбка сошла с лица Харуи, – призвана защищать от проклятия мстительного духа.

– Мстительного духа?.. – Чиаки нахмурился.

– Да. Дух Кихати, которому Такэиватацу-но микото отрубил голову – вот истинное божество святилища Симо. Его ещё называют Кихати-хоси...

Харуя размеренным голосом начал рассказ.

Давным-давно жил в этих краях некто Кихати – местный воевода в услужении у Такэиватацу-но микото. Говорили, что не было тому Кихати равных ни в силе, ни в скорости. Микото больше всего на свете любил стрелять из лука, и служба Кихати была в том, чтобы стрелы подбирать. Усядется, бывало, микото на верхушке Одзё-дакэ, одной из гор в центре кальдеры Асо, и начнёт стрелять по своей излюбленной мишени – камню в деревушке Огаиси. Иногда стрела нет-нет, да и пройдёт мимо цели – тогда Кихати срывается с места и бежит за ней. Сбегал раз, сбегал десять, сбегал девяносто девять раз, пока, наконец, не устал. На сотый раз зажал Кихати найденную стрелу между пальцами ноги, и метнул в сторону микото, чтобы обратно не бегать.

Обозлился микото – мол, как смеешь ты так грубо обходиться с моими бесценными стрелами! Погнался микото за Кихати, настиг, и, в итоге жаркой схватки, полетела голова Кихати с плеч долой. Но вот чудо: голова тут же возьми да прирасти обратно. Раз, другой, третий... Пришлось микото изрубить Кихати на части, пока тот, наконец, не умер.

Отрубленная голова же взлетела высоко к небесам, и там, в небесах, сделалась мстительным духом, который стал, из ненависти к микото, морозить поля ранним инеем и убивать урожай.

А без урожая, что людям есть? Как им жить? Спыхватился микото, и, чтобы умилостивить духа и уговорить отправиться в нижний мир, поставил ему кумирню посреди долины Асо. Голова Кихати вняла просьбам и ушла в нижний мир. Люди стали поклоняться ей в Симомие. Заморозки на полях прекратились... Такова история святилища Симо.

Праздник Огня, между тем, нужен для того, чтобы голова Кихати от холода не наслала проклятие снова.

– Кихати... Это, что ли, и есть тот Омпати-сама, о котором вы говорили?.. – в холодном воздухе, от которого сводило скулы, облачно белого пара вырвалось изо рта Чиаки. – Но я не понимаю... Какова роль вашего семейства? Вы не похожи на обычных почитателей деревенского божества, как ни погляди.

Повисла тишина. Харуя не отвечал. Чиаки продолжил свою мысль:

– Тэцуя назвал вас потомками Асары... Кто такая Асара-химэ?

– Жена Кихати.

– Жена?..

Харуя стряхнул уголёк с конца соломенного жгута.

– За границами Асо лежит область под названием Такатихо. Вы, наверное, о ней слышали – именно там, по преданию, боги сошли с небес на землю... В легенде о

Кихати, которая распространена в Такатихо, последний был злым разбойником. Он взял Асару-химэ в жёны против её воли и удерживал в заточении, пока перед несчастной девушкой не явился однажды доблестный Микэну-но микото.

– Микэну-но микото?..

– Это брат императора Дзимму, главное божество святилища Такатихо. Он вступил в схватку с Кихати, чтобы освободить Асару-химэ.

Однако и по этой легенде Кихати был не сразу побеждён: он оживал, сколько бы его ни убивали. Тогда микото призвал на помощь искусного воина по имени Табэ Дзюко. Вместе они одолели Кихати и разрубили его на множество частей, которые закопали в разных местах. Больше Кихати не возродился. Курганы, в которых якобы покоятся части его тела, до сих пор можно встретить в тех краях. Меч Оникиримару, которым он был побеждён, хранится как реликвия в святилище Такатихо.

А Микэну-но микото после этого взял в жёны Асару-химэ, и жили они долго и счастливо.

– Потомки Асары... Не хотите же вы сказать, что ведёте от неё свой род?

– Наш далёкий предок был сыном Асары-химэ и Микэну-но микото.

– Да ну!.. – Чиаки вытарашил глаза.

– Не верите? – сказал Харуя и продолжил спокойно: – Род Асары продолжается больше тысячи лет, чтобы исполнить одно её желание. Я – девяносто восьмой по счёту глава. По древности мы можем сравниться с семейством хранителей святилища Асо... Теневой клан Асо – вот как ещё называют нашу семью.

Харуя скрестил руки на груди и перевёл взгляд на Пять вершин Асо, очертания которых виднелись на юге.

– Теневой клан...

– «Миикэ» обозначает пруд в кратере Накадакэ. Иными словами, жерло вулкана.

Харуя указал на струйку дыма, едва заметно поднимающуюся примерно по центру горного массива:

– Сейчас облака, сложно различить... Но вон там, видно. Накадакэ, до сих пор живой и дышащий вулкан. Его жерло с давних времён называют священным прудом, или просто Прудом, с большой буквы – там дождевая вода собирается и стоит в кратере. От этого пруда мы и позаимствовали своё имя.

– И что это значит?

– То, что по распоряжению святилища Асо мы поставлены охранять кратер. Мы – стражи Накадакэ, наблюдатели за его активностью. Догадываетесь, по какой причине?

Чиаки отрицательно покачал головой. Харуя сказал, слегка опустив взгляд:

– Говорят, потомки Асары способны управлять извержениями.

Какое-то время Чиаки молчал, не зная, как на это реагировать, а потом спросил:

– Почему?

– Потому, что извержение Накадакэ – это ненависть Кихати. Потому, что Асара – его жена.

Харуя умолк.

Непонятно, подумал Чиаки. Их род продолжается, чтобы исполнить желание Асары... Какое желание?

Асара должна родиться. Ради господина Кихати.

Слова бабушки Тэцуи. Какое отношение они имеют к желанию Асары? Почему потомки Микэну-но микото называют убитого их предком злодея «господин»? Боятся проклятия? Должна быть другая причина.

«Что за ерунда творится с этими Миикэ?»

Миикэ Харуя больше ничего, похоже, не собирался объяснять. Немного постояв со склонённой, будто в молитве, головой, он медленно развернулся, встал прямо напротив Чиаки, и посмотрел на него в упор.

– Вы сказали, что поможете нам. Защитите Хокагэ.

– Да, – Чиаки расправил плечи и сосредоточился. – И я сделаю, что сказал, если вы поможете спасти Инабу.

– Мне нужны доказательства.

С этими словами Харуя вытащил из-за пазухи бумажный амулет, на котором было нарисовано созвездие Большой медведицы и написаны охранные символы. Харуя поджёг амулет от своего соломенного жгута, и бросил занявшийся огнём листок в сторону Чиаки.

Чиаки вспыхнул. Огромное синее пламя с шумом, но не обжигая, поднялось над его телом – и в следующее мгновение потухло, растаяло в воздухе вместе с бумажным листком.

Харуя удивился. Никогда прежде ему не доводилось видеть такой великолепной реакции.

– Потрясающе. Недюжинная сила... Кто вы такой?

– Что это было?

– Пламя реагирует на спиритическую силу. Ваша аура – как топливо для него. Поразительно...

– Кто бы сомневался, – Чиаки усмехнулся и нарочито грозным голосом сказал: – Я сумею защитить вашу барышню от кого угодно. Равных мне в драке не так-то просто найти.

– Точно? – переспросил Харуя с нажимом. – От кого угодно?

Серьезность, с которой это было сказано, заставила Чиаки насторожиться. Похоже, у Харуи были подозрения насчёт того, с кем они имеют дело – и вряд ли речь шла о духах-генералах. А это значит...

«Есть кто-то ещё?..»

Кто-то третий замешан в происходящем, помимо генералов и Миикэ.

«И он беспокоится об этой третьей стороне...»

Кто выдал генералам секрет семьи Миикэ, кто рассказал им об Асаре? Возможно ли, что Харуя знает его? Взгляд Чиаки похолодел.

Как бы то ни было, сейчас ему нужно было набиться в телохранители к Миикэ Хокагэ, даже если требовалось преувеличить свои возможности.

– Не волнуйтесь, босс. Охрана юных леди – можно сказать, мой профиль, – Чиаки скрестил руки на груди, всем своим видом излучая надёжность. – Чем больше я вас слушаю, тем меньше мне понятно, но я обещаю, что с Хокагэ ничего не случится. Теперь скажите мне, где она.

– Хорошо... – тяжёлым голосом проговорил Харуя, – но прежде мне надо кое-что проверить.

– Проверить? Что?

– Нужно съездить в святилище Асо, – Харуя бросил взгляд на восток, где находилась обозначенная им цель. – Это очень важно. Нужно убедиться, что Голова Золотого Змея всё ещё там.

– Голова Золотого Змея?..

– Потому что если её там нет – у нас осталось очень, очень мало времени...

Харуя повернулся к Чиаки и с суровым видом сказал:

– Вы едете со мной, Чиаки-сэнсэй.

Тот собрался с духом и бросил решительный взгляд в сторону святилища Асо. Холодный утренний ветер хлопал полами его пиджака.

Глава 12

БЕЗОТКАЗНЫЕ КРЫЛЬЯ

Если взглянуть с Пяти Вершин Асо на северный край кальдеры, можно позабыть на время, что ты в Японии.

Верхушка этого массива представляет собой плоское плато, большую часть которого занимают пастбища. С расстояния зимнюю пожухлую траву можно принять за голые скалы – ну чем не японский Гранд Каньон?

Горы стоят кольцом, но не возвышаются над землёй. Они получились, когда земля провалилась – как обрывистый берег пруда. Потому-то и высота у них почти везде одинаковая.

Знал ли смотрящий в окно о Гранд Каньоне, неизвестно. Вскоре послышался шум открываемой двери, и Нэдзу Коити, он же Като Киёмаса, обернулся.

– Хорошо ли вы спали этой ночью?

Мужчина и женщина в простой джинсовой одежде – двое из группы людей-птиц, которые спасли Такаю в святилище Като – стояли у порога.

– От вашего сонного зелья – спал отлично, премного благодарен, – утрюмо ответил Киёмаса.

– Рады слышать.

– Зачем я вам понадобился? – Киёмаса прижал руку к левому плечу. – Неужто вы думаете, что эта штука, которую вы в меня засунули, сможет меня здесь удержать?

– Неудобно иногда быть перерождённым, – раздался голос со стороны двери, и в комнату вошла женщина чуть постарше – та самая, длинноволосая в персиковом костюме, которая была с Такаей в больнице. – В вашем теле – Огненный камень, кристаллизованная вулканическая энергия. С помощью этих камней мы вчера прогнали ваших врагов. Огненный камень может излучать либо жар, либо холод, по моему велению. Вытащить его самостоятельно вы не сможете.

Всё это было сказано спокойным, размеренным тоном. Киёмаса злобно уставился на незнакомку:

– Что с Уэсуги-доно? Он жив?

Женщина немного помолчала.

– ...Наш патрон хочет с вами поговорить.

Она подала знак кому-то за дверью. В комнату вошёл мужчина – ещё старше, и совершенно явно из другой компании.

«Этот человек...»

Киёмаса сразу распознал себе подобного.

– Приветствую, Като Киёмаса-доно.

Итак, вошедший знал его настоящее имя. Киёмаса насторожился.

– Ты кто? Понятно, что генерал. Чей, откуда? Назовись.

На резкие слова Киёмасы мужчина ответил мягкой улыбкой:

– Кагэтора-доно сразу бы меня узнал...

Мужчина знаком велел летающей компании удалиться, что было беспрекословно выполнено. Когда они остались в комнате одни, он сказал:

– Досадное, однако, происшествие. Схватка – подумать только! Этот глупец Райрю решил свести личные счёты... Слава богу, нам удалось его отогнать, но я могу только посочувствовать Симадзу-доно. Такого сумасшедшего союзника и врагу не пожелаешь.

– Ты что, из Симадзу? Ну же, имя!

– Киёмаса-доно. Ты с самого начала был с тайко⁶. К тому моменту, как мой главный дом присягнул ему на верность, я уже отошёл от дел, поэтому повстречаться нам не довелось, но моего младшего брата, одного из Пяти Старейшин, ты должен был несколько раз видеть в замке Осака.

– Одного из Пяти Старейшин?.. – недоумевающее переспросил Киёмаса, а мужчина спокойно продолжал: – В Усобице Духов ты, говорят, присоединился к Оде? Что ж, закономерный выбор. Ведь тайко, в конце концов, был его вассал.

– Именно так! Господин Нобунага – сюзерен моего сюзерена. Служа ему, я исполняю свой долг перед тайко. К тому же, – продолжал Киёмаса с горячностью, – моё сердце радеет за выращенный мною город. Жители Кумамото почитают меня в святилище! Я просто обязан был возродиться, чтобы защитить их от происков мстительных духов.

– Однако же, сейчас ты здесь, – мужчина, сунув руки в карманы брюк, подошёл к Киёмасе, – полностью в нашей власти.

– Что ты собираешься со мной делать?

– Могу спросить должок за Ицукусиму. Ода и Суэ Харуката захватили мой родной край. Ты – вражеский генерал, и по-хорошему я должен был бы убить тебя, не задумываясь...

При этих словах Киёмаса вздрогнул.

– ...Но я о многом хотел бы расспросить тебя касательно Оды. Быть тебе моим пленником, Киёмаса-доно.

– Ублюдок! – Киёмаса бросился было на врага, но тот оттолкнул его силовым импульсом. Киёмаса врезался спиной в стену и рухнул на пол.

– Ублюдок... – досадливо прошипел он, потирая левое плечо. – Что с Уэсуги-доно? Он жив?

– Волнуешься за него?

– Ещё бы – я должен притащить этого саблезубого к господину Нобунаге на цепи.

– В таком случае, он умер.

---

⁶ «Регент в отставке» - титул, который принял Тоётоми Хидэёси, когда пришёл к власти.

Мужчина направился к двери, и, дойдя до порога, обернулся через плечо:

– Като Киёмаса, охотник на тигров? Я пожелал бы тебе в этом удачи, если бы ты сам сейчас не сидел в клетке.

Мужчина вышел, а Киёмаса от злости ударил кулаком по стене. Он так и не узнал имя своего похитителя...

«Его брат был одним из Пяти Старейшин... Должок за Ицукусиму... Суэ Харуката...»

Потом ключевые слова связались воедино, и Киёмаса воскликнул:

– Я знаю, кто он такой!

***

Полузаброшенного вида дом, в котором они находились, приютился на лесистом склоне Эбосидакэ, одной из Пяти вершин Асо. Мужчина вышел во двор и зашагал по дорожке к маленькому бревенчатому коттеджу, стоявшему в отдалении. С неба падал редкий снег.

Из коттеджа вышла женщина, которая была с Такаей в больнице. Заметив приближающегося мужчину, она поприветствовала его лёгким поклоном.

– Как он? – спросил мужчина.

– Очнулся, наконец. Голова ещё не совсем ясная, но говорить, я думаю, может.

– А физически?

– Состояние стабилизировалось. По сравнению со вчерашним вечером – большой прогресс.

– Вот как... – лицо мужчины, до этого напряжённое, просветлело.

– Температура ещё есть, но должна пройти, если дать ему отлежаться. Огненный камень, похоже, прижился, и способствует выздоровлению. То, что он пережил перевозку – хороший знак. Я думаю, с ним всё будет в порядке, но лучше сейчас обеспечить ему постельный режим. Кроме того... – женщина понизила голос, – мне кажется, он несколько ослаб духом. Душевное здоровье влияет и на здоровье физическое... Советую быть с ним поосторожнее.

– Да?... – мужчина вздохнул, помолчал немного, а потом кивнул. – Понятно. Я присмотрю за ним, можешь отдыхать. Как хорошо, что среди вас нашёлся сведущий в медицине... Моя благодарность не знает границ.

– Я рада, что смогла быть полезной. В больнице мы всё уладили при помощи гипноза, так что не волнуйтесь. Школьную форму я сдам в химчистку. Зовите, если ещё что-то понадобится.

– Непременно.

Женщина собралась уйти, но мужчина остановил её.

– Что-то ещё? – спросила она.

Мужчина помолчал, подбирая слова, а потом сказал с кривой улыбкой:

– Спасибо, что спасли ему жизнь.

Женщина-птица улыбнулась и поклонилась. Её безупречные манеры были, видимо, следствием хорошего воспитания. Все в их компании, за исключением лидера, говорили немного и в чужие дела не лезли – лучших помощников и пожелать нельзя. Мужчина вошёл в бревенчатый дом.

Занавески на окне были задёрнуты. Торшер горел неярко, – чтобы не помешать даже спящему, – создавая в комнате полумрак. У кровати стояла капельница, простая кислородная система, и прочее оборудование экстренной медицинской помощи.

Оги Такая лежал на кровати с полуоткрытыми глазами и отрешённо смотрел в потолок. Его сознание, похоже, ещё не до конца прояснилось. На вошедшего он никак не отреагировал.

Мужчина подошёл и встал рядом, глядя на юношу сверху вниз, но тот не пошевелился, его губы как были, так и оставались приоткрытыми, а глаза расфокусированно смотрели в потолок. Склонившись над ним, мужчина позвал:

– Кагэтора-доно. Узнаёшь меня, Кагэтора-доно?

Молчание.

– Это я, Киккава Мотохару. Кагэтора-доно!

Веки Такаи слегка приподнялись, и взгляд чуть заметно скользнул в сторону говорившего.

– Киккава... Мотохару?.. – хрипло пробормотал он наконец.

Сын Мори Мотонари, один из Двух Притоков Мори, сражавшийся с Такаей при Ицукусиме, кивнул.

Реакция Такаи оставалась замедленной. Он смотрел на мужчину, словно во сне, словно не мог узнать его – что, впрочем, было объяснимо: Мотохару сменил тело.

– Тебе здорово досталось, но здесь ты в безопасности. Ничего не бойся и отдыхай.

– Ладно... – Такая медленно закрыл блестящие от жара глаза.

Вид у него был плачевный. Синяки, сломанные рёбра, несколько швов... Последствия схватки с Райрю оказались серьёзней, чем можно было предположить. Он бы не выжил, промедли они с первой помощью.

«Он был на волосок от смерти...»

Хотя бы руки-ноги на месте – не каждый мог похвастать этим после драки с бешеным псом Иккосу. Мотохару сочувственно смотрел на Такаю, на его бессильно опущенные веки, а потом на лице генерала промелькнула грусть.

«Он совершенно вымотался».

И, кажется, похудел со времени их последней встречи. Как Кагэтора прожил эти неполные два года?

Киккаве Мотохару удалось избежать изгнания во время битвы при Ицукусиме. Когда «Ямато» затонул, и Такаю раскинул свой изгоняющий барьер, Мотохару уцелел благодаря своим вассалам. Во время атаки Нобунаги Кутиба Мицуёси пожертвовал телом, чтобы его спасти.

Мотохару смотрел на Такаю, и лица вассалов вставали перед его мысленным взором. Кутиба, заслонивший его собой. Кодама Нариката – и остальные, державшие его на плаву, когда они уже оказались в воде. Потом был хаос, в котором терялась нить его памяти.

Очнулся он на корабле, в море к западу от Ицукусимы. Его подобрал один генерал. Сообща его людям удалось уберечь его, но сами они сгнули в сиянии изгоняющей силы, отправились туда, где им положено было быть... оставив его одного.

«Однако...» – Мотохару поджал губы.

Не он один вышел из той битвы с потерями.

– Кагэтора-доно, – снова позвал Мотохару тихим голосом. – Как самочувствие? Что-то болит? ... Не холодно? – продолжил он, когда Такаю не ответил. – Дать тебе что-нибудь?

– Воды... – протянул Такаю. – Пить хочу...

Мотохару взял с прикроватной тумбочки стеклянный поильник, и, приставив длинный конец к приоткрытым губам Такаю, аккуратно наклонил. Такаю сделал пару глотков. Мотохару вытер уголок его рта полотенцем; со всё ещё влажных губ сорвался горячечный вздох.

Взгляд Такаю из под опущенных ресниц говорил о том, что он пытается как-то оценить обстановку. Когда Мотохару встал, чтобы подкинуть дров в камин, Такаю проронил:

– Наоэ...

– Что? – Мотохару обернулся.

– Его здесь нет?... – Такаю с усилием поднял руку и приложил тыльной стороной ко лбу. – Он звал меня. Вот только что... Я слышал.

– Приснилось?

– Нет, не приснилось... – Такая снова закрыл глаза и протяжно выдохнул. – Я слышал либо голос, либо мысленную волну. Совершенно точно.

– Кагэтора-доно...

Сон, решил про себя Мотохару. Весть о смерти Наоэ дошла до него вскоре после битвы, через информатора, и Мотохару не усомнился в её правдивости. Он хорошо помнил, в каком Наоэ был состоянии. Сил у него тогда оставалось меньше, чем у обычного человека, и уж тем более недостаточно для перерождения.

«Бедняга, – пожалел Мотохару юношу. – Слышит его голос даже во сне...»

– Где я? – спросил Такая.

– В нашем доме в Асо.

– Асо?..

– Здесь тебе ничто не угрожает, не волнуйся и выздоравливай. Мои соратники отогнали Райрю, – сказал Мотохару, усаживаясь на необработанный деревянный стул. – Видел людей, которые спустились с неба? Это племя Химука. Они умеют летать. Это они тебя спасли.

– Химука... – где-то Такая уже слышал это слово, но в голове его всё ещё царил туман.

– Киккава Мотохару... – пробормотал он, окидывая собеседника мутным взглядом.

– Что? – откликнулся тот.

– Это в самом деле ты?

– Как видишь, я сменил местелище, но уж ты-то должен понимать. Или твои враги настолько многочисленны, что я затерялся среди прочих?

– Тебя не коснулось изгнание...

Мотохару кивнул. Такая не насторожился, не напрягся – он смотрел на Мотохару рассеянно, словно всё ещё не осознал, кого видит перед собой. А может, у него просто не осталось сил.

– Зачем... ты мне помог?

– Зачем?..

– Я уничтожил Мори...

– «Ямато» потопил Нобунага. Смерть Такакагэ и Тэрумото, вероятно, на твоей совести, но... – Мотохару опустил взгляд и глубоко вздохнул. – Почему-то я не могу тебя ненавидеть. Тогда – ненавидел страшно, а сейчас нет. Сам не знаю, почему.

Такая приоткрыл глаза.

– Ты не умер. Это поразительно, – Мотохару посмотрел на него задумчиво. – Как ты жил эти два года? Боль от потери Наоэ уже притупилась?

Дыхание Такаи на секунду сбилось, и он поднял на собеседника недоумённый взгляд.

– Что? – спросил Мотохару, которому его реакция показалась странной.

– Ты сказал...

– Ах да... Конечно. Сейчас не время говорить об этом. Сказать хочется многое, но лучше подождать, пока тебе не станет лучше.

– Боль от потери Наоэ?.. – Такая спрашивал вполне серьёзно. – Ты это о чём?

Мотохару замер. Он понял, что странности в поведении Такаи ему не померещились.

– Кагэтора-доно...

– Два года? – Такая смотрел на него в упор. – Два года с момента чего?

– Битвы при Ицукусиме, разумеется. Я сожалею о том, что случилось с Наоэ. Уэсуги и Мори тогда были врагами, но я искренне оплакиваю его смерть.

– Смерть? – Такая ещё больше удивился. – Ты думаешь, что Наоэ умер?

Мотохару распахнул глаза, а Такая, опустив взгляд, улыбнулся:

– Не знаю, кто тебе это сказал, но это неправда. Наоэ жив.

– Кагэтора-доно.

– Ты считаешь, что он погиб при Ицукусиме? С чего ты это...

– Не при Ицукусиме, – Мотохару повысил голос. – В Хаги. Неужели ты не помнишь?

– Не помню что?

– Нашу встречу. Ты подчинился Мори и подписал договор. Потом разорвал его, чтобы вернуть Наоэ. Сжёг замок при помощи огненных драконов, и отправился на поиски своего вассала. Что было дальше?

Такая вздрогнул, замер, а потом поднял на Мотохару осторожный взгляд. Тот смотрел на него, выгнув бровь. Лицо генерала было серьёзным.

Внезапно занервничав, Такая отвёл глаза.

– Посмотри на меня, Уэсуги-доно, – Мотохару сжал его плечо и заговорил с горячностью. – В чём дело? Что с тобой происходит? Ты вправду не помнишь, что тогда случилось?

Такая замотал головой.

– Потом вы с Наоэ должны были повстречать Тэрумото. Тэрумото целился в тебя, но застрелил Наоэ, потому что тот тебя заслонил. Верно? Тогда ты и закрутил свой ураган огня. Я слышал твой крик, готов в этом поклясться. Это твоя ужасная сила уничтожила замок Хаги.

– Ничего не знаю...

– Кагэтора-доно!

– Ураган огня?.. Крик?.. Уничтоженный замок Хаги?.. Наоэ, которого... застрелили?.. – Такая яростно мотал головой. – Ничего этого не было!

– Кагэтора-доно, неужели...

– Не было!..

Вдруг в памяти Такаи всплыло изуродованное лицо Райрю, и зазвучали сказанные им слова: *«Гляди, что ты наделал! Это меня в Хаги подпалило, когда твоя чудовищная сила чуть город не сровняла с землёй».*

– ...Не было!..

– Кагэтора-доно! – Мотохару засыпал смятенного Такаю словами: – Ты действительно не помнишь! Ты в самом деле забыл!

– Огонь... – бормотал Такаю. – Какой огонь?..

Потом его внутренний экран начал стремительно окрашиваться багрянцем, и он крепко зажмурился.

– Это из-за раны? – Мотохару сильнее сжал его плечо. – Или раньше началось? Ты сказал, что Наоэ жив – в таком случае, где он?

– Мы виделись вчера... нет, позавчера, в отеле...

Мотохару отрезал:

– Этого не может быть! Кого ты принимаешь за Наоэ? Мне докладывали, что Наоэ Нобуцуны не было при Ицукусиме. Это проверенная информация!

– Неправда! Мы сражались вместе! Мы всегда... были... вместе...

Мотохару, сдвинув брови, смотрел на Такаю, как на ненормального – а потом вдруг вспомнил, с кем имеет дело, и всё встало на свои места.

Разумеется, такой человек как Кагэтора не мог просто поплакать и пойти дальше. Он был привязан к Наоэ болезненно, до абсурда. Внезапно потерять объект такой величины и пережить потерю? Конечно, нет.

«Он лишился разума... – Мотохару сглотнул. – ...Но тем самым сохранил себе жизнь...»

– Кагэтора-доно. Что именно ты помнишь о произошедшем в Хаги?

– Как что?.. Всё...

– Давай посмотрим ещё раз. Вот ты расстался со мной. Особняк в огне, ты идёшь искать Наоэ. Что дальше?

– Дальше?.. – Такаю приложил пальцы к вискам, напрягая память. Да, он отыскал Наоэ в том огне. Он отыскал его, а потом...

«Что было потом...»

– Помнишь? Кагэтора-доно!

– Помню ли я?.. – Такая, сильнее сжав виски, замотал головой из стороны в сторону. – Нет... Нет...

– Кагэтора-доно!

– Нет!..

Такая, не выдержав, закричал. Это был не провал в памяти, а что-то, что не пускало его туда. Стоило только попытаться вспомнить, как его охватывала необъяснимая тревога, и тяжело становилось на душе. Тело покрывалось липким потом, сердце готово было выскочить из груди, и рассудок начинал мутиться от страха.

– Не хочу!.. – выкрикнул Такая, чуть не плача. – Мне страшно!..

– Кагэтора-доно...

– А-а-а-!!!

– Хорошо, хорошо! – Мотохару, не в силах больше на это смотреть, быстро наклонился к нему и обхватил за плечи. – Успокойся, не думай об этом сейчас – потом поговорим, когда поправишься.

Но Такая его уже не слышал. Закрыв лицо руками, он стонал и мотал головой – Мотохару чувствовал, как дрожат его плечи, видел, как судорожно сжаты его челюсти и как широко распахнуты глаза. Генерала пробрал холодок.

«Что же, – подумал он ошеломлённо, – это и есть тот самый Кагэтора?»

Только я буду решать, жить ему или умереть – это моё единоличное право.

Человек, произнесший эти слова?

Никому, кроме меня, не позволено к нему прикасаться!.. Иметь к нему хоть малейшее отношение!..

«Таков, стало быть, твой ответ?» – Мотохару почувствовал себя случайным наблюдателем, увидевшим не предназначенное для его глаз, и прикрыл рот рукой.

Как назвать то, чему он стал свидетелем? Он вспоминал Кагэтору, каким видел его в последний раз, и думал – вот, значит, какое у сказки продолжение?

«Вот каков оказался ваш итог?»

Выходит, право собственности, заявленное тогда Кагэторой, его безграничная, захватывающая дух уверенность в своей власти (настолько уверенным можно быть, только когда знаешь, что полностью поработил другого) – всё это было лишь продуктом безумного ума, возжелавшего того, чего нельзя требовать от людей?

Такая дрожал, очутившись лицом к лицу со своей внутренней загадкой. Ему хотелось кричать, он сам не понимал, от чего.

«Что со мной?.. Что произошло в Хаги?..»

Но вопрос оставался без ответа.

«Возмездие?.. – думал Мотохару, наблюдая за ним. – Или осколки крушения безумного корабля?»

Мысленно передёргиваясь, Мотохару не сводил с юноши напряжённого взгляда.

***

Снег на дворе продолжал падать. Выйдя из коттеджа, Киккава Мотохару заметил стоявшего в тени деревьев мужчину в белом плаще.

При виде Мотохару обладатель плаща, а также чёрных как смоль волос, алых губ, и прозрачной как у женщины кожи, усмехнулся в нос и сказал:

– Интересный поворот, вы не находите? Уэсуги Кагэтора... Столь несусветной глупости я от него не ожидал.

Мотохару выглядел измождённым.

– А ты, Косака-доно, подслушивал?

Косака Масанобу растянул красивые губы в своей обычной вызывающей усмешке:

– Райрю – идиот. Ему было велено похитить девчонку, но никто не просил его навязывать драку Кагэторе. Страшно даже подумать о том, что нас ждёт дальше с таким союзничком.

– И не говори! Так обойтись с Кагэторой-доно...

– Что я слышу, – Косака склонил голову набок, – сочувствие к неприятелю? Кагэтора-доно завоевал сердце одного из Двух Притоков Мори?

– Вовсе нет.

– М-да... Человек-недоразумение, вот что он такое. Значит, слухи о том, что он принимает Фуму за покойного Наоэ, оказались верны...

– Что? – Мотохару впился в собеседника взглядом. – Я об этом не знал.

– Вы всё время были у Симадзу, поэтому не слышали, но дело обстоит именно так. Ужасающая нелепость, просто слов нет. Это как носить табличку на груди: «Воспользуйтесь моей слабостью».

Мотохару промолчал.

– Понятно теперь, кем был Наоэ для Кагэторы-доно: человеком, которого можно заменить на другого. Хотя то, что он в самом деле сделал это – полное ребячество с его стороны.

Долгое время считавшийся пропавшим без вести, Косака вернулся на арену событий, и привычка не стесняться в выражениях осталась при нём. Он не умер

(стоило ли этому удивляться?) в подводной крепости Мураками. Ему даже не пришлось менять тело. Он был жив, здоров, и полон яда, как всегда.

– Что ты предлагаешь с ним делать, Косака-доно?

– А какие есть варианты? Тигр случайно попался в клетку, не выпускать же его теперь. Потом, Симадзу-доно давно хотел себе произведение искусства – вот пусть хоть пьёт из этого сосуда, хоть любит. Главное, продайте его подороже.

Киккава Мотохару был у Симадзу Ёсихиро на положении гостя после того, как корабль Симадзу подобрал его на Ицукусиме. Сейчас он сражался вместе с ним и тремя его братьями, собрав остатки своих людей в Бузэн.

– Сосуда, ты сказал?

Косака многозначительно улыбнулся.

– Именно так. Разве он – не в точности то, что было нужно господину Симадзу?

– Да, но...

– Рано или поздно Кагэтора-доно вернётся к Ходзё. Тогда он станет нам союзником. Не волнуйтесь.

– Думаешь уговорить его? Вряд ли тебе это удастся. В Хаги он ни на секунду не усомнился в Кэнсине и отверг наше предложение без раздумий. Он будет стоять на своём, и я не знаю, что нужно сделать...

– Поверьте мне. У меня есть план.

– План?

– Вы же видели, в каком он состоянии – это возможность, которую нельзя упускать. Я разыграю карту под названием «Фума». Кагэтора думает, что Наоэ жив? Отлично. Лучшего шанса вбить клин между ним и Уэсуги у нас не будет.

Прекраснолицый интриган протянул руку к небу и поймал снежинку кончиками длинных пальцев.

– Нам по долгу службы положено пользоваться слабостями врага... И потом, Кагэторе-доно некого винить в этом, кроме самого себя.

– Собираешься пересказать ему тот слух? – спросил Мотохару угрюмо. – Но это всего лишь слух, безо всяких оснований. Поверит ли он?

– О, поверит, не сомневайтесь. К тому же... кто сказал, что оснований нет?

– Что?

Косака усмехнулся.

– Помните, он говорил, что слышал голос? Это правда. Пока Кагэтора-доно спал, кто-то посылал ему мысленную волну.

– Неужели?! Кто?

Этой информацией Косака не поделился, но само открытие, похоже, чрезвычайно развеселило его. Он всё время посмеивался себе под нос.

– Ладно, не важно. Теперь к делу. Как только Химука вернется с головой Кихати, нам останется дожидаться только Асары, – сказал он, прищурившись. – Скоро в Асо начнётся такое шоу!

Мотохару посмотрел на него напряжённым взглядом.

– Первое абсолютное оружие со времён «Ямато»... Ты уверен, Косака-доно, что нам оно по зубам?

– У нас ещё есть Кагэтора-доно, который разделяет нашу цель. На этот раз Дьявольскому Королю не поздоровится. Мы сотрём Нобунагу с лица земли, – Косака улыбнулся. – Нобунагу – или Кэнсина с его шавками.

Снег пошёл гуще, застилая взор. Горы Асо постепенно прятались под белым одеялом.

Глава 13 ДВЕ ДЖУЛИИ

Кайзаки Макото был вне себя от волнения. Стучилось страшное.

Очнувшись в незнакомом месте, он попытался было отыскать в обстановке признаки сна, но что-то подсказывало ему, что происходящее – полная и абсолютная реальность. Он лежал не просто в чужой постели, а на больничной койке. Как, ради всего святого, он очутился в госпитале?

Первым делом Макото посмотрел на часы – это действие уже стало привычным, после стольких-то раз. Двадцатое февраля, сообщили цифры в углу экрана.

«Прошло целых десять дней?..»

Не смешно, чёрт побери. Чтобы лучше оценить положение, ему нужны были очки, но их нигде поблизости не обнаружилось. Близоруко сощурившись, Макото посмотрел в окно. Там, как и следовало ожидать, раскинулся совершенно незнакомый пейзаж.

«Опять...»

По спине у него пробежал холодок.

«Опять моё второе Я вылезло наружу...»

Страх и тоска навалились на него одновременно, придавливая к земле. Память о событиях в промежутке, как обычно, отсутствовала. Он был у себя дома, в Тигасаки... Какой это уже по счёту раз?

«И опять я, наверное, что-то натворил...»

Что-то настолько страшное, что его, наконец, заслуженно упрятали в психушку. Макото безнадежно вздохнул. Он ненормальный, теперь это совершенно очевидно.

«Я так больше не могу!..»

Похоже, кроме высших сил ему больше не на что было надеяться.

Несколько месяцев назад внутри Макото поселился двойник. Раздвоение личности – так это, наверное, называется? Сознание его иногда покидало; тело же в это время продолжало совершать какие-то действия. Провалы в памяти часто измерялись днями, даже неделями, но с точки зрения окружающих он вёл вполне обычную жизнь.

Он читал где-то о таких случаях, но даже в страшном сне не мог представить, что подобное однажды произойдёт с ним. Его жизнь покатила под откос, уже начали страдать отношения с коллегами. Он решил, что причиной всему нервный срыв – на работе в последнее время были неприятности – и даже сходил один раз на обследование...

«Где я, однако?..»

Он собрался было позвать врача, чтобы узнать, что именно с ним случилось, когда дверь открылась, и в комнату вошла энергичного вида молодая женщина. Она была высокой, красивой, но Макото никогда её прежде не встречал.

Женщина, между тем, уставилась на него суровым взглядом:

– Ну что, Кайзаки Макото. Очнулся наконец?

Он сразу испугался, что в чём-то перед ней виноват.

Кадоваки Аяко была вне себя от злости – и неудивительно. Погоня за Симадзу Иэхисой, в которую она пустилась, поручив бесчувственного Кайзаки заботам врачей, окончилась ничем.

Аяко знала, что войска Симадзу из Сацумы продвигаются в Хиго. Разведка сообщала о битвах за Яцусиро, но обнаружить их передовые отряды в Кумамото? Это было как гром среди ясного неба.

Во всех местах старых битв по линии наступления сацумских войск просыпались мстительные духи, и число связанных с этим жертв стремительно росло. Кагэтора отправлял туда разведчиков и солдат Уэсуги, но справиться с ситуацией им пока не удалось.

Вступление сацумских войск в Кумамото означало, что в городе развернётся тройное противостояние между Отомо, Одой, и Симадзу. В окрестностях уже чувствовалось возрастающее среди духов напряжение. Если барьер падёт, и армия Симадзу войдёт в город в полном составе, на улицах начнётся побоище.

Непредвиденная ситуация с Симадзу заставляла Аяко нервничать. Утешало то, что хотя бы какие-то из её действий дали результат: ей удалось установить личности парня и девушки, которые привезли Кагэтору в больницу. Как и следовало ожидать, это оказались пропавшие без вести последователи культа Химука. Их опознали по фотографиям врач и медсестра.

Девушку звали Саэки Рёко, парня – Эноки Масамити. Это был тот самый молодой и активный верующий, которого выделял среди прочих Охранитель Икэда. Саэки Рёко по документам жила в Курумэ. Значит, именно её видели улетающей по воздуху из горящей квартиры.

По всему выходило, что именно эти двое похитили Кагэтору – или его труп. Странности всплыли после разговора с водителем машины: тот помнил, как грузили тело, и как он его вёз, но не помнил, куда – просто в какой-то момент обнаружил себя едущим обратно по пятьдесят седьмой дороге в сторону Кумамото. Было это в окрестностях Татэно... А остальной персонал не помнил ничего о том, как тело выгружали.

Однако на этом нить обрывалась.

«Пятьдесят седьмая дорога...»

Она вела в Асо, но Асо – место не маленькое. По совету Кайзаки Аяко звала Кагэтору много раз, но никакого отклика не почувствовала. Отчаявшись, она вернулась в больницу – вдруг Кайзаки ещё что-то знает.

И всё же, почему последователи Химука спасли Такаю? Зачем им так понадобилось его тело (в то, что это труп, Аяко до сих пор не верила), что они забрали его, притворившись родственниками? Не сводя с Кайзаки угрожающего взгляда, она спросила:

– Кто такие эти Химука – они участвуют в Усобице Духов? Если да, то на чьей стороне? Ты сказал, что Кагэтора сражался с Симодзумой Райрю. Если Химука его спасли, выходит, они нам друзья? Или...

– Э-э... Ради бога, простите, – извиняющим тоном сказал Кайзаки, – но я не понимаю, о чём вы. Похоже, я доставил вам много хлопот, но я и вас-то... э-э... не вполне...

Аяко вздёрнула брови.

– Что?

– Приношу свои глубочайшие извинения. Я виноват. Но я, видите ли, даже не знаю, где сейчас нахожусь...

– По сторонам оглянись! В госпитале! Ты же потерял сознание, когда Симадзу тебя об землю приложил. Или ты так головой ударился, что память отшибло?

– Симадзу? Я что, поспорил с этим господином?

Аяко распахнула глаза. Странная реакция... Макото, между тем, честно постарался вспомнить. Когда ему это не удалось, он снова испустил безнадёжный вздох:

– Теперь уже и дерусь в бессознательном состоянии? Поверить не могу...

– Что ты несёшь?

– Простите. Вы меня весьма обяжете, если объясните, где я нахожусь. То, что это госпиталь, я понимаю. Меня интересует префектура и город... Или это посёлок?.. В общем, адрес.

Аяко уставилась на него неверяще. Издевается он, что ли?

– Слушай, ты... – начала было она, но потом увидела, что Кайзаки абсолютно серьёзен.

– Вы имеете полное право сердиться, но я действительно не шучу. Вы... простите, не знаю, как вас зовут... похоже, знакомы с моим вторым Я.

– Вторым Я?..

Кайзаки закрыл лицо руками.

– Не знаю, поверите ли вы мне... Видите ли, я болен. Самому как-то неловко об этом говорить, но, похоже, у меня раздвоение личности. Когда я засыпаю, вторая личность завладевает телом и совершает абсолютно несвойственные мне действия.

– Лапшу мне на уши вешаешь?

– Ох, вы не верите... Как же быть?.. – Кайзаки наморщил лоб, помолчал немного, а потом сказал:

– Тогда позвоните моему лечащему врачу. Он хорошо меня знает. Он расскажет вам всё о моей болезни – думаю, после разговора с ним вы перестанете сомневаться в моих словах.

Взяв с прикроватной тумбочки блокнот, Макото начал быстро водить ручкой по бумаге, и что-то в том, как он это делал, показалось Аяко странным.

«Левша?..»

Она готова была поклясться, что вчера вечером Кайзаки держал ручку в правой руке. И почерк отличался: буквы кривились, строчки сползали вниз – манера письма, свойственная нервному человеку.

– Вот его имя и номер телефона.

Аяко взяла бумажку и сравнила с запиской, полученной от Кайзаки вчера. Ничего общего. Отличались не только буквы, но и цифры: сейчас они были квадратными, как на электронном табло – словно писал другой человек.

«Как такое может быть?..»

Взгляд Макото случайно упал на запястье, и он пробормотал: «Ох... Опять».

Часы были на левой руке.

– Я левша, поэтому ношу часы на другой руке, но моё второе Я, похоже, пишет правой...

Обессилено выдохнув, он расстегнул застёжку.

– Мне на левой неудобно...

Тут Аяко заметила, что он и говорит иначе: торопливо, немного по-канцелярски – в голосе прежнего Кайзаки словно бы было больше глубины. Сейчас его слова не отдавались эхом в ушах, но притворства в них тоже не чувствовалось. Аяко пришла в замешательство.

– Неужели правда раздвоение личности?

– Совершеннейшая правда, – Макото уныло кивнул. – Так вы подскажите мне, что это за город? Хочу поставить в известность своего врача и коллег по работе...

– Кумамото.

– Кумамото?! – вскричал Кайзаки. – Это который на Кюсю?! Как, ради всего святого, меня занесло в такую даль?!

– Ты в самом деле ничего не помнишь? – Аяко заглянула ему в лицо, встревожившись по-настоящему. – Про Усобицу Духов?

– Усобицу чего?..

Аяко даже растерялась.

– И со мной ты не знаком. И с Оги Такаей.

– С Оги Такаей?.. – переспросил Кайзаки, приложив руку ко рту. – Это имя...

– Что, ты знаешь Кагэтору?!

– Оги Такая... – Макото покатали имя на языке. – Я не знаю, кто он, но мне кажется, что я уже произносил это имя раньше, и не однажды.

– То есть?..

Повторив имя ещё несколько раз, Макото разволновался. Его лицо вновь приобрело загнанное выражение, и он обратился к Аяко умоляющий взгляд:

– Кто это, вы знаете? Или так зовут моё второе Я?..

– Нет. Нет, дело не в этом.

– Как-то странно на душе...

Возможно ли, что это щемящее, давящее чувство – отголосок эмоций его второй личности? Кайзаки сосредоточился на смутно знакомом имени, пытаясь найти в его звуках какую-нибудь подсказку. Аяко ждала, но так и не дождалась вразумительного ответа.

– Оги Такая... Интересно, какая между нами связь?

Аяко вдруг стало не по себе.

«Что-то с этим товарищем глубоко не так...»

Причём, было не так с самого начала. С момента их встречи на скалистом берегу Эносимы Кайзаки вёл себя странно, и больше всего эта странность проявлялась во взаимодействии с Такаей.

Кайзаки похитил его и держал взаперти. После этого что-то в Такае изменилось. Когда Аяко в шутку назвала синяки на его шее засосами, гнев во взгляде юноши был настолько тяжелым и неподдельным, что навёл её на определённые подозрения. С тех пор имя Кайзаки в присутствии Такаи было лучше не упоминать: он реагировал на него слишком бурно, а потом всегда впадал в чёрную тоску.

«Почему?»

И то, что произошло вчера... Почему примкнувший к Отомо Кайзаки действовал так, будто хочет Такаю спасти?

– Кто ты, чёрт тебя подери?

Подозрения всколыхнулись в Аяко с новой силой. Она понимала, что Кайзаки в самом деле не знает, что происходит. Его замешательство было искренним – что настораживало вдвойне.

То, как он сказал про Такаю «он жив». Произносить «он» подобным тоном умел раньше только один человек. И Такая, чёрт побери, заплакал, когда Кайзаки надел на него пальто.

«Неужели...»

Бывают ли такие случайности? Но если это не случайность, то всё становится на свои места.

«Нет, я выдаю желаемое за действительное».

Ведь они столько искали – и не нашли. И он был так слаб – спасти его могло только чудо. К тому же, раздвоение личности Кайзаки не было результатом подселения. В его теле обитала лишь одна душа, а ту душу Аяко узнала бы мгновенно.

«Простое сходство?»

Но разве не странно, что попавший в оборот к Сатоми современник страдает ещё и раздвоением личности?

Ещё кое-что пришло Аяко на ум: отчёт Ягами о странном конце, постигшем Сатоми Ёситаку в последние часы Эносимского происшествия. Там, где нашли его тело, обнаружился энергетический след, очень похожий на след от изгнания. К слову сказать...

«Кайзаки к тому моменту на Эносиме не было».

– А что, если... – протянула Аяко, и Кайзаки вскинул глаза. – Что?

– Слушай, Кайзаки, ты можешь сейчас поменяться с этой своей второй личностью?

– Я не умею делать это по своей воле.

– Мне нужно поговорить с твоим вторым Я, здесь, сейчас! – Аяко рванулась вперёд и схватила Кайзаки за ворот. – Ну-ка вытаскивай его, быстро!

– Нельзя ли без рукоприкладства? Говорю же, я не могу!

– Мне нужно проверить, что ты такое!

– Отпустите! Пожалуйста!

– Мне кажется, я знаю... Я думаю, что ты...

В этот момент Кайзаки вздрогнул всем телом. Аяко немного опешила, а в следующую секунду его кулак вонзился ей в солнечное сплетение, и она со стоном повалилась лицом на кровать.

– Извини, – сказал Кайзаки – тот, другой Кайзаки – своим характерным низким голосом. – Тебе нужно остаться в Кумамото. Поставленный Киёмасой барьер вот-вот лишится опорной точки в храме Хонмэзди.

– Ка...й...

– Иэхиса, похоже, больше не сидит без дела. Сацумские войска подошли вплотную к городу, и если барьер падёт, между духами начнётся уличное сражение.

– Почему... ты...

Взгляд Кайзаки немного потеплел. Он опустился рядом с Аяко на одно колено и погладил её своей большой рукой по голове.

– Я понял, где он, – сказал Кайзаки тихо. – Он жив, и я его верну.

С этими словами Кайзаки быстро поднялся, надел пиджак и висевшее на вешалке пальто, переместил часы на левую руку, и, не задерживаясь, вышел из комнаты.

Аяко болезненно зажмурилась. На её ресницах блестели слёзы.

– На...о...

Звук шагов стих в коридоре.

***

Кайзаки Макото вышел на улицу, поймал такси, и бросил водителю:

– До станции Татэно – пожалуйста, поторопитесь.

«Очко не в мою пользу...»

Внутри барьера сложно держать синхронизацию, и надо было быть к этому готовым – а он позволил Симадзу Иэхисе размазать себя по асфальту.

Кайзаки с досадой вздохнул.

«Харуизэ уже догадывается...»

Ничего страшного. С вышедшим из строя Такаей Старая Армия Уэсуги не может действовать так слаженно, как прежде. Кроме него самого приказов сейчас отдавать никому. К тому же, рано или поздно им придётся узнать...

«Каков тогда будет твой ответ, Харуизэ?»

Он не возобновлял соностройку так долго потому, что звал Такаю мысленной волной, а для этого надо было сосредоточиться. Такаю ответил на зов, но гохододзи, которого он отправил на разведку, не смог пройти через расставленный там барьер.

«Чёрт...»

Кайзаки скрипнул зубами. Вот он получил силу, и поднялся на ту же высоту, и даже обосновал всё для себя, чтобы концы сошлись с концами – и он до сих пор не в состоянии защитить одного единственного человека! Как можно быть таким беспомощным? Если он не сможет спасти Такаю, всё остальное теряет смысл. Пусть раньше он был унижен, и ненавидел, будучи ненавидимым в ответ, но он хотя бы мог заслонить его грудью. Он был счастливее, чем сейчас!

«Нет...»

Нигде он не ошибся, и Такаю он спасёт. «Я смогу», – твердил он себе, уже в который раз. «Я обязан».

«А иначе я не заслуживаю нового начала».

Он закрыл глаза, и тут же перед его мысленным взором встал Такаю с искажённым в крике лицом. В сердце прокралось плохое предчувствие, и Кайзаки с досады прикусил костяшку указательного пальца.

«Ещё рано, Такаю-сан...»

Если что-то пойдёт не так в процессе его внутренней обратной перемотки, он может сойти с ума, на этот раз по-настоящему. Его тревога и смятение накатывались на Кайзаки волнами, проходя сквозь преграды, непреодолимые сейчас даже для мысленного зова – вот насколько Такаю боялся.

«Не вспоминай. Не сейчас, не там!..»

«Я придумаю, как проснуться самостоятельно», – сказал Такая, но он не осознавал, насколько это было опасно, не понимал, что пробуждение шло рука об руку с разрушением.

«Я не пушу тебя в бой одного».

Чем именно Кайзаки мог помочь Такае, он не знал, но знал, что должен быть с ним. В любом случае. Во что бы то ни стало.

«И к чёрту рационализирование».

Ни одно из порождений его ума не имело той силы, какую имело тело, просто находясь рядом. Даже если от него не было никакого толку в битве, на заре которой находился сейчас Такая по своему собственному выбору, он хотел держать его за руку. Даже если облегчить страдания души было не в его власти – он мог заключить в объятия тело.

«Как же мне помочь тебе?»

Он не в состоянии был наблюдать за происходящим безучастно, и сказать Такае «сам виноват» тоже не мог.

«Ты спас меня. Ты заставил меня захотеть сделать ещё одну попытку».

Кайзаки медленно сложил руку в кулак. Рука до сих пор помнила тепло его обнажённого тела.

– *Наоэ...*

Какой значимой оказалась та единственная ночь. В ту короткую ночь Кагэтора спас его от ошибки, которую, возможно, совершило до него огромное количество людей.

Он понятия не имел о том, насколько сильный страх внушали на самом деле Кагэторе его чувства. Он задумался, как избавить его от этого страха, но мог ли он с чистой совестью сказать: «Тебе бояться нечего»?

«Я хотел тебя до смерти...»

Вместе с его слабостью – когда не оборачиваешься из страха потерять. Вместе с его эгоизмом – когда хочешь, чтобы тебе поклонялись вечно. Сжимая Такаю в объятиях, он жаждал присвоить всё целиком, даже то неискоренимое зло, которое всегда гнездилось в тёмном уголке его души.

«Перечёркивать не обязательно...»

Возможность снова жить ему подарил Кэнсин – чьи указания он сейчас и выполнял. Но волю к жизни, силы двигаться дальше в него, оступившегося тогда на пути, вдохнул не кто иной, как Кагэтора.

Высшее, единственно правильное состояние – оно не только твоё, оно наше. Сказанные Кагэторой, – который ни на что не надеялся и ни во что не верил! – эти слова в последний момент придали сил умирающей душе.

Когда, желая облегчить его боль, он раз за разом проламывал бесчисленные крепостные стены, которыми Кагэтора себя окружил, тот отвечал своим неизменным «я не верю». Это его, человека бесконечно себялюбивого, всегда останавливало, потому что самолюбие (и, как следствие – ненависть к тому, кто тебя превосходит, раболепие перед ним, ощущение себя жертвой) было фундаментом его личности. Поэтому он никогда не мог подобраться к той части Кагэторы, которая больше всего нуждалась в исцелении.

Но Кагэтора, отвергая его, в тот же самый миг кричал о помощи из самых глубин своего сердца.

«И я это знал, так почему же...» – болезненно зажмурившись, Кайзаки стиснул лежащие на коленях руки в кулаки.

«Я поступлю иначе...»

Если безмерное самолюбие – это то, что делало его собой, необязательно от него отказываться. Можно принять это свойство своей души и превратить в орудие спасения.

«Я поставлю свой эгоизм тебе на службу. Я исцелю тебя им».

Так любить тоже можно. Он выбрал любить именно так. Он вернулся к жизни, чтобы претворить это в реальность.

«Я не пущу тебя в бой одного».

Лишь бы только успеть! Лишь бы успеть вовремя!

Вознося к небесам безмолвные молитвы, Кайзаки перевёл взгляд за окно.

Наконец деревья суги вдоль дороги кончились, и прямое как стрела шоссе, оставляя долину справа, устремилось к краю кальдеры Асо. По этому шоссе ему уже приходилось ехать однажды... Давно, больше тридцати лет назад.

Именно в горах Асо скрывались они с Минако от глаз Оды. Тогда, перед последней решающей битвой, Кагэтора снял Наоэ с линии боя, приказав ему отвезти Минако в безопасное место и охранять её от врагов. Она была его ахиллесовой пятой, что сам Кагэтора прекрасно понимал. «Это никак не должно её коснуться», – сказал он, и выделил ей Наоэ в качестве телохранителя.

Остальные Уэсуги сильно возмущались: мол, как можно в такой момент уменьшать число якш на одного. Кагэтора ничего не желал слушать. Дошло до того,

что Нагахидэ решил убить Минако, и тем самым избавиться от проблемы, но Кагэтора вовремя разгадал и пресёк его планы. Скорее всего, именно из-за этой истории Нагахидэ потом так долго не давал о себе знать.

Нагахидэ был не единственным, с кем у Кагэторы испортились отношения – с Наоэ они испортились намного раньше. Но в тот день, вызвав к себе Наоэ, Кагэтора сказал:

– С тобой Минако будет в безопасности, потому что тебе я могу доверять.

Он говорил о доверии, а его взгляд, как обычно, говорил прямо противоположное: «Не верю». По сей день Наоэ крутил этот разговор в голове и так и сяк, пытаясь понять, где правда. Буквально в словах? В командирском расчёте? В злом умысле – или намерения Кагэторы оставались чисты? Иногда ему казалось, что то была специально расставленная для него ловушка – возможно, так оно и было.

Произошло всё здесь, в Асо. Что он сделал, что он сделал с любимой женщиной Кагэторы... И этот грех Наоэ до сих пор ничем не искупил.

В Асо шёл снег. Деревья в горах стояли белые, но сугробов на дороге пока не было.

– Ночью будет плохо, – сказал водитель, слушавший прогноз погоды. – Городские машины к снегу-то непривычные, и цепей никто толком не возит – как нападает, будет на этой дороге большущая пробка.

Кайзаки взглянул через окно на затянутое тяжелыми облаками серое небо.

«Снег...»

В тот день тоже был снегопад.

Машина свернула с государственного шоссе налево, на маленькую холмистую улицу, которая спускалась в долину. Местечко Татэно находилось в разрезе окружавших кальдеру гор, как раз там, где идущая по северному краю железнодорожная линия Хохи встречалась с идущей по южному краю линией Асо.

Машина приехала на станцию. Там уже ждал знакомый джип, из которого показался одетый в пальто даффл⁷ мужчина и помахал рукой.

– Кайзаки-сама!

Выйдя на холодный снег, Кайзаки зашагал к Хаккаю.

***

---

⁷ Полупальто с капюшоном, застёгивающееся на петли.

В просвете между облаками показалось солнце, заливая тихую гладь воды серебристым светом. За широким и длинным, словно река, и безмятежным, словно озеро, морем Ариаки⁸, виднелись очертания высоких гор. Шагая от посадочного выхода из терминала к причалу, Иробэ Кацунага сказал сопровождавшей его юной девушке:

– Сегодня дымка, но полуостров Симабара всё равно видно. Вон та маленькая гора спереди – Маяяма, а большая за ней – Унзэн Фугэндакэ. У их подножия лежит город Симабара.

В порту Кумамото, куда Иробэ доехал на машине за полчаса, шла посадка на паром до Симабары. Добраться морем до лежащего на противоположном берегу города занимало около часа. Всего двадцать километров по прямой – ближе, чем до Асо.

Новенький, совсем недавно построенный терминал красовался симпатичными крышами-пирамидками над залом ожидания. Пассажиры уже спешили на паром, хотя до отплытия ещё оставалось время. Проводив очередную группу взглядом, Иробэ снова обернулся к морю. Вулкан Фугэндакэ дымился на том берегу, но непонятно было, где кончается дым, а где начинаются облака, настолько они смешивались по цвету.

– Фугэндакэ поутих заметно, но всё ещё не до конца. Видите коричневый склон вон с той стороны? Это лавой сожгло – раньше там всё было зелено.

Следы бедствия были различимы даже с этого конца залива. Столб дыма над жерлом вулкана стал значительно меньше, чем в разгар извержения, но, говорят, раньше были дни, когда пепел ветром доносило до самого Кумамото⁹.

Иробэ окинул взглядом свою спутницу – невысокую хрупкую девушку в школьной форме. Микурия Дзюри, рассматривавшая Фугэндакэ, скрестив руки на груди, наконец, сказала:

– Для нас, христиан, Симабара многое значит.

Она подняла левую руку и ткнула указательным пальцем в горизонт.

– Вон острова Амакусы – столица японского христианства ещё с тех времён, как брат Алмейда¹⁰ принёс туда учение. Алмейда-сама хорошо знал и господина моего Сорина, приезжал в Усуки не однажды... Всё было для верующих в Амакусе, даже

---

⁸ Крупнейший залив на острове Кюсю.

⁹ Речь идёт об извержении вулканической группы Унзэн (к которой принадлежит Фугэндакэ) в 1991 году, и последовавшей вулканической активности, которая продолжалась до 1995 года. Во время извержения погибли 43 человека.

¹⁰ Луис де Алмейда (1525 – 1583) – португальский торговец, врач и миссионер, принесший христианство на Кюсю.

университет, до тех пор – тут улыбка сползла с лица Микурии, – пока христианство не объявили запретной религией.

Черeda гонений на христиан прошла ураганом по землям Амакусы и Симабары. Жестокость показательных распятий и пыток сложно описать словами. Христиан пытали огнём, водой, и подвешиванием, их маленькие дети умирали в тюрьмах, заживо съеденные личинками. Мученики шли на смерть, не сомневаясь, что она приведёт их в рай, но и отрёкшихся под страхом преследований было немало.

– Те, кто творил эти зверства – не люди, а сыны дьявола.

Слова Микурии глухо падали в пространство, повествуя о нелёгком опыте. С застывшим взглядом, напрягшимися уголками губ, она была похожа сейчас на снедаемую давней ненавистью старуху. Иробэ гадал, что же с ней произошло. Конечно, он знал ту эпоху не понаслышке, видел распятия христиан своими глазами, и молва донесла до него много душераздирающих историй.

– Джулия-доно...

Словно очнувшись ото сна, Микурия на секунду зажмурилась, глубоко вздохнула, а потом достала из нагрудного кармана школьного пиджака связку старинных, нанизанных на нитку монет.

– Что это? – спросил Иробэ.

– Дзэнибуцу. Вот, смотрите.

Микурия расправила нитку, и оказалось, что шесть монет в один мон¹¹ связаны так, чтобы в определённом положении образовать крест.

– Розарий¹²...

– Чётки подпольных христиан. С виду – просто монеты, но во время молитвы мы их расправляем.

После запрета избежавшие расправы христиане ушли в подполье и сохраняли свою веру таким вот образом, вырезая кресты на маленьких предметах и в незаметных местах – на гардах мечей, в уголках стен и балок. Мария Каннон – ещё один из примеров тайного христианства, которое продолжало жить посредством всевозможных хитростей.

Много христианских семей осталось после запрета и в Амакусе. Религия тайно передавалась в них из поколения в поколение до самой эпохи Мэйдзи. Когда умерли последние священники, на смену им пришли «мизуката» – старосты, которые отправляли обряд крещения и прочие ритуалы, но с течением времени слова молитв превратились в ничего не значащие заклинания, а само тайное христианство – в

---

¹¹ Древняя японская монета.

¹² Традиционные католические молитвенные чётки.

местечковую религию, имеющую мало общего с христианством во всём остальном мире.

Микурия собрала монеты в горсть; в её взгляде проплывали тени каких-то невесёлых мыслей. Между тем посадка на паром закончилась. Голос из динамика возвестил о его отправлении, и воздух прорезал длинный гудок. Дождавшись, пока это снова уступит место звуку накатывающих на причал волн, Дзюри повернулась к Иробэ.

– Как вы, должно быть, знаете, я – вторая жена господина Сорина. До того я была у его первой жены главной служанкой. Госпожа Исабель наотрез отказалась перейти в христианство, и брачные узы были расторгнуты.

– Я слышал, она из клана священников храма Ната Хатиман?

– Верно. Как и вся её семья, она поклонялась богу войны Хатиману, и принять христианство поэтому не смогла.

Исабель – имя, посмертно присвоенное первой жене Сорина орденом Иезуитов. Люди называли её плохой женой.

– Но мне её побуждения понятны. Как жене полководца госпоже нелегко было отринуть покровительствующее полководцам божество.

Исабель, впрочем, Джулию ненавидела, считая, что так украла у неё мужа.

Глубоко вздохнув, Микурия Дзюри посмотрела на дымящийся по ту сторону залива Фугэндакэ. Пространство её взгляда из конца в конец пересёк корабль.

– Ваш главнокомандующий, Наоэ-доно... Где он сейчас?

– В Никко. Я, Иробэ Кацунага, действую здесь целиком и полностью от его имени.

– Вот как... Но право же, кто бы мог подумать, что в качестве жеста доброй воли новые союзники принесут нам голову Рюдзодзи Таканобу! Это великолепный ход, и моё изумление не знает границ. Теперь Отомо смогут войти в Сагу безо всяких затруднений.

– Таким образом, Хиго оказывается отрезанным от остальных сил Оды. Стоит лишь избавиться от Киёмасы, и провинция будет принадлежать вам.

– Да, если мы нигде не сделаем ошибки. Смотрите, – и Микурия указала на горизонт.

Проследив взглядом за её рукой, Иробэ увидел, как вдалеке, по направлению движения парома, будто бы сгусток пламени покачивается на волнах.

– Блуждающий огонь? Не знал, что они появляются днём, да ещё и за пределами моря Яцусиро¹³.

---

¹³ Внутреннее море между побережьем Кюсю и островами Амакуса. Лежит к югу от моря Ариакаэ.

– Это не просто блуждающий огонь, смотрите внимательней. Это корабль Симадзу, у него на стягах круг с крестом¹⁴.

– Корабль Симадзу? – Иробэ удивлённо повернулся к собеседнице. Микурия, заметившая, кажется, вражеский корабль уже давно, кивнула.

– Они захватили Яцусиро и теперь наступают на Кумамото одновременно с суши и с моря. Это их разведка.

Девушка настороженно всматривалась в морскую даль, а Иробэ, наконец, понял, зачем она позвала его сюда. Градоначальница Кумамото Микурия хотела поставить его, посланца Уэсуги, в известность о передвижении флота Симадзу. Она была прекрасным полководцем; говорила и действовала, как настоящий командир. Иробэ посмотрел на неё серьёзно.

– Что ваш клан собирается предпринять?

– Флот Отомо сейчас неблизко – сражается с кораблями Тёсокабэ в море Гэнкай. Сухопутный подход вплоть до Саги находится под нашим контролем, а вот морской охранять некому, – Микурия повернулась к Иробэ. – Поэтому я прошу Уэсуги прислать нам на подмогу флот.

– Флот?..

– Время немного терпит. Вы сможете это сделать?

– Сделаю всё, что в моих силах, но я не думаю, что вступления кораблей Симадзу в море Ариаки удастся избежать.

– Мы задержим Симадзу, – сказала Микурия твёрдо. – Мы перекроем пролив под Пятью Мостами Амакусы, и в залив Симабара они там не пройдут.

Пять мостов Амакусы были этого символом региона, соединившим архипелаг с основной территорией Кюсю. Пролегавшую по мостам длинную дорогу называли также Жемчужным Путём.

– Хондо Сэто¹⁵ мы тоже перекроем под мостом, а в Хаясаки Сэто, что отделяет Симабару от Амакусы, поставим стену. Потом очистим залив Симабара от кораблей Симадзу.

– Стену? Но кто будет это делать? Насколько я знаю, у Отомо сейчас нет в Амакусе ни единого солдата.

– Там есть наши братья и сестры.

Иробэ не сразу понял, кого Микурия имеет в виду, а потом его осенило:

– Погибшие во время христианского восстания!

---

¹⁴ Семейный герб Симадзу

¹⁵ Узкий пролив между двумя крупнейшими островами архипелага Амакуса, Симосимой и Камисимой.

– Мы возродим духов замка Хара¹⁶. Знаете ли вы, Иробэ-доно, что крепче всего связывает сердца людей и придаёт им больше всего силы? – спросила Микурия, глядя отстранённым взглядом в сторону полуострова Симабара. – Это вера. В эпоху Усобиц, когда ни кровные, ни вассальные узы не стоили и выеденного яйца, лишь она соединяла людей меж собою. Погибшие в том восстании – мои единоверцы. Эта связь прочнее, чем скреплённый взаимной выгодой или обменом заложников военный союз.

– Джулия-доно...

Снова достав из нагрудного кармана розарий, Микурия сжала его в своих маленьких руках.

– Восстание в Амакусе и Симабаре начали верующие крестьяне, страдавшие от религиозных гонений и тирании правителя¹⁷. Амакуса Сиро¹⁸, а вслед за ним и остальные простые люди вступили в бой, веря, что Господь протянет им руку помощи. Единственное, с чем они остались под конец трёхмесячной осады – это надежда попасть после смерти в рай, но их духи всё ещё обретаются на этой земле. Возможно, сердечная боль от несправедливости оказалась слишком велика... Им нет дороги в рай.

Иробэ слушал, не перебивая.

– Куда ни бросишь взгляд на просторах Кюсю, всюду есть духи христианских мучеников. Они думают, что не попали на небо, потому что веры не хватило, и изо всех сил взывают к Господу из глубин земли. И всё же, им нет дороги в рай... – Микурия посмотрела на Иробэ в упор. – Я создам для них в Асо королевство. Призову в это королевство все христианские души – ведь Голова Золотого Змея притягивает призраков, даже тех, что привязаны к месту. Я соберу мёртвых, что стонают поодиночке в сырой земле, и подарю им шанс ещё раз вместе помолиться, поддержать друг друга, искупить вину, усилить веру, и отправиться, наконец, в царство Божие.

Слушая страстную речь Микурии, крепко сжимавшей розарий в руках, Иробэ понял истинный смысл того, к чему она стремилась. Христианское королевство, огороженное барьером в кальдере Асо... Земля отдохновения, где мёртвые смогут оставить свои обиды, прежде чем отправиться в рай.

– Вот оно что...

Говоря на языке Уэсуги, Микурия хотела помочь очиститься духам своих единоверцев. Потом Иробэ посмотрел на молитвенные чётки в руках девушки и

---

¹⁶ Осада и взятие этого замка поставило точку в Симабарском восстании, в результате которого погибло около 37000 христиан и сочувствующих.

¹⁷ Имеется в виду известное восстание в Симабаре в 1637-1638 годах.

¹⁸ Пятнадцатилетний лидер восстания в Симабаре.

подумал, что здесь должно быть что-то ещё, более глубокое. Почему она носит с собой эти замаскированные чётки?

– Вас звали Отá-сама, верно?

– Да, – Микурия повернулась к нему. – Джулия – имя, данное при крещении.

Почему вы спрашиваете?

Иробэ покачал головой.

– Просто заметил одно интересное совпадение. Была ещё одна госпожа с мирским именем Ота и церковным Джулия.

– В самом деле? Впервые слышу. Кто же она?

– Приёмная дочь князя Кониси Юкинаги, сирота, которую тот привёз с собой с войны в Корею. Она обратилась в христианство, а потом попала ко двору господина Иэясу.

– Неужели? – чёрные глаза Микурии округлились.

– Да. Но потом, когда христианство запретили, её, отказавшуюся отречься, сослали на остров Кодзусима. Там до сих пор проводится связанный с её именем фестиваль.

На лицо Микурии внезапно набежала тень. Она опустила взгляд и, помолчав немного, сказала со слабой улыбкой:

– Отказалась отречься?..

– Что-то не так? – спросил Иробэ.

– Нет... Просто... Одинаковое имя...

Микурия стиснула в руках чётки, и Иробэ всё понял по одному этому жесту.

«Вот оно в чём дело».

– Змеиные яйца, подсаженные мной в тела учеников школы Кодзё, вылупятся в течение одного-двух дней, – сказала Микурия, возвращаясь к своему обычному тону главы школьного совета. – Те, в ком яйца уже вылупились, постепенно соберутся в школе, повинувшись заранее наложенному внушению. Железный Совет воспитал великолепных, послушных бойцов. Скоро у меня в замке будет армия.

На самом деле одетые в школьную форму юноши и девушки начали собираться в школе ещё с прошлого вечера, и к ночи их число достигло двухсот. Была среди них и Коганэдзава Кёко.

На собранной посреди ночи линейке выступавшая с речью Микурия с упоением оглядывала стройные ряды учеников, и ей их школьная форма уже казалась военной.

– Сейчас в школе командует Ёкотэ-но Горо. В самом деле, эти полгода не прошли даром. Голова Золотого Змея наращивает мощь, словно в ответ на наши усилия. Осталось только выкопать её, а дальше – дело за мной, Повелительницей Змей. Когда

Голова станет мне послушна, войско Симадзу уже не будет представлять для нас никакой угрозы. – Микурия помолчала немного, а потом продолжила. – Разрушитель Царств тоже строится своим чередом. Вот, взгляните. – Сопровождавший Микурию человек протянул Иробэ утреннюю газету, на первой странице которой была большая статья про взрыв на цементном заводе в Фукуоке. Происшествие случилось вчера. Несколько рабочих получили ранения разной степени тяжести.

– Что это?..

– Завод, на котором произошёл взрыв, находится у подножия Каварадакэ – там, где когда-то стоял один из замков Отомо, наш знаменитый опорный пункт.

– Замок Каварадакэ?

Этот замок, ставший в эпоху Усобиц ареной жарких битв, называли важнейшей стратегической точкой провинции Бузэн, и за контроль над ним отчаянно сражались Отомо, Мори и Симадзу. Сформированная тремя вершинами гора Каварадакэ с давних времён являлась местом добычи меди, и здесь до сих пор находили при раскопках медные зеркала. На первой вершине добывали сейчас известняк для цементного завода, что укоротило её ровно вполовину. От величественной когда-то вершины остался лишь плоский белый срез – странный, неестественный пейзаж.

– Каварадакэ – поле битвы, – продолжала Микурия. – Гора впитала в себя ненависть и сожаления павших в бою. Что, по-вашему, будет, если построить из этих камней и меди огромную пушку?

– Разрушитель Царств – это пушка?

– Да, – Микурия улыбнулась. – Взрыв на заводе произошёл потому, что энергия мстительных духов активизировалась. Татибана Досэцу-доно руководит постройкой пушки в святилище Кавара. Имея в своих руках и Разрушителя Царств, и Ямата-но-ороти, Отомо станут непобедимы. Ни Симадзу, ни Ода нам будут не страшны. Мы сможем сами на них напасть.

Микурия решительно подняла голову и повернулась лицом к полуострову Симабара, что виднелся на горизонте. Иробэ оторвал тревожный взгляд от газетной статьи. Перебиравшийся с берега на берег корабль огласил громким гудком пространство над морем Ариаки.

Глава 14

СНЕГОПАД В ЛАБИРИНТЕ

Если взглянуть на них издалека, то очертания Пяти Вершин Асо напоминают фигуру лежащего человека.

Вершины протянулись с востока на запад в таком порядке: Нэкодакэ, Такадакэ, Накадакэ, Кидзимадакэ, Эбосидакэ. Острый зубчатый край Нэкодаке образует нос, рот и подбородок фигуры, пологие склоны Такадакэ – грудь, а дымок над кратером Накадакэ попадает прямиком на пупок.

Глядя с незапамятных времён на этот пейзаж, люди стали называть Пять вершин Асо «спящим буддой». Но те, к кому огненная гора поворачивалась своей жестокой стороной, говорили иначе: вовсе не будда это спит, а демон.

Снегопад усиливался. Дорогу, похоже, уже замело, потому что шины автомобиля, подъехавшего к дому на склонах Эбосидакэ, побелели от снега. Водительская дверь открылась, и из неё показался молодой человек в костюме – предводитель людей-птиц Эноки Масамити.

Он набрал эту группу из самых одарённых последователей Химука и обособил её от основного культа. Люди-птицы подчинялись его приказам. Сейчас они вышли его встречать.

– С возвращением, Охранитель, – сказала Саэки Рёко, протягивая зонт.

– Снега на дороге скоро будет столько, что без цепей не обойтись. Ясуо, – обратился Эноки к самому молодому парню в группе, – достань их, пожалуйста, и, может, помоги надеть? У тебя это выйдет быстрее – я совершенно не умею обращаться с цепями.

– Хорошо, – кивнул Ясуо с серьёзным видом и собрался было сразу приняться за дело, но Эноки остановил его, криво улыбнувшись. – Потом, не сейчас. Сейчас я хочу доложиться. Пойдёмте вместе. Саэки, где господин Мотохару?

– Ждёт вас внутри.

– Пошли.

Люди-птицы Химука, как они сами себя называли, дружно кивнули и последовали за ним. Всего в группе, включая Эноки, насчитывалось девять человек, все молодые: самому младшему было восемнадцать, самому старшему – тридцать один. Их способности пробудились не так давно, но все они не сомневались в своих силах и гордились тем, что попали в круг избранных.

Следуя за своим новым Охранителем, молодые люди вошли в дом.

***

– Что значит «голова Кихати пропала»? – переспросил сидевший на диване Киккава Мотохару, нахмурившись. – Разве она не должна храниться в святилище Асо?

Эноки, собравший всех в каминном зале на первом этаже, пояснил:

– Действительно, наши записи говорят о том, что во время извержения в шестом году эпохи Дзёган¹⁹ голова Кихати была перенесена из Симомии в святилище Асо. Но, как показало моё расследование, ничего похожего сейчас в святилище Асо нет.

Прибегнув к помощи одного знакомого доцента, Эноки под видом научных исследований проник в храмовую сокровищницу, но ничего там не нашёл. Служители тоже ничего полезного ему не рассказали.

– Выходит, ошибка в записях?

– Это хроники Миикэ, – сказал Эноки, сверкнув глазами. – В том, что касается Кихати, они вряд ли могут ошибаться.

– Куда же она подевалась, в таком случае?

В записях святилища Асо о голове Кихати не упоминалось ни словом. Это можно было объяснить тем, что её перемещали тайно. Эноки продолжил расследование. Единственной его зацепкой была дата: двенадцатый месяц шестого года Дзёган. Он начал просматривать записи обо всех когда-либо хранившихся в святилище предметах, и кое-что нашёл.

– Нашёл?

– Да. «Двенадцатый месяц шестого года Дзёган, принято пожертвование». Уверен, это она и есть. Но дальше написано, что означенный предмет потом передали в дар – четыреста лет назад, в пятнадцатом году эпохи Тэнсё²⁰.

Взгляд Мотохару сделался острым. Именно в том году Хидэёси подчинил себе Кюсю.

– Кому её подарили?

– Тогдашнему правителю Хиго, – сказал Эноки, подавшись вперёд, – генералу по имени Сасса Наримаса.

– Сасса Наримаса-доно?! – Мотохару не мог скрыть удивления. Эноки кивнул.

– Но это всё, что там записано. Никаких указаний на то, где голова находится сейчас, нет. Наримаса умер через год после приезда на Кюсю, и что с ней стало дальше...

---

¹⁹ 864 год нашей эры.

²⁰ 1587 год нашей эры.

– ...Неизвестно. – Мотохару обессилено выдохнул.

– Возможно, информация есть в записях, не показываемых публике, – добавил Эноки. – Либо в записях со стороны Наримасы.

– Получается, – подал голос черноволосый худощавый мужчина, стоявший у Мотохару за спиной, – что самое главное – голову Кихати – вы добыть не смогли. Это просто смешно!

– Косака-доно...

– Как вы собираетесь пробуждать мстительный дух Кихати без головы? Даже если мы найдём Асару-химэ – с ней одной ничего не получится.

Высокомерный тон Косаки пришёлся последователям Химука не по вкусу. Самый молодой из них, Ясуо, не выдержал и встрял в разговор:

– Мы же не сидим, сложа руки! Добудем мы голову, можете не сомневаться.

– Да уж, постарайтесь. Чья это была идея, в конце концов? Вам нужно возродить Кихати. Нам нужно избавиться от Отомо и Оды, поэтому мы согласились вам помочь – и свою часть сделки уже почти выполнили. Асара-химэ практически в наших руках. Мы даже нашли для Кихати вместилище. – Косака язвительно усмехнулся. – Вы же хотите возродить государство Химука? Если так, то найдите голову – чем скорее, тем лучше.

Окинув прохладным взглядом молодых людей, сжимавших от злости кулаки, Косака хмыкнул и отвернулся к камину, в котором горело яркое пламя.

– Сасса Наримаса, подумать только... Знал бы – не дал бы ему так рано умереть.

– Что было после Наримасы?.. – Пребывавший в задумчивости Мотохару вдруг поднял голову и, повернувшись к Эноки, сказал: – Может быть, *он* что-то знает.

***

– Подарок Сассе-доно от святилища Асо? – переспросил Киёмаса, осторожно поглядывая на Эноки.

Тот кивнул. Обдумав слова Мотохару, предводитель Химука рассудил, что следующий после Наримасы хозяин замка действительно может что-то знать. К тому же, Киёмаса сильно поддержал в своё время разорённое междоусобицами святилище Асо, не дал зачахнуть клану его смотрителей, и всячески помогал отстраивать разрушенные постройки.

О Голове Золотого Змея Киёмасе действительно рассказали бывшие вассалы Наримасы, но он не стал сразу отвечать на заданный вопрос. Прикрыв глаза, он

откинулся на спинку кресла-качалки и слегка расслабился, не сводя, тем не менее, с Эноки и Саэки настороженного взгляда.

– Что-то, что значится в записях святилища как «Пожертвование двенадцатого месяца шестого года Дзёган». После Наримасы его замком завладели вы, наверняка вы знаете об этом.

– Представьте себе, нет. – Киёмаса склонил голову в притворном сожалении. – Большая часть имущества Наримасы-доно отошла к его фамильному храму, но я не слышал, чтобы среди его вещей было что-то из святилища Асо.

– Не врите, – сказала из-за спины Эноки его спутница, постукивая себя пальцем по левой стороне груди, – а то хуже будет.

Саэки Рёко явно угрожала Киёмасе Огненным камнем, с помощью которого могла причинить ему сильную боль, но один из Семи Копий Хидэеси был не робкого десятка, и если уж решил притворяться, был готов идти в этом до конца.

– Я не могу сказать вам то, чего не знаю. Даже если и было что-то, наверняка с приказом совершить сэппуку господин Хидэеси его конфисковал. А что это за сокровище-то такое?

– Череп человека, – тихо проговорил Эноки.

– Череп?..

– Когда-то он был объектом поклонения в святилище Симомия. По виду напоминает не человеческий череп, а змеиный, потому что когда эта голова слетела с плеч, её хозяин так ненавидел своего убийцу Такэиватацу-но микото, что кости изменили форму.

«Что? – изумился про себя Киёмаса, поднимая взгляд. Эту историю он слышал впервые. – Значит, то не Ямата-но ороты, а человек?»

– В черепе сгустилась ненависть невероятной силы, – отстранённо продолжил Эноки, шагнув вперёд по ковру. – Ненависть господина Кихати – нет, его мстительный дух, мощи которого хватит на то, чтобы погрузить Кюсю на дно морское, окажись он в руках непонимающих людей с неправильными целями.

– О чём ты говоришь?

– О том, что это не одна порция ненависти одного-единственного человека. – Эноки вдруг преобразился, его голос зазвучал повелительно и властно. – Рассказать тебе, Като Киёмаса, что на самом деле заключено в том черепе?

– Охранитель! – предупреждающе сказала Саэки, и Эноки, вздрогнув, умолк. Взгляд, которым они обменялись, был настолько глубоким, полным только им двоим понятного смысла, что Киёмаса понял: дело здесь нечисто. Понял – и занервничал.

Нет никаких сомнений в том, что этот череп, подарок Наримасе от святилища Асо, – и есть Голова Золотого Змея, которую люди Отомо выкапывают на территории Кодзё. Сокровище, ради которого они решили прибрать к рукам всю школу.

Но что это за новая история такая? Выходит, череп не принадлежал порождённой магмой змею, жившему в Асо много веков назад?

«В чём здесь дело и кто эти люди?»

«Кихати», сказали они. Кихати, которому Такэватацу-но микото отрубил голову. Киёмаса поддерживал отношения с членами семьи Асо, но никогда не слышал от них подобной интерпретации. Даже священнослужители не знали?

И ещё эти двое утверждают, что в черепе заперт могущественный мстительный дух, способный...

«...Погрузить Кюсю на морское дно?..»

Что же это за чудовище такое, что сам бог-основатель Асо сражался с ним? Киёмаса нервно сглотнул, стараясь не выдать своего волнения. Парень и девушка явно знали что-то, что ни ему, ни Сассе Наримасе, ни Отомо было не известно.

«И они что-то замышляют».

Кто такие эти люди нынешнего времени, которые летают по небу и заключают союзы с духами-генералами вроде Мори? Чего на самом деле хочет Киккава Мотохару? Киёмаса не знал, но намеревался выяснить.

«Ну ладно, поехали...» – мысленно сказал он, собравшись с духом, и медленно поднялся с кресла.

– Что бы это ни было такое важное, я о нём не знаю. Если вам так нужно, отправляйтесь в святилище Хококу²¹ и спросите у Его Светлости господина Регента лично.

– Вы в самом деле не знаете?

– Сколько можно повторять! Ты как вообще говоришь со мной, Като Киёмасой, которому поклоняются в святилище?! Боги не врут. И раз уж у вас достало наглости посадить под замок божество, давайте подношения, прежде чем задавать вопросы! Никакого порядка не знают. По небу летают, ишь ты. Ладно девица, но чтобы парень витал среди облаков будто фея небесная – о таком безобразии никто доселе не слышал. Гляньте-ка, за всеми разговорами и чай остыл. Ну-ка несите ещё! И сладостей, а то все кончились.

Парень с девушкой переглянулись.

---

²¹ В Японии есть несколько святилищ с таким названием (иероглифы также могут читаться как «Тоёкуни»). Все они посвящены духу Тоётоми Хидэёси.

– Да, и горячий источник в этом доме есть? Со вчерашнего дня не мылся, завонялся весь. Я люблю чистоту! Мясо я не ем, чтоб на ужин не приносили. Чтоб грибы намэко в суп положили. Вы слушаете или нет?!

«Сколько терпения у этих людей?»

Наконец капризы генерала надоели Эноки, и он, перемолвившись с Саэки парой слов и оставив, похоже, какие-то указания, вышел из комнаты. Девушка недовольно покосилась на Киёмасу, который не переставал требовать то одно, то другое, но всё же принесла кофейник и поставила перед ним новую чашку.

Киёмаса молчал, дожидаясь, пока она наполнит её до краёв. Саэки совсем его не опасалась – наверное, пресловутый Огненный камень играл в этом не последнюю роль. Она с чопорным видом налила кофе и сухо сказала: «Пожалуйста».

Киёмаса вернулся в кресло, неторопливо взял чашку в руки и уставился на девушку оценивающим взглядом. Этот беззастенчивый взгляд не остался незамеченным: Саэки Рёко неприязненно покосилась на генерала в ответ. Тот растянул губы в сладострастной улыбке и сказал:

– Ты ведь ещё девушка, верно?

– Что? – переспросила Рёко.

– Я было подумал, ты женщина этого Эноки, но вроде не похоже. Что ж такой красоте пропадать зря? Становись моей.

Рёко возмущённо распахнула глаза – и тут же тело Киёмасы пронзила жгучая боль. Он вскрикнул, дёрнулся, и опрокинул чашку со всем её горячим содержимым прямо себе на колени.

– А!.. Горячо!.. А-а!..

Завопив от ожога, Киёмаса спрыгнул с кресла и беспорядочно замахал руками.

– Вы в порядке?!

Опешившая Рёко подбежала к нему с полотенцем, чтобы вытереть одежду, но только она коснулась его, как Киёмаса перехватил и с силой сжал её руку.

Вздрогнув от неожиданности, Рёко вскинула голову и натолкнулась на взгляд Киёмасы, ставший вдруг гипнотическим и властным. Генерал, в миг переменившись, словно бы хотел прожечь её этим взглядом насквозь. Девушка замерла, испугом прикованная к месту, и несколько коротких секунд пальцы Киёмасы плотно обхватывали её правое запястье.

Рёко быстро опомнилась, заметила, что её держат за руку, и другой рукой отвесила Киёмасе звонкую пощёчину. Пальцы генерала рефлекторно разжались. Со всей силы оттолкнув его от себя, Рёко гневно воскликнула: «Имейте совесть!», швырнула в него полотенцем, и яростной походкой вышла из комнаты.

Не обращая внимания на горящую щеку, Киёмаса медленно опустился в кресло и потрясённо уставился на закрывшуюся дверь. Колоссального объёма информация, которую он успел вытащить из сознания Саэки Рёко за несколько секунд контакта, повергла его в шок.

«Не может быть...»

Всё оказалось куда серьёзней, чем он предполагал. Нет, такого он даже и предположить не мог... Ужасное знание, заполнившее в мгновение ока его мозг, выдавило воздух из лёгких и заставило бешено колотиться сердце.

Он готов был поклясться: ни Отомо, ни Сасса, ни даже хранившие у себя череп священнослужители из клана Асо не знали об этом. У него даже слов не было, чтобы это описать. Киёмаса побледнел, его сжатые кулаки нервно задрожали, и ему захотелось закричать в голос: «Как?! Как?!»

Надо скорей предупредить сюзерена, господина Нобунагу. Голова Золотого Змея не имеет никакого отношения к Ямата-но ороги – ах, если бы только всё было так просто! Если эта вещь попадёт в руки к Симадзу, не избежать страшных бед. Не только Кюсю может оказаться на дне моря, но вся Япония.

«Мне некогда здесь прохладиться! – мысленно воскликнул Киёмаса. – Я должен предупредить господина Нобунагу!»

***

Горящее полено в очаге с треском проломилось, всколыхнув языки пламени; тень от стола на стене качнулась им в такт.

Пламя ярко освещало профиль Такаи, сидевшего на кровати – это он уже мог благодаря целительной силе Огненного камня, но что-то странное было в его позе. Он сидел неподвижно, закрыв лицо руками – только широко распахнутые глаза блестели под расставленными пальцами. Отрешённый взгляд был устремлён в пространство.

«Что со мной?... – мысленно простонал Такае, сдавленно дыша. – Откуда этот страх?..»

Стиснув зубы, он изо всех сил сражался с собственным сознанием. Какое-то чудовище улеглось у дверей его памяти и не пускало его туда. Здравый смысл говорил Такае, что не мог он забыть события в Хаги, но реальность показывала: он не мог даже мысленно приблизиться к ним.

Как он до сих пор не замечал? И ничто не казалось ему странным – наверное, он бессознательно проскакивал эти события в голове. Почему?

«Страшно...»

Чем сильнее он пытался вспомнить, тем сильнее делалась тревога. Такая вспотел, в его горле встал ком. Ему хотелось закричать, убежать и спрятаться, но он мысленно хватал себя за шкуру и заставлял вглядываться в самого себя.

...но застрелил Наоэ.

...сжѐг замок при помощи огненных драконов.

Прижав ладони к лицу и зажмурившись, Такая снова и снова мотал головой.

«Ничего этого... я не помню...»

Как, когда он обжѐг лицо Райрю? Разрушил замок Хаги? Кто и почему в него стрелял? Такая понятия не имел, и чем больше он напрягался, тем труднее становилось дышать. Наоэ всегда был рядом – и тогда, и потом, когда они сражались на Ицукусиме, он всегда, всегда...

«А где он был?»

По спине Такаи вдруг пробежал холодок.

«Где именно он был?»

Страх возростал. Стараясь превозмочь его, Такая спрашивал себя: что было после Хаги? Он помнил, как сражался в подводной крепости Мураками, но что он делал до этого? Как попал из одного места в другое?

«Не знаю...»

Прикусив губу, Такая затряс головой.

«Не помню!»

...Ведь вы умеете видеть.

«То, что я должен увидеть – это оно и есть?»

Такая, задыхаясь, отнял руки от лица.

«Ты об этом говорил, Кайзаки?!»

Кровь из прокушенной губы наполнила рот металлическим вкусом, и Такая удивлённо отёр её. Как только его взгляд упал на испачканные пальцы, по телу прошла сильная судорога.

– А...а...

Вид свежей крови заставил сторожащее память чудовище зарычать. Страх сделался почти невыносимым; хватая ртом воздух, Такая вцепился в простыни, как в спасательный круг.

«Нет, не смей отворачиваться!» – он заставил себя распахнуть глаза.

Он должен был смотреть, ведь там, впереди – ответы на все его вопросы. Он знал, чувствовал, что это так. Такая по-прежнему дрожал, но в его устремлённом в пространство взгляде теперь читалось упорство.

«Не смей убежать».

Он не побежит – ни от сводящего с ума волнения, ни от смертельной тревоги. Ему нужны эти ответы. Он не имеет права отступить.

Такая стиснул зубы и с головой окунулся в свою одинокую битву – битву, в которой ему не от кого было ждать помощи.

***

Час шёл за часом, а снег всё продолжал сеяться над лесом. За окном стало почти совсем темно. Колеблющееся пламя очага отражалось в оконных стёклах и бросало оранжевые блики на лицо Такаи, за которым Киккава Мотохару незаметно наблюдал с порога уже бог весть как давно.

«До чего измождённое лицо», – думал Мотохару, прищурено вглядываясь в профиль юноши.

Выражение затравленное, как у невротика, глаза остекленело смотрят в одну точку, но в их глубине мелькает что-то, способное едва ли не испепелить на месте любого, рискнувшего приблизиться. У Мотохару не хватало слов, чтобы описать этот взгляд. Животный? Устрашающий? Слишком слабо. Нечеловеческий был взгляд, и всё тут.

Вдруг Такая обернулся, почувствовав присутствие постороннего, и его горящие убийственным блеском глаза устались на Мотохару.

«Демон в обличье человека», – подумал тот, содрогнувшись, а потом сделал глубокий вдох и решительно шагнул вперёд.

– Я принёс твою школьную форму. Её почистили уже.

Генерал подошёл ближе и положил стопку побывавшей в химчистке одежды на кровать. Такая смотрел на Мотохару напряжённо, с нескрываемым подозрением. Казалось, одно неверное движение может спровоцировать его. Ещё несколько часов назад он был другим человеком, и даже в Хаги, во время их первой встречи, в нём было меньше этого враждебного напряжения.

Сейчас Такая выглядел более бешеным, чем подыхающий с голоду зверь. Ладно, будь что будет, решил про себя Мотохару и уселся на стоявший рядом с кроватью стул.

– Как самочувствие? Полегче стало?

Такая не ответил, но его взгляд был красноречивее любых слов.

– Не смотри на меня так, я не враг тебе. Я всего лишь хотел справиться о твоём здоровье.

Раненый тигр молчал. Его болезненная настороженность на самом деле говорила о том, что он совершенно замучил себя после их последнего разговора. Должно быть,

всё это время он пытался разобраться в себе, найти объяснение странностям, и в результате его эмоции накалились до предела. Любое слово, любое действие он сейчас воспринимал в штыки.

Мотохару, наконец-то, начал понемногу разбираться в характере Кагэторы. Раньше источаемую им угрозу он воспринял бы буквально, и дрогнул бы, испугался даже, но сейчас... Истинные чувства Кагэторы были всегда противоположны его действиям. Чем больше он скалил клыки, тем больше на самом деле боялся.

«Могу понять чувства Наоэ», – подумал Мотохару и тихонько вздохнул.

– Знаешь, я надеялся, что нам когда-нибудь удастся поговорить снова.

Такая смотрел на него с неослабевающей угрозой. Мотохару не отводил глаз.

– В тот раз мы оба были на взводе, и я не понял тебя до конца. Я сказал то, чего не должен был говорить. Прошу за это прощения.

Голос Мотохару звучал искренне, а взгляд не отрывался от Такаи.

– Можно я повспоминаю немного о прошлом?

Напряжение не отпускало юношу. Мотохару было больно смотреть на его жёстко сомкнутые губы и горящие вызовом глаза. Помолчав немного, Мотохару начал рассказ.

– В той битве я потерял своего брата Такакагэ и племянника Тэрумото. Мои вассалы сгинули в море Аки, и клану Мори, в сущности, пришёл конец. Ты, верно, скажешь, что мертвецы всего лишь отправились туда, куда их путь лежал с самого начала, но... Я рад, что сумел пожить ещё какое-то, пусть короткое время вместе с Такакагэ. Это позволило мне понять, что узы, связывавшие Два Притока Мори, не разорваны, как я когда-то полагал.

Мотохару продолжал говорить, вспоминая о последних годах своей жизни.

После смерти отца, Мотонари, между Двумя Притоками Мори совсем не всегда всё ладилось. Более одарённый Такакагэ превосходил старшего брата и как политик, и как полководец – почти все значимые военные достижения Мори были его заслугой. Он также отличался безупречной нравственностью. Отец бесконечно ему доверял и возлагал на него большие надежды – потому и отправил Тэрумото к нему.

Такакагэ преуспевал в любом деле и всегда приковывал к себе взгляды других. Во времена Хидэёси его избрали одним из Пяти Старейшин – тогда-то Два Притока Мори и потекли в разные стороны. Такакагэ последовал веяниям эпохи, по своей воле сдружился с Хидэёси и получил при нём реальную власть. Мотохару же служить Хидэёси было не по нраву, он передал дела сыну и ушёл на покой.

Он отдавал себе отчёт в собственных неблагоприятных чувствах. Мотохару всегда знал, что отец любил Такакагэ больше и большего от него ждал, поэтому рядом с

братом всегда поневоле съёживался. Он, в общем, махнул на это рукой, попытался убедить себя в том, что ему и в тени неплохо, но чем более явной становилась разница между ним и Такакагэ, тем меньше ему хотелось сражаться с ним бок о бок.

– На самом деле Два Притока уже после смерти отца потекли врозь.

Такая молча слушал.

– Я понимаю, что Такакагэ ни в чём не виноват, – слабо улыбнулся Мотохару, – он лишь жил, как умел, задействовав все свои таланты. Он не виноват абсолютно ни в чём... но от этого только больнее.

Такая безмолвно смотрел, как Мотохару прикрывает глаза.

Но ни в коем случае всё это не означало, что Мотохару брата не любил. Когда он услышал весть о его гибели в подводной крепости, ненависть к Кагэторе была искренней и неподдельной. Пусть даже на короткий срок, но Два Притока Мори вспомнили свою первоначальную задачу, и жили, выполняя её. Им хватило времени, чтобы заглянуть друг другу в сердца и удостовериться в нерушимости прежних уз – уже ради одного этого стоило возрождаться.

– Поэтому, – сказал Мотохару, – мне кажется, я могу понять, что испытывал Наоэ к тебе.

Взгляд Такаи немного смягчился. Самую-самую малость.

А генерал между тем думал, что не только чувства Наоэ может понять, но и чувства Томо-химэ. Объект зависти – не обязательно объект ненависти. Это может быть кто-то, кто тебе бесконечно дорог, и тогда всё становится совершенно невыносимым.

– Томо-химэ в конце концов не выдержала. Наоэ же... Его внутренняя борьба слишком затянулась. Оба чувства были одинаково сильны, а потому просто накопились до предела.

И случилась трагедия. Каждый из них довёл другого до края.

Что тогда насчёт его, Мотохару, собственных чувств?..

Такая смотрел на притихшего генерала молча. Возможно, подумал тот, ему сложно понять, о каком конфликте идёт речь. Мотохару внезапно увидел в Такае брата, и ощутил прилив странной нежности к нему.

– Знаешь, Кагэтора-доно... – Мотохару посмотрел на Такаю в упор, – быть может то, что я скажу, выходит за рамки приличий, но я видел в Наоэ себя, свои собственные чувства, усиленные в десятки раз. И мне захотелось посмотреть, к чему вы с ним в итоге придёте.

Нет, не так... Смотреть было нужно, ни в коем случае не отворачиваясь – даже если конец окажется отвратительным и постыдным.

Тогда, в замке Хаги, не отворачиваться было в самом деле нелегко. Кагэтора был не просто отвратителен, не просто безобразен, он пугал до глубины души.

Всё принадлежит мне, сказал он. Мотохару запомнил каждое слово. Всё в этом человеке принадлежит мне, и только я решаю, жить ему, или умереть. Его память, его история... Никому не позволено прикасаться. И ещё, сказал Кагэтора, я ничего не хочу от него, кроме правды. Он кричал тогда, как помешанный, и взгляд у него был больной.

Мотохару тогда ещё подумал, что он в самом деле болен, жадной обладания. Одержим ею, словно демон. Когда эта одержимость внезапно оголилась в нём, Мотохару и испугался-то потому, что ничего подобного прежде не видел.

Нельзя хотеть, чтобы тебя хотели вечно. Нельзя требовать этого от людей.

Само желание, возможно, в той или иной мере знакомо многим, но в действительности никто не следует ему. Все понимают, что это опасно: неосуществимо, и лишь приведёт к разрушению – себя, другого... Поэтому люди прислушиваются к доводам разума и держат желание в узде, не давая ему разрастись и выйти из под контроля. Они живут, сдерживая себя – именно это и значит быть зрелым человеком.

– Не думай, пожалуйста, что я тебя осуждаю, – сказал Мотохару после паузы. – У меня этого и в мыслях нет. Твои слова меня тогда порядком ошарашили – потом уже я поразмыслил, вспомнил разговор с Наоэ, и понял, что кое в чём был неправ. Дело не в том, что ты ошибся в суждениях, ты просто был честен. Учитывая, сколько длилась ваша связь – всегда был небывало честен и с собой и с ним. По-моему, это признак силы. Осуждать тебя очень легко; я же преклоняюсь перед силой, которая позволила сохранить честность под напором чувств. Возможно, прожив четыреста лет, ты просто не способен поступать иначе... Но знаешь, Кагэтора-доно, – Мотохару заглянул Такае в глаза, – в том пламени, в котором ты похоронил замок Хаги, я узрел истинный ад человеческой души.

Во взгляде Такае промелькнула боль. Мотохару молча наблюдал, как к нему возвращается нервозность. Опустив голову, Такае проронил наконец:

– По-твоему, это бегство?

Мотохару посмотрел на него внимательно.

– Если всё так, как ты говоришь, я, получается, сбежал от реальности?

– Кагэтора-доно...

– Да или нет? Отвечай, Киккава Мотохару.

Генерал поджал губы. Выбора у него особо не было. В очередной раз собравшись с духом, Мотохару подчинился пристальному, требовательному взгляду и не отводя глаз кивнул.

Такая болезненно сощурился:

– Тогда... что случилось с Наоэ?

Он смотрел вопросительно и жалобно, но Мотохару ответил без снисхождения:

– Разве ты не должен сам это вспомнить?

Такая дёрнулся, словно его кольнули ножом. Суровый взгляд Мотохару немного смягчился. Помолчав, он медленно поднял руки и по-отечески взял лицо юноши в ладони.

Зрачки Такаи расширились.

– Слушай меня внимательно, Кагэтора-доно, – сказал ему Мотохару глаза в глаза, – Наоэ мёртв. Он умер той ночью.

Такая не моргнул и не пошевелился. Мотохару продолжал говорить, спокойно, без тени обвинения.

– Я думаю, ты и сам уже догадываешься, почему именно не можешь вспомнить произошедшее в Хаги, и в чём истинная причина твоего беспокойства.

Похоже, он попал в точку: Такая напрягся.

– Ты ведь об этом раздумывал? Поэтому у тебя такой измученный вид?

Мотохару заметил кое-что важное. Такая начал сомневаться в себе. Начал задаваться вопросом: можно ли верить тому, что ему до сих пор не приходило в голову ставить под сомнение – собственным ощущениям? Или в нём самом случился какой-то основополагающий сбой?

Откуда этот страх, ставший особенно явным после встречи с Мотохару? Кажущаяся беспричинность сбивала Такаю с толку, он хотел понять, почему. Он разворачивал в уме цепочки рассуждений, как после встречи с Кайзаки, и это мысленное хождение по кругу вымотало его.

– Тяжело блуждать в лабиринте, верно? – проговорил низким голосом пронизательный генерал. – Я скажу тебе, почему ты не можешь из него выбраться. Тебе просто не нравится лежащий на поверхности ответ.

Такая медленно покачал головой.

– Наоэ... со мной.

– Тебе кажется. Это совсем другой человек. Ты убедил себя в том, что это Наоэ... не сумев справиться с его потерей.

Такая снова покачал головой.

– Кагэтора-доно...

– Ты ошибаешься. Наоэ всё время был рядом, все два года...

– Разве не поэтому, – Мотохару почти ласково заглянул Такае в лицо, – твоё сердце кровоточит от ран, которых могло бы вовсе не быть?

По щеке Такаи покати́лась слеза.

– Нет... – прошептал он с широко распахнутыми глазами.

– Разве ты не хочешь знать правду? Не хочешь выбраться из лабиринта?

– Всё не так! – закричал Такай, не выдержав. – Это не ответ! Я не бегу от реальности, я с ней смирился – смирился с тем, что стал неинтересен ему! Я не хочу тебя больше слушать!

– Тяжело смотреть правде в глаза, я знаю, но так этому кошмару никогда не придёт конец! Ты хоть понимаешь, какое совершаешь преступление? Ты страдаешь от боли, которую настоящий Наоэ никогда бы тебе не причинил – кому, по-твоему, от этого тяжелее всего? Ему! Представь, что бы он чувствовал, узнай он, что за его правду ты принимаешь слова и действия другого? Я бы на его месте переворачивался в гробу! Я знаю, что ты не назло ему сошёл с ума, но пока это длится, ты предаёшь его этим!

– Замолчи!

– Нет, слушай! Все́му причиной твоё малодушие! Одиночество оставшегося в живых – неизбежность самой жизни, и ты должен нести этот крест, как несут его все люди на земле! Жизнь по природе своей конечна. Никуда от этого не деться! Попытка убежать от этого – есть трусость! Неужели я не прав?!

– Всё, хватит!

– Кагэтора-доно!

– Ты всегда, всегда пытаешься заморочить мне голову! Тогда ты тоже сказал, что Наоэ хочет от меня уйти, а он всего-то и хотел, чтобы я убил его своей...

Мотохару вздрогнул. Такай замер на секунду, а потом поднёс руку ко рту и прерывающимся голосом пробормотал:

– ...собственной... рукою...

Глаза Такаи до предела распахнулись, и перед его мысленным взором вспыхнул образ яркого пламени. Того самого пламени. Воспоминания зашевелились, и он подумал: вот оно. Вот оно.

А потом Такай закричал. Он кричал и кричал, и Мотохару пытался успокоить его, пока резкий голос не заставил их обоих обернуться.

– Кагэтора-доно, не дайте себя обмануть.

– Косака-доно! – воскликнул Мотохару, увидев, кто стоит позади, прислонившись спиной к стене. Когда он, интересно, вошёл в комнату?

«Косака...», – выдохнул Такай, и лицо его напряглось. Косака Дандзё, вздёрнув уголки красивых губ, сказал негромко:

– Давно не виделись.

Такай взял себя в руки, его броня скользнула на место.

– Ещё жив, сволочь? – угрожающе прошипел он.

– Уж не обессудьте. Возвратился с того света, только чтобы проверить, как вы сами поживаете. Неужто совсем не рады мне?

Такая вместо ответа вперился в Косаку убийственным взглядом. Тот посмотрел на него почти с ностальгией, и сказал:

– Наш боязливый тигр совсем не изменился... Как бы там ни было, Мотохару-доно, негодный вы человек. Зачем обманываете гостя?

– Обманываю?! – вскинулся Мотохару, и Косака с улыбкой кивнул.

– Я понимаю, вы из сострадания, но врать нехорошо. Наоэ умер? Придумали тоже.

– Что?.. – Теперь уже Такая заволновался. – Что ты...

– Всё, что вам сказал Мотохару-доно – ложь. Не верьте ему.

Не понимая, что происходит, Мотохару хотел возразить, но слова замерли на его губах, остановленные быстрым предупреждающим взглядом Косаки.

– Разве может ложь послужить Кагэтора-доно утешением? Я и сам хотел бы солгать, пожалеть его чувства, но оставлять его в неведении сейчас – намного более жестоко.

Бросив косой взгляд на растерянного Мотохару, Косака подошёл к Такае, который заметно нервничал, и полным жалости голосом сказал:

– Кагэтора-доно, Наоэ предал вас.

Глава 15

ТРЕЩИНА НА ВОДНОМ ЗЕРКАЛЕ

– Наоэ не придёт, чтобы вас спасти.

Поначалу Такая даже не понял смысл сказанного. Киккава Мотохару отреагировал сильнее: вскинул голову и уставился на Косаку неверящим взглядом.

– Он окончательно в вас разочаровался, – продолжал Косака, отчётливо выговаривая слова. – Неужели вы до сих пор не поняли? Наоэ вас предал, Кагэтора-доно.

Такая смотрел на него, словно разучился говорить.

– Я понимаю, вам не хочется верить, что самый близкий соратник продал вас после четырёхсот лет службы, и мне в самом деле вас жаль, но... Вы заслуживаете того, чтобы знать правду.

– Продал?.. – пробормотал Такая охрипшим голосом. – Наоэ?.. Меня?..

– Да, ваш доверенный вассал Наоэ Нобуцуна сдал вас врагам, чтобы спасти собственную шкуру.

Такая ошеломлённо замер. Глядя на него с невыразимым сочувствием, Косака сказал: – Вы были заняты в Кумамото и поэтому не знаете, но буквально до недавнего времени Наоэ находился в плену у нашего союзника, князя Симадзу Ёсихиро.

– Что?..

– Вы поручили ему расследовать исчезновения последователей культа Химука, верно? Теперь скрывать это уже ни к чему, поэтому я вам расскажу: люди Химука в союзе с господином Симадзу. Наоэ подошёл к делу с нахрапом, столкнулся несколько раз с воинами Симадзу, и они сумели захватить его в плен.

Такая слушал и не верил своим ушам. Внимательно наблюдая за его лицом, Косака негромким голосом продолжил: – Господин Симадзу хотел расправиться с ним на месте, но Наоэ предложил ему кое-что неожиданное: своего господина в обмен на собственную жизнь. Иными словами, он пообещал передать вас Симадзу с рук на руки.

– Нет... Не может этого...

– Несколько дней назад он с вами встречался – для того, чтобы показать людям Симадзу, где вас искать. После этого, как вы помните, на вас напал Симодзума Райрюдоно, наш союзник. Пока вы были без сознания, мы привезли вас сюда – вот, примерно, так, в общих чертах.

Косака отбарабанил эту ложь без запинки, ровным и ясным голосом, так, что его сложно было в чём-либо заподозрить. Мотохару не мог не восхититься ловкостью, с какой это было проделано. Не зря Косаку называли королём интриги.

Такая не мог с уверенностью сказать, что Косака лжёт – ему не хватало информации. По его лицу растекалась мертвенная бледность.

– Неправда...

– Сложно вообразить, что он способен на подобную низость – но это правда. К тому же, у него были и другие основания для предательства.

В глазах Такаи промелькнула тревога.

– Рассказать вам, что на самом деле случилось с Белыми Девами в Саге? – спросил Косака, цепко удерживая его взгляд. Юноша смотрел на него непонимающе. – Вижу, вы в самом деле ничего не знаете... Хорошо, слушайте. Ваших Белых Дев убрали не люди Рюдзодзи, или Оды, и уж конечно же не люди Отото – а присутствующий сейчас здесь Киккава Мотохару-доно.

– Что?..

Такая повернулся к Мотохару. Тот, не отпираясь, кивнул.

– А сам Рюдзодзи Таканобу выбыл из игры несколькими днями ранее – его тоже кто-то убил.

Такая слышал об этом впервые. Ему никто ничего не докладывал.

– О чём ты говоришь?

– Я говорю, что Отомо нашли себе союзника, который помог им избавиться от Рюдзодзи. В Саге, на территории Рюдзодзи, у Отомо руки связаны – и тем не менее, они знали, что и как там происходит. Значит, кто-то поставлял им сведения... Ваши Белые Девы помогали Отомо.

– Это невозможно! – горячо заспорил Такая. – Белые Девы ничего не делают сами, я им приказа не отдавал, значит...

– А если приказ отдал Кэнсин?

Такая вздрогнул.

– Отец?..

– Да, если это Кэнсин приказал – Белые Девы, конечно, послушались.

– Не может быть...

– Рюдзодзи Таканобу убили люди Уэсуги. Если вы ничего об этом не знаете – значит, от вас специально это скрывали. Потом они попытались провести Отомо в Сагу, и тут уже мы с Мотохару-доно были вынуждены вмешаться и уничтожили Белых Дев.

Белые Девы в Саге работали на Отомо? В тайне от их верховного главнокомандующего? У Такаи это не укладывалось в голове. Ни разу за четырёхста лет ничего подобного не случалось.

– Наши худшие опасения подтвердились, Уэсуги-доно, – сказал Мотохару отстранённым, официальным тоном. – Кэнсин сделал свой ход.

– Ход?..

– Я, помнится, говорил тебе об этом... Ты Кэнсину больше не нужен, он создаёт новую армию Уэсуги, чтобы осуществить свои честолюбивые замыслы.

Действительно, Мотохару говорил то же самое в Хаги – и волнение, охватившее Такаю тогда, вновь всколыхнулось в душе. Его лицо напряглось, губы задрожали.

– Ерунда... это же просто...

– Кэнсин решил, что для исполнения задуманного ты не подходишь ему. Должно быть, он всё же не может полностью довериться выходцу из клана Ходзё...

И, пока Такая пребывал в смятении, Косака беспощадно добавил:

– Наоэ же, судя по всему, встал на сторону Кэнсина – именно поэтому он и предпочёл свою жизнь вашей. На Симадзу его натравил Кэнсин, на самом-то деле. Когда он попался, то оказался под угрозой разоблачения – вы могли обо всём узнать. Выполнять приказы Кэнсина для него в любом случае важнее, поэтому он не может

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

позволить себе умереть. Вот он и взвесил на весах свою жизнь и жизнь господина, который больше не вызывает в нём желания служить.

Такая перестал дышать, а Косака подытожил:

– Таковы мои умозаключения.

Сдвинув брови, Такая медленно повёл головой в сторону и шевельнул побелевшими губами:

– Мотохару?..

Киккава Мотохару молчал. Отвечать было нельзя. Теперь, когда стало, наконец, ясно, что задумал Косака, он не мог ни в чём ему противоречить. Этот обман нужно было довести до конца.

Слова о том, что он не вызывает больше в Наоэ желания служить, кинжалом вонзились в сердце Такаи.

«Я ему больше не интересен...»

Утраченное соприкосновение душ...

«Он разочаровался во мне...»

А Косака, между тем, словно бы читал его мысли:

– Ведь вы же не станете говорить, что ничего не замечали? Вы были с ним на ножах ещё до Ицукусимы – даже мне со стороны это было видно. Я, честно говоря, так и думал, что всё этим закончится. Переживал за вас, можно сказать.

«Верно...»

Перед глазами встало лицо Наоэ, его холодная маска тех времён.

Ночь в Хаги... Но как раз тогда, он думал, им удалось соприкоснуться. Как бы ни злились они друг на друга, ни досадовали – в ту ночь каждый из них держал руку у другого на сердце.

– *Твоё... нет, наше с тобой! Наше с тобой высшее, единственно правильное состояние!*

Которое, он думал, они смогут найти – и сам, со своей стороны, намеревался искать, веря, что не одинок в своём намерении... Но на том всё и закончилось. С тех пор больше не было ощущения близости – даже клин, которым Наоэ всегда Такаю удерживал, будто бы растворился в воздухе, и слова, понятные им обоим не умом, но изнанкой души, больше не слетали с его губ.

Выходит, он всё-таки не смог тогда до Наоэ достучаться, хоть и пытался всем своим существом? Его крик, его призыв – не достигли цели, и чувство взаимности было лишь иллюзией человека, пытающегося выдать желаемое за действительное?

И Наоэ отступился. Устал хотеть, либо увлёкся кем-то другим, потеряв интерес к Кагэторе... и решил, наконец, пойти своим путём?

А ведь тогда, в океане пламени, соприкосновение казалось таким реальным... Его сила, его резонанс – это тоже было иллюзией?.. Неужели на самом деле их связь перестала существовать два года назад?

«Неужели...»

Всё померкло у Такаи перед глазами. До этого момента он надеялся – из последних сил надеялся, что конец ещё не наступил.

– Всё кончилось, – твердил Косака, – два года назад. Но каков себялюбец, слов нет! Столько лет тянул из вас жилы – а потом, в одну секунду, махнул хвостом. Примите мои соболезнования, Кагэтора-доно. Никто не заслуживает, чтобы ему вот так плевали в душу.

– Да, но... – Такая, дрожа всем телом, поднёс руку к пересохшим губам.

Чем тогда был тот маленький, вроде как обнадёживающий жест?

– Он поцеловал меня... Специально приходил, чтобы увидеться со мной, и... в губы...

Мотохару от удивления вытаращил глаза, а Косака, абсолютно невозмутимый, скрестил руки на груди и отрезал:

– Поцелуй Иуды.

Вскинув голову, Такая впился в Косаку взглядом. С треском проломились поленья в очаге, красное пламя высветило лица троих людей в комнате – и тень ещё одного, продавшего господина ради собственного спасения, притаилась в углях, среди пляшущих бликов.

Время для Такаи остановилось.

Разразившийся над долиной Асо снегопад немного стих, но ночь обещала быть очень холодной. Роща криптомерий вокруг святилища Кокудзо у северного края кальдеры облачилась в белый покров.

Этот древний синтоистский храм, входящий в свод «Энгисики»²², располагался в посёлке Итиномия-мати, в районе Тэно, и поклонялись здесь Хаямикатама-но микото, сыну Такэиватацу-но микото и первому управителю Асо.

На территории храма можно было увидеть большую криптомерию – в прошлом памятник природы, а сейчас просто гигантский ствол, который решено было сохранить, очищенным от коры, после того, как несколько лет назад дерево погибло во время тайфуна.

---

²² Энгисики (Свод обрядов периода Энги) – свод законов и ритуалов древней Японии, датируется 927 годом. В части, относящейся к обычаям синто, перечислены все святилища, существовавшие в стране на тот момент (всего 2861).

Если пройти от храма дальше в гору, можно было обнаружить древний курган – их сохранилось несколько в северной оконечности кальдеры. Прodelанный в земле боковой вход вёл в подземное помещение, освещённое сейчас электрической лампочкой.

Именно сюда и привезли Инабу Акэми после того, как Симодзума Райрю и Ситири Ёритика похитили её. Девушка лежала в самой дальней комнате, в застелённом шёлковой простыней каменном гробу, и крепко спала. Со стороны её можно было принять за настоящую покойницу.

Изнутри гроб был выкрашен специальной красной краской: жёлтую охру Асо обожгли в священном пламени и добавили сонное заклятье. Пока Акэми лежала в этом гробу, ей не суждено было проснуться.

– Но она просто спит, и всё, – пояснил охранник. – Не получая ни пищи, ни воды, тело со временем ослабеет и умрёт от истощения. Поддержания жизни здесь не предусмотрено.

– Сколько она продержится? – последовал вопрос.

– Хм... – Охранник задумался. – Наверное, дней десять, не больше.

– Стало быть, проснётся она живой или нет, будет зависеть от семьи Миикэ, в чьих руках находится Асара-химэ.

С этими словами мужчина в плаще тренч кивком освободил охранника и вышел на улицу. Свет в подземной комнате погас.

Спустившись по узкой тропинке, мужчина вышел к храмовым постройкам святилища Кокудзо.

– О том, что стало с Кагэторой-доно, до сих пор ничего не известно? – обратился он, надевая перчатки, к идущему на полшага позади Фуме Котаро.

– Мы разыскиваем его всеми силами, – ответил тот низким голосом.

Расставшись с Такаей накануне, Котаро с тех пор всюду следовал за этим человеком, которого Такаея тоже видел мельком в фойе отеля. От своего спутника Котаро и узнал о столкновении с Райрю, и мигом помчался обратно в Кумамото, в больницу – где его ждало невероятное известие: «Оги-сан скончался».

Тело к тому времени уже увезли – задействовав всех своих подчинённых, Котаро выяснил, что сделали это, скорее всего, последователи Химука, но связаться с Такаей ему до сих пор так и не удалось.

– Ну и удружил нам Симодзума Райрю. Не знаю, чем ему Кагэтора-доно так насолил, но покушаться на жизнь человека, которого мы пытаемся привлечь на свою сторону? Вопреки указаниям господина Кэннё? Тот, конечно, так разгневался, что решил отозвать Райрю с Кюсю.

– Вот как.

– Райрю, как я слышал, был сильно против и союза с Симадзу.

В этом не было ничего удивительного – ведь в эпоху феодальных провинций клан Симадзу даже христиан не истреблял так истово, как монахов Хонгандзи. Отчаянный протест Райрю можно было понять, но...

– Чтобы победить Оду, необходим союз, – сказал мужчина в тренче, обернувшись через плечо. – Мне нужна как сила Кэннэ-доно, так и сила Симадзу-доно. Я собираюсь сделать всё возможное, чтобы сгладить углы, но, пожалуй, лицом к лицу им лучше не встречаться. И так я едва ли не из кожи вон вылез, чтобы Кэннэ-доно уговорить... Да ты и сам в похожем положении.

Однако, ненависть Райрю к Кагэторе была, видимо, слишком велика, чтобы поддаваться какому-либо сглаживанию. К тому же, Котаро для себя уже всё решил: то, что произошло, никогда не должно повториться. Если Райрю упорствует в своём желании причинить Такае вред...

«Убить его, и все дела».

Можно было подумать, что спутник Котаро догадывается о его чувствах – он стоял, молча прислушиваясь к журчанию текущей рядом Миягавы.

Потом они двинулись дальше и уже взобрались по каменной лестнице на самый верх, когда сзади раздался возглас:

– Господин Котаро!

Это был один из его подчинённых.

– Мы знаем, где находится князь Кагэтора!

***

– Стало быть, Сабуро-доно вместе с господином Мотохару?! – спросил Котаро с несвойственным ему восклицанием в голосе.

Собеседником его был Симодзума Райрэн, потерявший вместилище два года назад во время инцидента в Хаги, когда волшебный тигр перегрыз ему горло в пещере Тайсё. Тогда Райрэн едва хватило сил, чтобы переселиться в новое тело. Выглядел он, поэтому, иначе, но Котаро его узнал; Райрэн и был тем незнакомцем, что подошёл к нему накануне в отеле.

– Нам только что сообщили. Кагэтора-доно сейчас на попечении господ Киккавы и Косаки – и мы знаем, где именно. Сказали, что он ранен, но угрозы для жизни нет.

Котаро, должно быть, переживал, потому что его лицо разгладилось, словно от облегчения.

– А люди-птицы, которые напали на Райрю-доно и спасли господина Сабуро – наверное, были...

– Да, последователи культа Химука.

О том, что Косака со товарищи обмениваются сообщениями с последователями Химука по поводу дела о Кихати, они знали; но им и в голову не приходило, что они уже и действуют заодно.

– Очевидно, Такэда и Киккава заключили с людьми Химука союз... – пробормотал Райрэн, а потом с прохладцей добавил: – Конечно же, мы, адепты Иккосою, никогда не станем сотрудничать с иноверцами.

– Как бы там ни было, препоручим Кагэтору-доно заботам господина Мотохару, – вмешался другой мужчина – тот, с кем Котаро разговаривал до этого. – Котаро-доно, тебя я попрошу помочь мне с захватом Кумамото, как мы и планировали.

– Нет, мне следует отправиться к господину Сабуро.

– Нет необходимости, – сказал Райрэн. – Вы нужны нам здесь.

– Почему? – возразил Котаро, сразу насторожившись. То, что его пытаются остановить, показалось пронизательному синоби подозрительным.

– Если я не попытаюсь его спасти, Сабуро-доно почует неладное. Для него я сейчас – Наоэ Нобуцуна, а Наоэ никогда не стал бы сидеть сложа руки, случись что с господином Сабуро. Чтобы уговорить Сабуро-доно принять знамёна Ходзё, необходимо, чтобы он продолжал считать меня Наоэ и в этом качестве мне доверял. Отправившись его спасать, я сделаюсь в роли Наоэ ещё более убедительным.

– Но сидеть и ждать, пока вы его уговорите, можно долго, – холодно проговорил Райрэн.

Котаро не сразу нашёлся, что на это возразить. Монах между тем продолжал:

– Такэда придумали, как использовать вашу роль в качестве Наоэ, чтобы расколоть Уэсуги.

– Что? – Котаро впился в него взглядом.

– Как бы ни досадно было это признавать – они хорошо знают Кагэтору-доно, знают, в чём его ахиллесова пята.

Самая большая слабость Кагэторы... На какое больное место можно надавить, какой психологический удар нанести, чтобы заставить его самого отказаться от Уэсуги? Каков самый действенный для этого способ?

«Моё предательство...»

Котаро догадался, о чём Райрэн пытается ему сказать. Привязанность Кагэторы к Наоэ – он мог не понимать её сердцем, но прочувствовал, можно сказать, на собственной шкуре. Её силу. Её бездонную глубину.

То, что Котаро играл роль Наоэ, ранило Кагэтору, привносило в его душу большой разлад. Его пугал Наоэ, переставший к нему прикасаться – это наводило на тревожные мысли о том, что и сердечная привязанность прошла.

Если в этот момент Наоэ действительно от него отвернётся, совершит что-то, что может быть расценено как настоящее предательство... Нетрудно представить, каким ударом это будет для Такаи и в какую пучину отчаяния повергнет его.

Осознание того, что он больше не нужен Кэнсину, станет для Кагэторы колоссальным потрясением, лишит цели, опоры – всего, на чём зиждилась его жизнь на протяжении четырёхсот лет.

Осознание того, что он больше не нужен Наоэ – станет не просто потрясением. Это его добьёт.

– Верный способ, – небрежно бросил Райрэн, – пошатнёт его до глубины души... Понятно, Котаро-доно? «Наоэ предал Кагэтору», поэтому вам не просто нельзя отправляться к нему на помощь – вам нельзя больше никогда встречаться с ним лицом к лицу.

– Но я ему служу!..

– Правильно, поэтому вы станете опять самим собой, Фумой Котаро.

Котаро замер от удивления, а Райрэн продолжал:

– Всё очень просто. Сейчас глядя на вас Кагэтора-доно видит перед собой Наоэ Нобуцуну. Всё, что вам нужно сделать – это сменить местами, и тогда вы сможете опять вернуться к нему и служить в качестве Фумы Котаро. Разве это плохое решение?

Заметил ли Райрэн, как напрягся при этих словах обычно невозмутимый разведчик, какое несвойственное ему выражение появилось на его лице? Раньше Котаро выслушал бы всё это хладнокровно, да ещё и оценил про себя эффективность стратегии.

Нет, Райрэн пока ничего не замечал.

– В общем, что я вам объясняю – вы и сами всё сделаете, как надо. Мы очень ценим вас и отряд синоби под вашим командованием. Вверяю Сабуро-доно вашим заботам.

С этими словами Райрэн вышел из святилища, а за ним – его слуги.

Мертвенная бледность разливалась по лицу Котаро, его сжатые в кулаки руки начали мелко подрагивать. Человек-автомат терял над собой контроль – под молчаливым оценивающим взглядом мужчины в тренче.

***

Долина на южной стороне кальдеры Асо, по другую сторону от центрального кратера, носила название Нангодани. Если смотреть отсюда, то голова образованного пятью вершинами «спящего Будды» оказывалась справа, и весь его облик производил несколько иное впечатление.

Сейчас долина Нангодани лежала в объятьях ночи.

Встретившись в Татэно, Кайзаки и Хаккай продолжили искать Такаю вместе, но что бы они ни делали (отправляли мысленную волну, посылали гохододзи) – это не приносило никакого результата. Его как-то специально прятали, а Асо – территория большая.

До этого Кайзаки удалось на мгновение до Такаи достучаться, но его ответа оказалось недостаточно, чтобы определить точное местонахождение. Теперь же помехи сделались сильнее, и мысленная волна вообще перестала доходить.

– Похоже, это что-то, что рассеивает энергетические волны, – сказал Кайзаки, сидя на пассажирском сидении джипа.

Поэтому и гохододзи ничего не видел, и от ритуального колокольчика толку не было. Им словно бы не оставляли иного выхода, кроме как бегать по окрестностям вслепую.

– Госпожа Микурия поручила своим людям в школе следить за Като Киёмасой, и наблюдение продолжалось после схватки в святилище Като. Говорят, след оборвался где-то здесь.

– Исчезнувшие последователи Химука?..

Они уже провели своё собственное расследование исчезновений среди приверженцев культа, и в том, что Такаю с Киёмасой похитили именно люди Химука – почти не сомневались. На это указывали свидетельства очевидцев схватки, рассказы больничного персонала и собранные Микурией сведения.

«Но зачем?»

О том, что люди Химука связаны с Косакой, Киккавой Мотохару и войсками Симадзу, Кайзаки и его союзники пока не знали. Но мысли о Симадзу Иэхисе не давали Кайзаки покоя.

«Культ Химука... Здесь должна быть связь с Усобицей Духов, обязательно должна...»

– Но вы уверены, что этим стоит заниматься? – спросил сидящий за рулём Хаккай. – Если Отомо узнают, что мы пытаемся спасти господина Кагэтору, не создаст ли это неудобств?

– Неважно, – отмахнулся Кайзаки. – Я придумаю, что им сказать. К тому же, сейчас я всего лишь изгнанник из клана Сатоми. Я не имею к Уэсуги никакого отношения.

Хаккай промолчал, хотя видно было, что его это не убедило. Его одолевали сомнения. Он не мог понять, как относиться к тому, что их главнокомандующий тратит время и силы на поиски Такаи.

«Моё дело – выполнять его приказы», – мысленно одёрнул себя Хаккай и стал смотреть на дорогу. Машина двигалась по направлению к деревне Хакусуй. Похоже, Кайзаки придумал, как прорваться сквозь помехи.

Они остановились у святилища Сиракава Ёсими, в народе больше известном как источник Сиракава. Деревня Хакусуй была богата родниками, и протекающая через город Кумamoto река Сиракава брала своё начало именно здесь. Местная вода славилась на всю страну своим непревзойдённым вкусом, и было её много. Из восьми самых крупных ключей этот люди знали и любили больше всего.

Выйдя из машины, Кайзаки и Хаккай двинулись вглубь рощи криптомерий под аккомпанемент близкого ручья. Безлюдная – как и полагалось в этот ночной час – дорожка вывела их к святилищу посреди леса, перед которым и лежал питаемый подземными водами пруд.

Вода в пруду была необыкновенно прозрачной; днём она переливалась бы всеми оттенками изумруда – но сейчас, увы, её поверхность отражала лишь царящую вокруг темноту. Только в том месте, где били ключи, можно было увидеть в отражённом от нападавшего снега свете, как по водной глади идёт лёгкая рябь.

Мужчины спустились на площадку, устроенную в одном конце пруда для набора воды.

– Здесь вода насквозь пропитана божественной энергией Асо, – сказал Кайзаки.
– Идеальное место.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Хаккай.

– Создать водное зеркало. – Кайзаки медленно стянул с рук кожаные перчатки.
– Где может не быть помех? Только под землёй. Я буду искать при помощи подземных вод.

Велев Хаккаю начать приготовления, Кайзаки достал из внутреннего кармана заранее запасённую картонку в форме человеческой фигуры, на которой были нарисованы санскритские символы «кха», «ха», «ра», «ва» и «а», обозначающие соответственно эфир, воздух, огонь, воду и землю – пять первоэлементов. Хаккай кисточкой вывел на обороте фигурки имя Такаи, а на отдельном листке бумаги –

начертил квадратную схему со сторонами света, подписав для каждой из восьми сторон символ соответствующего охранного божества.

Кайзаки взял эту схему и аккуратно опустил в воду, проговаривая мантру Суйгэна. Листок поплыл на середину пруда, где, засветившись мягким светом, растворился – и тут же голубоватое сияние охватило весь пруд: на его поверхности проступили символы сторон света, которые до этого были на бумаге.

Потом зашевелилась сама вода – поднялась по центру, где на схеме был север, и начала причудливо изгибаться в форме гор и долин, образуя не что иное, как трёхмерную модель, диораму Асо.

Не переставая читать мантру, Кайзаки опустил в голубовато светящуюся воду картонную фигурку. Фигурка тут же начала быстро двигаться на северо-запад, остановилась на склоне одной из гор, там потонула и растворилась.

– Хм...

Примерно десять километров на северо-запад, подсчитал в уме Хаккай. На склоне Эбосидакэ, где-то на полпути к вершине.

Стоило картонной фигурке раствориться в воде, как поверхность пруда снова выровнялась, сделавшись теперь гладкой, словно зеркало – и вскоре на ней, как на экране кинотеатра, начала проявляться, постепенно приобретая резкость, какая-то картинка.

Хаккай не смог сдержать удивлённый возглас. В воде отражался человек.

– Получилось...

Образ Такаи – который находился в какой-то комнате – был не вполне чётким, но в том, что это он, сомневаться не приходилось. Ритуал водяного зеркала позволял увидеть объект на расстоянии через отражение в воде – или любой другой жидкости. Это могла быть плоска с водой, или даже капля воды. Если человек отражался в ней, изображение можно было передать на удалённую водную поверхность. По счастью, в комнате у Такаи стоял графин с водой. Именно он и послужил передатчиком.

– Кагэтора-сама...

Хаккай невольно подался вперёд, но Кайзаки жестом остановил его. Касаться воды было нельзя – иначе изображение исчезнет. Затаив дыхание, Хаккай приник взглядом к поверхности пруда. Он не видел Такаю уже довольно давно, и чувствовалось, что его переполняют эмоции.

Такая сидел на постели с опущенной головой. Оправился ли он уже от ран? Говорили, он в тяжёлом состоянии... Внешне с ним всё было в порядке, но здоровым он не выглядел. Его лицо казалось серым и измождённым.

«Такая-сан...»

Снова почувствовав досаду на самого себя, Кайзаки прикусил губу. От закипающего в душе гнева и тревоги некуда было деваться. Он злился на людей, причинивших Такае вред – и на себя, за то, что не сумел защитить его. Он не мог простить себе того, что находится сейчас здесь, а не там.

И тут внезапно отражавшийся в воде Такая поднял голову и, казалось, встретился с ним взглядом. Разумеется, общаться этим способом было нельзя – только смотреть, но неужели Такая почувствовал, что за ним наблюдают? Взгляд был совершенно измученный.

Кайзаки похолодел. Сердце его сжалось от нехорошего предчувствия.

Приняв решение, он глубоко вдохнул и выдохнул, чтобы выровнять дыхание, а потом закрыл глаза, сосредоточился и, сложив руки в замок, начал потряхивать ими, словно звонил в колокольчик.

– Кайзаки-сама...

Не понимавший смысла этих действий Хаккай наблюдал за ним с недоумением. Когда Кайзаки завёл плавный речитатив синтоистской молитвы, стало ясно, что он обращается за помощью к божеству святилища Ёсими, Кунитацу Даймёдзину, также известному как Хикояимими-но микото, который, будучи одним из основателей Асо, почитался ещё и в святилище Асо, в качестве третьего божества. Он приходился императору Дзимму сыном, а Асоцу-химэ, жене Такэиватацу-но микото – отцом.

Фигуру Кайзаки охватила голубоватая аура. В центре пруда сила буддистских богов начала смешиваться с силой синтоистских.

– Сойди в этот божественный пруд, о владыка Ёсими, – проговори Кайзаки, широко распахнув глаза. – Отведи меня к Оги Такае.

Водная гладь вспыхнула ярким светом. Налетел порыв ветра, пустив по воде волну. Там, где потонула картонная фигурка, начал раскручиваться водоворот, из сердцевины которого с хлюпающим звуком вырвалась в воздух водяная сфера.

В следующую секунду сфера начала менять форму, вытягиваясь, как стекло под рукой стеклодува – и Хаккай не поверил своим глазам: над поверхностью пруда завис длинный водяной змей.

– Покажи мне дорогу. Отведи меня к Оги Такае.

Словно отвечая на призыв Кайзаки, прозрачное тело змея затрепетало в воздухе, вновь взволновав поверхность пруда – а потом он взлетел выше и замер над головами мужчин.

– Этот змей будет нам провожатым. Пошли, Хаккай.

– Слушаюсь...

Они быстро вернулись в машину и поехали. Родившийся из ключевых вод Асо волшебный змей летел впереди, показывая дорогу. Вода была их союзником. Её подземные течения помогли разыскать Такаю и проложить к нему чёткий курс.

Осталась позади покрытая белым пологом роща криптомерий. С пепельного неба снова посыпался снег, падая на лобовое стекло, где его подхватывали и сбрасывали дворники. Следуя за водяным змеем, машина двигалась вперёд по государственному шоссе, в сторону Эбосидакэ.

***

– Котаро-доно пропал?! – воскликнул Симодзума Райрэн, выслушав доклад. – Как так?!

Дело было в гостевом доме рядом со святилищем Кокудзо. Подчинённые Райрэна опасливо переглянулись, а потом один из них ответил:

– Он сел в машину в большой спешке и уехал, не сказав, куда направляется... Хотя слуги спрашивали...

– Один? Никому ничего не сказав?

Райрэн подозрительно нахмурился. По словам очевидцев, Котаро вёл себя так, будто что-то стряслось.

Райрэн вызвал к себе Ситиро из отряда синоби, чтобы обо всём расспросить, но подручный Котаро и сам выглядел весьма взволнованным.

– Куда подевался ваш предводитель! Вы что, ничего не знаете?

Похоже, для Ситиро случившееся было не меньшей загадкой.

– Он нам не сказал! Велел всем оставаться на местах и не ходить за ним – мы не понимаем, в чём дело...

– Райрэн-сама! – В комнату вбежал ещё один монах Иккосо и, задыхаясь, выпалил: – Нашёлся человек, который говорит, что Котаро-доно спрашивал о местонахождении господина Мотохару!

– Что?! И ему сказали?

– Ну... он вёл себя так, словно речь шла о жизни и смерти... Тот человек не подумал, и...

– Да что здесь происходит?!

Котаро был вассалом Ходзэ и в то же время – одним из ключевых игроков в альянсе против Оды. Теперь ему зачем-то понадобилось к Мотохару, но не мог же он не понимать, чем это обернётся в нынешней ситуации?

Райрэн сильно занервничал. Всё это не укладывалось у него в голове. Ему казалось невозможным, чтобы Котаро сознательно сделал что-то, идущее вразрез со стратегией возвращения Кагэторы под знамёна его первоначальной семьи.

– Должно быть, он отправился к Кагэторе-доно, – раздался голос сзади, и Райрэн обернулся – туда, где мужчина в тренче стоял, прислонившись к стене. Предложенный им ответ был самым нежелательным из всех возможных. Райрэн ошеломлённо замер.

– Но почему именно сейчас? – спросил он наконец.

– Он хочет спасти его.

– Спасти?.. В этом нет никакой нужды! За Кагэторой-доно присматривают со всем почтением. И ему сказали, что Наоэ предал его – нельзя же не понимать!..

Райрэн до сих пор не видел причины, которая могла побудить разведчика действовать им наперекор. Мужчина в тренче покачал головой.

– Райрэн-доно. Похоже, Фума-но Котаро – уже не тот человек, каким вы его знаете.

– Что?..

Монах по-прежнему ничего не понимал, но для его собеседника подобная реакция, кажется, не была неожиданностью.

– На всякий случай пошлите людей за ним вдогонку, и поскорее, – спокойно посоветовал мужчина. – Он не должен дойти до Кагэторы-доно – что бы для этого ни потребовалось предпринять...

Райрэн быстро взял себя в руки, позвал слуг и распорядился:

– Разыщите Котаро-доно! Догоните его и заставьте немедленно вернуться назад!

– Будет исполнено!

Слуги тут же бросились выполнять приказ.

«Не может этого быть...» – думал Райрэн.

Мужчина в тренче молча смотрел, как неверящее выражение на лице монаха постепенно сменяется серьёзно-озабоченным.

Звали этого человека Акэти Мицухидэ.

Предатель и убийца узурпатора... Какое-то время он наблюдал за Райрэном, а потом перевёл спокойный взгляд в сторону Пяти Вершин Асо, над которыми продолжал сыпаться снег.

Глава 16 БЕЛЫЙ ШТОРМ

Вечером того же дня Киёмаса заявил, что хочет видеть Такаю. Сначала его, конечно же, никто и слушать не стал, но он просил так настойчиво и громко, что у людей Химука иссякло терпение.

– Я знаю, что он жив, я знаю, что он здесь – ну же, я только хочу взглянуть на своего друга, удостовериться, что с ним всё в порядке!

Киёмаса вёл себя, как упрямый ребёнок и, похоже, собирался продолжать в том же духе всю ночь. Его надзирателей, очевидно, не радовала такая перспектива, и они пошли с этим вопросом к Мотохару.

– Что? Киёмаса хочет видеть его?

Мотохару помолчал, подумал – а потом разрешил, но с условием: чтобы они были в комнате не одни, и чтобы Киёмаса не произнёс ни единого слова.

– Кагэтора-доно принял успокоительное и снотворное – сейчас он, должно быть, спит, как убитый. Да, Киёмаса сможет увидеть его – но и только.

Киёмасе передали – он согласился. Тогда и Мотохару подтвердил своё согласие, поручив последователям Химука наблюдать за встречей.

Дождавшись, пока молодые люди выйдут из комнаты, генерал тяжело вздохнул.

«Кагэтора-доно...»

Мотохару никак не мог выбросить его из головы.

После недавнего разговора из Такаи словно душу вынули – он замолчал и перестал на что-либо реагировать. Мотохару, конечно, ожидал чего-то в этом роде, но не до такой степени. Косака сделал своё дело и ушёл, как будто последствия не интересовали его совершенно, но Мотохару переживал, поэтому остался.

Такая не откликнулся, сколько бы Мотохару ни взывал к нему – взгляд юноши застыл, сосредоточившись в одной точке. Слова Косаки повергли его в глубокий шок. Мотохару даже начал опасаться, что он никогда не оправится от этого удара, так и будет теперь влачить растительное существование.

«Ничего удивительного, конечно...»

Пусть всё это ради победы, но они творили сейчас невообразимую жестокость. Мотохару с тоской посмотрел в окно. Его душило чувство вины.

И он не мог отмахнуться от этого, как Косака, бросивший с насмешкой: сам виноват.

Сам виноват – да, конечно, но всё же... Генерал приложил руку к холодному стеклу и, не в силах справиться с обуревавшими его чувствами, испустил ещё один тяжкий вздох.

Как и ожидалось, Такая спал. Воды в графине поубавилось – должно быть, Мотохару зачихнул в него лекарства насильно; сам бы он не заснул, в его нынешнем состоянии.

Когда Киёмаса, зажатый с двух сторон последователями Химука, переступил порог флигеля, ему дали тряпку и велели заткнуть себе рот – чтобы он не мог говорить.

– И не пытайтесь передавать мысли, – последовало предупреждение. – Мы улавливаем мысленные волны.

– Ладно, ладно, – буркнул Киёмаса, сунул в рот тряпку и подошёл к Такае.

Тот спал, и было даже не слышно, как он дышит.

«М-да... На побег можно не надеяться...»

Тихонько вздохнув, Киёмаса стал думать, что предпринять.

Генерала снедало беспокойство. Он не мог позволить себе здесь прохладиться – не теперь, когда он знал, что именно Симадзу задумали сделать с головой Кихати, при помощи последователей Химука и Киккавы Мотохару.

Но его слишком хорошо сторожили, и пользоваться силой он почти не мог. Он выжидал, пытаясь улучить подходящий для побега момент – но враги были слишком бдительны.

Киёмаса надеялся, что Кагэтора сможет ему чем-то пригодиться... Видимо, зря.

«Стало быть, придётся подождать ещё...»

С другой стороны, Киёмаса не мог просто уйти и оставить Кагэтору здесь; его собирались использовать для возрождения Кихати. А если он не мог его оставить, значит...

«...Надобно его убить».

Но это тоже не представлялось возможным: сам Киёмаса был под постоянным наблюдением. Прокручивая в уме разные варианты, он окинул взглядом лицо Такаи, который во сне казался совершенно беззащитным.

«Для господина Нобунаги он – наиглавнейший враг...»

Внезапно Киёмасе пришла в голову одна мысль.

Сейчас он может вытащить из Кагэторы любую информацию – весь объём знаний, которыми тот располагает. Каким подарком это будет для Нобунаги! Планы Кагэторы, секреты Уэсуги – всё это можно узнать, и тогда докучливые якши станут

перед ними всё равно, что голые. Нобунага найдёт множество применений этим сведениям, а для Уэсуги это будет смертный приговор.

«Что ж, попробуем...»

Задуманное представляло некоторую опасность, но никому, кроме него, было не под силу.

«Попробуем прочесть Уэсуги Кагэтору...»

Киёмаса осторожно потянулся к спящему юноше, но стоило ему коснуться плеча, как рука Такаи вдруг выскользнула из-под одеяла и перехватила его пальцы.

От неожиданности Киёмаса едва не завопил. «Ш-ш!» – сказал (вернее, подумал про себя) Такая, чьи глаза были теперь широко раскрыты и смотрели прямо на него.

У Киёмасы чуть сердце не выскочило из груди. Выходит, Такая вовсе не спал – разбудил ли его генерал своим появлением, или он ждал этого момента? Крепко сжимая руку Киёмасы, Такая мысленно проговорил:

«Тихо. Просто стой и слушай меня».

«Уэсуги-доно... Ты заметил?..»

Ответа не последовало – конечно, ведь этот канал работал только в одну сторону. Такая использовал способность Киёмасы к контактной телепатии, чтобы передавать ему свои мысли. Вся прочая, не относящаяся к делу информация была, между тем, под надёжной защитой. Киёмаса ничего не мог прочесть.

«Ты надеялся, что сейчас всё у меня выведаешь? – подумал Такая. – Не повезло, да?»

Генерала слегка передёрнуло. Кагэтора был на шаг впереди; провести его оказалось не так-то просто. Глядя на Киёмасу твёрдо и с вызовом – куда только подевалось его безвольное оцепенение? – Такая передал:

«Мы убежим отсюда».

«Что?..»

Глаза Киёмасы расширились от удивления. Не успел он подумать: «Каким образом?», как на него обрушилась канонада беззвучных слов.

«Мне нужна твоя сила. Выполняй всё в точности, как я скажу. Я сделаю так, что всё здесь взлетит на воздух. Мы сбежим в суматохе».

«Бежать?.. – усомнился про себя Киёмаса. – С твоими-то ранами?..»

Огненный Камень существенно помог Такае, но тот всё ещё был в тяжёлом состоянии и даже двигаться как следует, наверное, не мог – не то, что бежать. К тому же, за пределы барьера, внутри которого они находились, было не так-то просто выйти. С силой тоже не разгуляешься – надзиратели на каждом углу. Пустая затея, решил Киёмаса, но Такая стоял на своём.

«Я тут кое-что придумал... Сосредоточься, как будто хочешь прочитать, что у меня на сердце – очень-очень глубоко... Эту штуку можно использовать для побега. Давай, положи руку мне на грудь».

Стараясь действовать как можно незаметнее, Киёмаса словно бы невзначай просунул руку под одеяло, где Такая передвинул её, положив прямо себе на сердце и накрыв сверху своей.

Потом Такая закрыл глаза, сосредоточился – и вскоре Киёмаса почувствовал под пальцами нарастающее тепло.

«Что?..»

Такая лежал с закрытыми глазами, полностью сконцентрировавшись на своём теле, между бровей его пролегла болезненная складка. Тепло поднималось у него изнутри и, постепенно приближаясь к поверхности, разогревало кожу – всё сильнее и сильнее, пока, наконец, из груди не вышел, улёгшись в ладонь Киёмаса, твёрдый камень в форме правильного октаэдра, красный, как рубин.

«Это же...»

Огненный Камень – кристаллизованная энергия магмы, текущей в глубинах Асо. Только люди Химука умели их создавать – они же и поместили волшебный кристалл в тело Такаи.

Должно быть, ему потребовалось огромное усилие, чтобы вытолкнуть камень из себя: дыхание юноши сбилось, на лбу выступил пот. Киёмаса смотрел на него круглыми глазами.

«Без твоей контактной телепатии ничего бы не получилось... Возьми его себе».

Но как же он сам теперь будет без камня, подумал Киёмаса. В его-то состоянии...

«Я объясню, зачем. Хочешь оказаться на свободе – сделаешь, что я скажу. Кивни, если согласен».

Острый и хищный взгляд Такаи упёрся в Киёмасу, не оставляя тому пути к отступлению. Киёмаса напряжённо кивнул.

«Отлично...»

Киёмаса повёл глазами в сторону двери. По счастью, стражи ничего не заметили. Потом Такая велел ему идти, и генерал, зажав в руке Огненный Камень, развернулся.

– Ладно, я вижу, что с ним всё в порядке, – сказал он. – Пошли обратно.

Украдкой обернувшись через плечо на лежащего в постели юношу, Киёмаса первым вышел за порог бревенчатого дома. Дождавшись, когда комната опустеет, Такая сел на постели.

Снаружи флигель охраняли несколько человек. Киёмаса поднял голову к небу. В лесу было темно, хоть глаз выколи – время уже перевалило за одиннадцать.

– Идёмте, – слышалось рядом – и Киёмаса, всё так же зажатый с двух сторон, зашагал в сопровождении последователей Химука по тропинке через лес к главному дому.

«Ну что же...»

Теперь нужно было каким-то образом избавиться от них.

«Получится ли?..»

Всё ещё наполовину сомневаясь в том, что затея может выгореть, Киёмаса тем не менее решил последовать указаниям Такаи. Примерно на полпути к дому он внезапно остановился, схватившись за живот.

– Ой... Ой, погодите... Ой, болит...

– Что случилось?

– Живот болит... опять...

– Что у вас с животом?

– Да не знаю я... Разболелся что-то сегодня... Может, это вы мне скормили какую тухлятину?

– О чём вы говорите!

– Ой... – Киёмаса, сделав страдальческое лицо, схватил надзирателя за руку. – Ой, подступило... В нужник мне надо, быстро!..

– Н-нужник?..

– Плохо дело... не дойду... Вы тут, это, погодите маленько... Я опорожнюсь – и мигом!

И Киёмаса, нелепо приседая, быстро юркнул в кусты, оставив своих надзирателей недовольно хмуриться и брезгливо морщиться – при этом не вызвав у них особых подозрений: раз за разом разыгрывая один и тот же спектакль, он сумел убедить окружающих в том, что подобное поведение – в его репертуаре. Киёмаса был отличным актёром.

«Здесь, наверное...»

Осторожно оглядываясь по сторонам, он присел у корней дерева, вытащил из кармана боккэн и начал водить им над зажатым в другой руке Огненным Камнем, выписывая в воздухе магические символы кидзи. Эти специальные знаки, характерные для школы Нитирэн, образовывались от иероглифа «ки»²³ и применялись в ритуалах для вызова различных сил буддизма. Киёмаса изобразил знак, приказывающий

---

²³ Знаки формируются следующим образом: иероглиф «ки» (鬼) без чёрточки сверху ставится в качестве ключа «нё» (то есть, слева), и какой-нибудь второй иероглиф добавляется в качестве «цукури» (то есть, справа). Полученный новый знак имеет определённый смысл (в зависимости от смысла второго иероглифа) и обладает определённым эффектом.

подземным водам подняться из недр, и поверх ещё наложил кудзи-кири²⁴ вместе с иероглифом «мё»²⁵.

Потом Киёмаса закопал Огненный Камень – слабо светящийся после всех вложенных в него символов – под криптомерией, достал чётки и, прекрасно осознавая, какой это произведёт шум, начал что было силы стучать по ним боккэном.

– Эй! – переполошились стражники, услышав этот странный пронзительный звук.
– Что вы там делаете!

– Что, что – молось, чтобы понос остановился! – не полез за словом в карман Киёмаса.

Люди Химука, наверное, заподозрили неладное; Киёмасу тут же схватили и едва ли не волоком потащили обратно в дом.

«Я сделал, как ты просил, Уэсуги-доно... Будет ли этого достаточно?..»

Теперь оставалось только ждать.

Под сводами опустевшего леса воцарилась тишина, а несколько минут спустя в окружающем пространстве – по-прежнему беззвучном – кое-что изменилось. Там, где Киёмаса закопал камень, над землёй показалась струйка пара. Вскоре почва в том месте увлажнилась, образовав грязевую лужицу, из которой потекла вода. Горячая вода.

Серая грязь просела ямой, вода в ней забулькала, причмокивая, как живая – со дна поднимались, выросли и лопались большие пузыри. То тут, то там, стали пробиваться из-под земли похожие источники, и постепенно лес начал заволакиваться паром: разогревшаяся почва растапливала нападавший снег.

Что-то происходило в земных недрах.

Первым заметил странное Киккава Мотохару. Поручив охрану Такаи людям Химука, сам он вместе с Эноки оставался в главном доме, но беспокойство не покидало его. Он решил снова наведаться во флигель и как раз спускался по лестнице на первый этаж, когда почувствовал странный запах, доносящийся снаружи.

– Чем это пахнет? Серой? – спросил Мотохару.

Шагавший рядом Эноки принял.

– Действительно...

---

²⁴ Ритуал проговаривания (иногда с мудрами) девяти символических звуков – используется в японских эзотерических практиках. Звуки могут быть различны, но их всегда девять. Выполняя кудзи-кири, человек проговаривает звуки, рассекая при этом воздух сложенными пальцами одной руки в вертикальном или горизонтальном направлении.

²⁵ Первый иероглиф в Мё-Хо-Рэнгэ-Кё – одном из названий Лotosовой сутры.

Специфический запах – его ещё сравнивали с запахом тухлых яиц... Так пахнет рядом с жерлом вулкана.

«Сероводород?..»

Нет... Вулканические газы!..

– Мотохару-сама, это сернистая кислота!

– Что?!

Тут пол под их ногами вздрогнул, и одновременно с этим снаружи донёлся страшный рёв, как будто что-то обвалилось или взорвалось. Мотохару и Эноки пулей вылетели на порог, где их едва не сбил с ног следующий подземный толчок.

– А-а!..

Мотохару огляделся – повсюду вокруг фонтаны жидкой грязи взмывали к небу с динамитным грохотом.

– Это ещё что такое?!

– Мотохару-сама, флигель!..

Он обернулся – и прямо на его глазах бревенчатый дом, в котором держали Такаю, задрожал, заскрипел и взлетел на воздух, подброшенный столбом горячей жижи, с шумом вырвавшимся из-под земли.

Грохот этого взрыва перекрыл все остальные звуки. Мотохару и Эноки пришлось пригнуться – обломки долетели даже до них.

– Кагэтора-доно!..

– Мотохару-сама, осторожно!..

Вслед за обломками на них полилась грязь, настолько обжигающая, что оба взвыли. Это был настоящий кипяток, больше ста градусов. Новоявленные гейзеры яростно извергались из земли, и деревья вокруг задымились.

– Что происходит?..

Мотохару смотрел вокруг и не верил своим глазам. Люди Химука были в панике.

– Не выходите на улицу! – крикнул Мотохару. – Это кипяток, просто ожогами тут не отделаешься!

Но следующий толчок сотряс дом до основания, так, что сложно стало удерживаться на ногах. Инстинкт велел бежать, и только они скатились вниз по ступенькам, как дом разнесло на части – будто бомба взорвалась внутри.

Люди Химука металась под струями горячей грязи – извержение и не думало стихать. Воспользовавшись всеобщим смятением, Киёмаса помчался обратно к флигелю.

– Уэсуги-доно! Уэсуги-доно!

Такая обнаружилась неподалёку от разрушенного строения – форменный пиджак в грязи, но его самого, кажется, взрывом не задело. Это не означало, что с ним всё в порядке: на лбу его блестел крупный пот, челюсти были стиснуты, словно от боли – видимо, раны давали о себе знать.

– Ну вот, всё получилось, – сказал он, оборачиваясь.

Энергия Огненного Камня, объединённая с силой магических знаков, расшевелила под землёй вулканические газы, породив новые гейзеры. Внезапное извержение внесло сумятицу в ряды противника. Мотохару можно было пожалеть: на него снова натравили вулкан.

Но хватит ли у Такаи сил на побег?

– Уэсуги-доно, ну куда тебе, в твоём состоянии!..

– Всё нормально. Пошли, Киёмаса.

Решительный тон Такаи не оставлял пространства для возражений, и Киёмаса пошёл за ним. Такая, похоже, намеревался выбраться отсюда на одном упрямстве. Их исчезновение, впрочем, было замечено почти сразу, как они скрылись в лесу.

– Что?! Киёмаса и Кагэтора исчезли?..

Мотохару с ненавистью посмотрел на взметающиеся к небу горячие фонтаны – он знал, кого надо за это благодарить. Никто, кроме Кагэтора был на такое не способен.

«Но это же безрассудство!..»

Бежать в его состоянии равносильно самоубийству. Чтобы оправиться от ран, ему нужно не вставать с постели две-три недели – Кагэтора рисковал жизнью, просто стоя на ногах.

«А что, если...» – Внезапная мысль заставила Мотохару похолодеть, и он резко развернулся.

«Что, если он и вправду пытается свести счёты с жизнью?..»

– Мотохару-сама, здесь опасно! – раздался рядом голос Эноки.

Генерал повернулся к нему и вне себя от волнения закричал:

– Забудьте обо мне, ищите Кагэтору-доно! Он не мог далеко уйти!

– Он сбежал?!

– Всё это – его рук дело. Разыщите его, скорее! Он погибнет, если его быстро не вернуть!..

– Погибнет?.. А Киёмаса?..

– Плевать на Киёмасу. Найдёте его – убейте на месте!

– Понял.

Не обращая никакого внимания на бушующие гейзеры, Эноки раздал указания своим подчинённым, которые, получив прямой приказ, тут же прекратили панику и

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

подобрались. Золотая аура охватила их тела, на лицах появилось сосредоточенное выражение – включалась их способность к левитации – и, один за другим, люди-птицы взмыли в небо.

Уже вовсю полыхали занявшиеся огнём деревья – подступающее со всех сторон пламя остро напомнило Мотохару о ночи в Хаги.

«Как так можно...»

Как можно решиться на побег, когда сам едва живой? Это не просто самоубийство – это безумие.

«Ему надо немедленно вернуться!.. Иначе...»

В округе рыскали нуэ генералов Отомо – если Кагэтора им попадётся, неизвестно, что они с ним сделают. Но главную опасность, конечно, представляли его раны...

«Зачем, зачем?..»

Внутренне Мотохару отчаялся – ему казалось, Кагэтору уже не спасти.

Была ли эта безрассудная попытка его лебединой песней – или он всерьёз надеялся на успех?

«Кагэтора-доно!..»

Такая и Киёмаса, тяжело дыша, спускались по горному склону через густой лес, почти без дороги, в темноте, которая накрыла их, стоило горящим деревьям остаться позади, – полагаясь лишь на белизну тонкого снега под ногами.

– Уэсуги-доно...

Такая отставал, его дыхание сбилось. Каждый шаг давался ему с видимым трудом – он шёл, хватаясь за стволы деревьев.

– Чего оборачиваешься? – Глаза Такаи сверкнули во мраке; голос прозвучал напряжённо. – Отстающих не ждут, иди давай...

– А как же ты?..

– Мы враги, разве нет?

Несмотря ни на что, Такае ещё доставало сил огрызаться, хотя лицо его было бледным, а лоб – покрыт испариной. Можно было вообразить, как тяжело ему теперь, без поддержки Огненного Камня.

– Или, наоборот, для тебя это удобный случай? Убьёшь меня и предъявишь мою голову Нобунаге?

– Нет, ты не можешь идти, я же вижу!.. Дай я понесу тебя на закорках...

– Не трогай! – рявкнул Такае – и Киёмаса отшатнулся, отдёргивая протянутую руку. – Тронешь – убью!..

Он был похож на загнанного зверя, и, оглушённый этим защитным натиском, Киёмаса нервно сглотнул, ничего не посмев возразить.

Тут в небе мелькнула стая тёмных теней, и люди-птицы зависли над землёй.

– Вот они!

– Ловите!

Досадливо прищёлкнув языком, Киёмаса достал из кармана боккэн и чётки.

– Я задержу их. Беги, Кагэтора!

– Киёмаса!..

– Нечего мне тут! Я не допущу, чтоб тебя поймали и сделали вместилищем для Кихати!

Киёмаса шагнул вперёд, загоразивая Такаю собой.

– Это не ради твоей пользы, не думай – ради пользы клана Ода! Голова Золотого Змея не имеет никакого отношения к Ямата-но ороту, эта вещь куда как страшнее... А ты – сосуд!.. Тебя хотят сделать марионеткой, проводником его воли! Уэсуги Кагэтора, носящий в себе выводок духов Кихати – это, знаешь ли, очень некстати для нас!

– Выводок... духов?..

– Понял? Теперь ступай! Ступай!!!

Словно подброшенный этим властным окриком, Такаю развернулся и двинулся в противоположную сторону.

– Догоняйте Оги Такаю! – распорядилась сверху Саэки Рёко. – Киёмасу мы прикончим здесь.

– Как бы не так!

В руке генерала возник сгусток пламени, вытягиваясь в большое копьё. Киёмаса сосредоточился – семь символов Лotosовой сутры на древке катакама-яри вспыхнули золотом – и с воплем «Э-ге-ге-гей!» метнул его вслед преследователям Такаю.

Копьё, со свистом прорезав ночной лес, взорвалось в воздухе прямо у них перед глазами.

– А-а!..

– Ясуо!..

Взрывная волна швырнула людей Химука на землю. Саэки Рёко сосредоточилась на Огненном Камне в теле Киёмасы – и тот завопил от боли.

– К-ха...

В груди вспыхнул нестерпимый жар; Киёмаса согнулся пополам. Товарищи Рёко подключились к делу, начав забрасывать его Огненными Камнями – как они сделали в своё время с Райрю в святилище Като.

– Да за кого вы меня принимаете?!

Киёмаса, преодолевая боль, вскинул боккэн с чётками над головой и что было силы застучал. Огненные стрелы, врезавшись в этот звук, как в стену, осыпались на землю.

– Что?..

Киёмаса продолжал оголтело стучать. Рёко досадливо поморщилась и прикрикнула на своих спутников:

– И это всё, на что вы способны?! Ну же! Мы – племя Химука! Покажем ему, какая участь ожидает наших врагов!

Люди-птицы удвоили усилия. Киёмаса не переставал стучать, но камни хлынули градом и несколько из них пробили его защиту, полоснув по коже и разметав в воздухе кровавые брызги. Генерал стиснул зубы. Сердце как будто поджаривали на углях.

– Чтоб вас черти съели! – завопил Киёмаса, вновь порождая на свет копьё. – Не отдам Японию последышам Кихати!!!

***

«Я должен его спасти!..» – думал Фума Котаро, пробираясь через ночной лес к особняку Киккавы Мотохару; под ногами было скользко от снега, но для синоби, закалённого горами Хаконэ, это не представляло никаких трудностей.

Котаро не смотрел по сторонам – только вперёд. Ему нужно было *вызволить* Такаю из лап Киккавы Мотохару и его союзников Симадзу.

«Спаси Сабуро-доно... нет... господина Кагэтору!..»

Все другие мысли исчезли из головы Котаро.

«Я должен спасти!..»

С точки зрения его всегдашнего приоритета – эффективной стратегии – то, что он делал сейчас, было неблагоразумно. Следуя обычным своим принципам, он должен был обязательно поддержать план Косаки и Райрэна, подыграть их выдумке насчёт предательства Наоэ.

Но Котаро не смог. Потому что *Наоэ никогда не предаст Кагэтору*.

«Никогда».

Котаро всё бежал и бежал через лес.

«Я никогда вас не предам», – он словно бы взывал к Такае, мысленно умоляя его прислушаться.

Ты что, ничего не чувствуешь?

Повязанный этими словами, как проклятьем, Котаро и не заметил, как перестал быть самим собой и превратился в нечто совсем иное.

Ты что, даже целоваться разучился?

В его сознании произошла подмена ценностей. Он словно бы забыл свою главную цель: вернуть Кагэтору в дом Ходзё, – для которой раньше все средства были хороши. Или он настолько старательно пытался изображать Наоэ, что в конце концов поверил, будто в самом деле является им?

Сам Котаро не замечал этого за собой – соответственно, не мог упрекнуть себя в этом.

Спокойствие покинуло его, сменившись тревожным, царапающим чувством, которому Котаро не мог подобрать названия, но которое толкало его вперёд – и он просто бежал, но уже не потому, что не желал в чём-либо уступать Наоэ. Что бы ни двигало им сейчас – это было нечто более глубокое, затрагивающее самую основу его личности...

Тебе не понять!

В памяти всплыли брошенные когда-то Удзитэру слова. Тогда он просто от них отмахнулся, про себя сочтя Удзитэру глупцом – за то, что не смог уничтожить тело Такаи, поддавшись чувствам. Тогда Котаро совсем не понимал его чувств, и не злился на себя за то, что не понимает. Наоборот, в его собственных глазах это подтверждало его превосходство, его *совершенство*.

Но что, если в нём просто отсутствовала способность соперничать? О каком совершенстве может идти тогда речь? Это не совершенство – это ущербность.

Впервые мысль об этом забрезжила в его голове после того, как он начал изображать Наоэ для Такаи. Тогда и родилась тревога, нарастая с каждым днём, выворачивая душу наизнанку. Такая раз за разом отвергал его, не признавал его подлинность, и, пытаясь понять, как себя вести, Котаро постепенно увязал в раздумьях – фиксируясь на этом и всё больше и больше запутываясь, пока не перестал окончательно понимать, кто он такой.

Котаро бежал через заснеженный лес – ему казалось, что там, за следующей горной грядой, Такая вызывает к нему о помощи.

Ты никогда не поймёшь, никогда!..

Так он сказал в Хаги, и, если оглянуться назад – это и было первым проклятием. Именно Такая прижимал его к стенке. Такая его отвергал, и, если и имело смысл получить от кого-то одобрение – то только от Такаи.

И становилось неважно, к какому клану он принадлежит. И не так уже было нужно возвращать его под знамёна Ходзё.

«Я хочу, чтобы вы признали меня!..»

Котаро бежал. Глядя со стороны, можно было даже подумать, будто он бежит в страхе.

И как раз тогда, когда деревья вокруг немного поредели, издалека донёлся шум, похожий на грохот взрыва.

«Что?..»

Земля под ногами вздрогнула, возвращая Котаро ощущение реальности; он напряжённо вгляделся вперёд. Вдали снова что-то дробно зарокотало, и снова по земле прокатилась дрожь – так извержение гейзеров давало о себе знать даже на расстоянии.

Котаро сразу понял: что бы это ни было, оно происходит в особняке Мотохару. Петляя между деревьев, он заскользил по крутому склону вниз, на шум.

Подземная встряска не прекращалась. Следующий взрыв принёс с собой зарево: небо над горной грядой посветлело – ясно было, что где-то что-то горит.

«Там...»

Там – особняк Мотохару, где находится Такая. И там творится что-то из ряда вон, от чего воздух грохочет и гудит земля. Котаро бежал, ориентируясь теперь на зарево на горизонте.

Он не задавался вопросом «что случилось». Понятно было, что Такая перешёл к действиям – то ли решив не дожидаться подмоги, то ли уверившись, что помощь вообще не придёт.

«Нет, Кагэтора-сама!..» – мысленно кричал Котаро, ни на секунду не замедляя бег.

«Я иду к вам. Я спешу, чтобы вас спасти. Пожалуйста, дождитесь!..»

Котаро лавировал между выпирающими голыми камнями, словно горный олень.

Дойти. Найти его первым. Если Такая делает это потому, что поверил рассказам про Наоэ – переубедить. Показать, что вот он, пришёл его спасти. Доказать, что он не предал его!

Вдруг Котаро почувствовал впереди сильное потустороннее присутствие и, инстинктивно замедлившись, встал наизготовку. Забряцало железо, закружились меж стволов криптомерий голубоватые блуждающие огни, проявились в темноте призраки: целый отряд воинов в изношенных доспехах перегородил дорогу Котаро.

«Чьи они?..»

Призраки, обнажив мечи, стали надвигаться. Котаро потянулся к силе и приготовился к бою, когда увидел человека в белой спортивной куртке, выступившего вперёд из-за закованных в призрачные доспехи спин.

– Котаро-доно, дальше вам ходу нет, – сказал мужчина – подселенный дух – сжимая в руке меч. Очевидно, он был в этом отряде главным. – Меня зовут Симадзу,

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

Симадзу Тоёхиса. По просьбе Акэти-доно я пришёл, чтобы вас остановить. Вздумаете сопротивляться – и я перестану считать вас союзником, так и знайте.

«Симадзу Тоёхиса...»

Сын Ёсихисы, одного из четырёх братьев Симадзу, Тоёхиса сражался при Сэкигахаре и сложил голову вместо своего дяди, военачальника Симадзу Ёсихиро, когда им пришлось с боем вырваться из окружения врага.

Теперь именно он, откликнувшись на призыв Мицухидэ, разыскал Котаро и со своими воинами перегородил ему путь.

«Мешать мне вздумали?!»

Котаро сверкнул глазами и чуть пригнулся, как зверь, изготовившийся к прыжку. Призраки Симадзу приближались, окружая его с флангов. Котаро до боли стиснул зубы.

«Сабуро-доно!..»

***

Шум извержения докатился и до горной дороги, по которой Кайзаки с Хаккаем, ведомые водяным змеем, двигались в направлении Эбосидакэ.

– Что... что это?!

Дрожь земли ощущалась даже внутри машины. Когда рокот повторился, Хаккай, покрепче перехватив руль, обернулся к сидящему рядом Кайзаки.

– Может ли быть, что...

– Быстрее, – коротко приказал тот. – Я чувствую энергетический след от применения кидзи. Киёмаса принадлежит к школе Нитирэн – если он был достаточно религиозен, то вполне мог знать, как их использовать.

– Значит, Кагэтора-сама!..

Хаккай прибавил газу, и машина помчалась быстрее, взбираясь по серпантину, пока асфальтовое покрытие не кончилось, и дорога не перешла в грунтовку. Тогда он включил полный привод и продолжил двигаться дальше.

Когда они прибыли на место, там всё уже было разворочено внезапным извержением подземных вод.

– Что... что здесь произошло?..

Из-за горящих деревьев они даже не могли подойти к залитым грязью останкам дома, не могли оценить обстановку. Пар застилал глаза, и в нескольких местах из земли всё ещё били гейзеры. Хаккай прикрыл нос рукой: вулканическими газами тянуло настолько сильно, что недолго было и отравиться.

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

– Кайзаки-сама...

Кайзаки разглядывал эту ужасную картину, потемнев лицом. Место казалось уже полностью обезлюдевшим, и присутствия Такаи он не чувствовал.

«Такая-сан!..»

– Добро пожаловать, гости дорогие, – вдруг раздался голос сзади. – Наконец-то вы здесь.

Знакомый голос... Обернувшись, мужчины увидели за стеной пара чью-то приближающуюся тень. Потом белёсые клубы разошлись в стороны, словно бы уступая дорогу, и из-под сводов леса показался красавец в белом плаще.

Кайзаки затаил дыхание; перед ними стоял никто иной, как доверенный соратник Такэды Сингэна, Косака Дандзё.

– Но что-то вы припозднились.

Косака вызывающе улыбнулся и неторопливо зашагал вперёд – сам воздух, казалось, был чище вокруг него, словно ядовитые испарения истончались, рассеиваемые звуками его мелодичного голоса.

– Ты... до сих пор жив!..

– До сих пор? Хорошенькое приветствие. Разве так положено встречать старых знакомых?

Кайзаки, спохватившись, замолчал и уставился на Косаку тяжёлым взглядом. Тот усмехнулся в нос и приставил тонкий палец к подбородку.

– Ах, этот взгляд. Ничего не изменилось, ты всё такой же трус. Взял у человека тело взаймы, и думаешь, что хорошо спрятался? Глупо, право слово.

Кайзаки, внутренне подбравшись, низким голосом ответил:

– Не понимаю, о чём ты говоришь.

– Ах, оставь, мне неинтересен этот кукольный спектакль. И ты мешаешь мне своей волной, мне это уже порядком надоело. Я, между прочим, вижу ниточки от твоей марионетки.

Кайзаки заметно напрягся. Косаку это, кажется, позабавило.

– Да и спектакль-то, как водится, третьесортный, – добавил он, язвительно усмехнувшись.

– Как ты смеешь!..

– Волновая сонастройка с живым человеком... Довольно изобретательно с твоей стороны, но мне не нравится разговаривать через болванчика. Я ведь могу и оборвать эти ниточки, через которые ты им управляешь.

Слушавший всё это Хаккай был вне себя от волнения. Кайзаки, резко сдвинув брови, упёрся в Косаку взглядом – а тот, снова усмехнувшись, громким голосом провозгласил:

– Эх, видно, даже Эмма в аду на тебя не позарился! Поздравляю с возвращением из мёртвых, Наоэ Нобуцуна.

Налетел ветер, раздул сильнее поднимающееся позади пламя, швырнул в людей облако плотного пара, так, что перед глазами всё заволокло белой пеленой. Посреди белоснежного шторма двое мужчин – снова – стояли лицом к лицу.

Глава 17 ПОКАЯНИЕ

Неизвестно, сколько он так шёл в тишине, сопровождаемый лишь назойливо резким звуком собственных шагов и собственного прерывистого дыхания. Густой и сумрачный, этот горный лес казался бесконечным. Раны ни на секунду не давали о себе забыть, но он шёл, стараясь изо всех сил оказаться хоть чуточку дальше от начальной точки.

Люди-птицы не преследовали его – этой опасности, кажется, удалось избежать. Но Такая понятия не имел, куда его занесло.

«Где я?..»

Он окончательно и бесповоротно заблудился – к тому же, вокруг царила непроглядная темнота. Земля была скользкой от снега, корни деревьев норовили поставить ему подножку – он спотыкался несколько раз. Лавировать между большими и маленькими камнями – очевидно, остатками какого-то древнего обвала – на крутом склоне было в его состоянии очень нелегко. Он еле волочил ноги, но продолжал двигаться вперёд.

Деревья вокруг выглядели совершенно одинаково. Скрадывавший всё снег усиливал это ощущение – Такае уже начало казаться, будто он ходит кругами. Он не знал, где он, далеко ли сумел отойти от особняка. С его скоростью, наверное, недалеко...

Вдруг он поскользнулся, упал и проехал метров пять вниз по склону, сумев в конце концов ухватиться за древесный корень и затормозить. Такая приподнялся на руках, тяжело дыша. Сил на то, чтобы встать, у него уже не было. Тогда он просто сел, запрокинул голову и, пытаясь отдышаться, уставился в тёмное небо, проглядывавшее сквозь густые кроны деревьев.

«Всё, – подумал он отстранённо, – не могу больше идти...»

Он не очень хорошо соображал и вообще чувствовал себя незавидно. Малейшее движение корпуса отдавалось раздирающей болью в лёгких, кости в районе грудины противно поскрипывали. Руки и ноги налились свинцом и казались чужими, и больше всего ему сейчас хотелось просто растянуться на земле.

Дерево, за которое он держался, скользило под рукой – от изморози. Холодная выдалась ночь. Снегопад давно кончился, и теперь прозрачный горный воздух жёг лёгкие ледяным огнём. Ночью температура в горах всегда сильно падала; стоит его разгорячённому, взмокшему от пота телу немного поостыть, и он замёрзнет ещё быстрее. Пальцы рук уже задубели. Школьный пиджак не давал никакой защиты от холода, а сможет ли он вообще спуститься с горы в его состоянии – было под большим вопросом.

Это предел, подумал Такая, обречённо закрывая глаза.

Он поступил безрассудно.

Он чувствовал возможности своего тела лучше, чем кто бы то ни было. Ночь в горах опасна и для здорового, а раненому беглецу грозит смертью, даже безо всяких прочих осложнений. Такая прекрасно понимал это, и в трезвом уме не решился бы на побег.

Но он был не в том состоянии, чтобы думать о последствиях.

«Значит, я и подохну тут, как собака...», – проползла в голове ленивая мысль, а на впалых от усталости щеках появилась непрошенная улыбка. В следующую секунду Такая сдавленно расхохотался – настолько нелепым и смешным показалось ему собственное положение.

С ночного неба повеяло беспричинной ностальгией. Когда-то он уже смеялся так над собственной ничтожностью – когда же это было?

«Во втором классе средней школы...»

Он не смог заставить себя вернуться домой, где буянил пьяный отец, и целую ночь слонялся один по городу. Тогда тоже было холодно – лишь банка кофе из автомата согревала его замёрзшие руки.

Домой не вернуться, в увеселительных кварталах делать нечего... В результате он до утра просидел, забившись в угол тёмного, продуваемого всеми ветрами склада – с противной на вкус сигаретой во рту, голодный, продрогший до костей, до самого сердца, и совершенно несчастный.

Он и не предполагал, что, убежав из дома, почувствует себя полным ничтожеством. Ведь поутру кто-нибудь вполне может найти здесь его труп, думал он

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

– и ему делалось смешно. Беспомощная тоска смешивалась с жалостью и отвращением к себе, и он дрожал, и глубже, глубже зарывался лицом в рукав.

«И ничего с тех пор не изменилось...»

Сейчас он чувствовал всё то же самое.

Всего каких-то пять лет прошло – если оглядываться назад, проделанный путь казался долгим, но сейчас, очутившись на волосок от смерти в горах Асо, он думал: всё как было тогда, так и есть, только без банки горячего кофе и без дешёвого ножа в кармане.

Стоило немного изменить положение, как боль пронзила его насквозь, и Такая со стоном привалился к стволу, тяжело дыша. Перед глазами плыло, в мозгу клубился туман, тело было неповоротливым и тяжёлым, и смерть казалась весьма вероятной, но ему уже нечем было ей противостоять.

Такая запрокинул голову и обессиленно закрыл глаза, совершенно сухие – он не мог даже плакать.

Он сбежал, поддавшись импульсу. Нельзя сказать, что он не предполагал, чем это обернётся – как и все, кто видел его, он знал: пройти через горы зимой в его состоянии не получится. Невозможно. Безрассудно.

«Я знал, и тем не менее...»

Не открывая глаз, Такая шевельнул губами.

«Хватит уже, а?...»

Да, хватит. Пора заканчивать. Всё это с самого начала не имело никакого смысла.

Не имело смысла – иначе и не скажешь, и никто в этом не виноват, кроме него самого. Этот непоправимый итог – результат его собственных действий; его неспособности – до конца, до упора – перестать ждать милостей от судьбы и от людей.

Всё кончилось два года назад.

Как ему не хотелось, чтобы это было правдой.

Одиночество – неизбежность жизни, а ты пытаешься от этого убежать!

«Хорошо, я понял... – беззвучно прошептал Такая, словно выдохшаяся в полёте птица. – Я понял, что ничего уже не вернуть...»

И некого винить. Некого.

Все причины всегда крылись в нём самом... Он знал.

Знал, насколько сильно мучает Наоэ, какие глубокие причиняет ему страдания. Знал, что от его ребяческой демонстрации силы нет и не может быть никакой пользы, что его склонность внутренне принижать себя приводит к преступным последствиям... Он всё это знал.

Он шёл по жизни, старательно маскируясь, пряча от посторонних глаз свою беспомощность. Все его безобразные угрожающие выпады были оборотной стороной страха, который внушал ему мир. Как, как можно было умудриться за такой долгий срок ни капли не измениться к лучшему?

«Четыре сотни лет...»

Это уже не просто комедия – это какой-то фарс.

Он напоминал себе того глупого короля из детской сказки, который принимает похвалы и раздувается от важности, не замечая, как все смеются за его спиной.

Хотя, на самом деле король всё замечает, и ежечасно дрожит от страха, ожидая появления того, кто ткнёт в него пальцем, выставит напоказ все его недостатки, и заставит сгореть от стыда.

Не обладая достоинствами, которые ему приписывала молва, он боялся быть разоблачённым. Не имея никакой особой силы, он вёл себя так, будто она у него была, и упивался радостью, когда его называли харизматическим лидером – словно без этого всеобщего поклонения терял своё место в жизни.

Он очень хорошо понимал, что настоящая харизма безыскусна и не зависит от мнения окружающих. Обладателю истинной харизмой неважно, разочаровались в нём или нет – изначально не рассчитывая на награду, он-то как раз и получает сопереживание и чистое, истинное почитание.

И, не обладая в сущности большим житейским опытом, про себя, тем не менее, знал точно: его харизма – поддельная. Потому-то падение с пьедестала и было такой реальной, постоянно ожидаемой угрозой, отнимавшей сон по ночам: ему казалось, что знакомые с истинной харизмой никогда на его счёт не обманутся.

Трусливая натура, он в каждом человеке видел потенциального критика, принимал близко к сердцу ничего не значащие слова, ощущал себя в опасности. Он был сверхчувствителен ко всему, что могло как-то выявить его неполноценность, и людей, сумевших пусть даже вскользь задеть его больную совесть – ненавидел и боялся.

Он не мог иметь отношений ни с кем, кто не испытывал к нему интереса, поэтому сам никогда не расширял свой мир, занимая пассивную позицию. И, поскольку он со своей стороны ничего не предпринимал – люди постепенно охладевали к нему и отдалялись.

Наоэ сказал ему однажды, что он не способен к нормальным отношениям.

«Да, не способен...»

Бесконечно выигрывать, чтобы привязать к себе одного-единственного человека... Иметь наглость утверждать, что это противоестественное желание – «универсально»... Никому в здравом уме такое в голову не придёт.

«Да, я ненормальный...»

Вдумываясь в суть своего очевидного комплекса неполноценности, Такая чуть приподнял веки и устремил взгляд тёмно-карих глаз вверх; над головой тесно переплетались ветки, и в этой густой темноте ничего было не разглядеть.

Он старался, очень старался жить правильно, как все. Искал какой-нибудь подходящий для себя способ, пытался применить его на практике, но у него никогда ничего не получалось – поэтому он суетился и нервничал, всё больше проникаясь отвращением к себе.

«Я хотел быть таким, как ты...»

Простым человеком, который со многими может общаться на равных.

Обыкновенным. Ничем не отличающимся.

Четыреста лет он лелеял эту мечту, но обстоятельства как нарочно складывались таким образом, чтобы подпитывать его инфантильность. Всегда проще было расслабиться, плыть по течению и получать удовольствие, и ему так и не хватило мужества переступить через свою приправленную самоуничижением гордость.

Даже полученный в этом теле второй шанс он не смог реализовать – куда там. Всё стало ещё хуже, хуже некуда...

На, полюбуйся. Вот он, результат.

«Я понял...»

Понял, насколько безнадежен, насколько не заслуживаю твоей любви... С самого начала не заслуживал. Это же я, я всё время пытался...

«...тебя удержать...»

Такая распластался по стволу, позволив дереву принять вес своего продрогшего, измождённого тела.

Наоэ был прекрасен в его глазах, потому что не обманывал. Он был гордым, и искренним, и, без сомнений, желанным для многих, и как же Такая льстило, что этот человек смотрит только на него.

...Теперь всё потеряно.

Теперь сил не оставалось даже на то, чтобы проклинать собственную глупость.

Вновь пошёл снег. Белые снежинки, просочившись сквозь переплетение высоких ветвей, словно в танце опускались вниз; Такая поймал одну непослушную от усталости рукой – и частица заледеневшей воды растаяла между его пальцами.

Холод уже принялся за него всерьёз. Пальцы ног замёрзли до онемения, и его начал бить озноб, так, что зубы стучали, стоило чуть расслабиться. Он согнулся, обхватив себя дрожащими руками.

Снег – закономерное явление при такой температуре... Холодно, холодно было в Асо этой ночью.

Погони по-прежнему не было, никакого следа людей-птиц. Неужели Киёмаса расправился с ними со всеми? Интересно, что с ним стало потом – пошёл к Нобунаге?..

А Мотохару? Косака? Наверняка они прикажут его искать. С горы он теперь точно не спустится, но и найти его до утра – вряд ли найдут. Да даже если и найдут...

«Я уже не могу пошевелиться...»

Снег беззвучно падал, выбеливая всё вокруг. В ушах ломило от тишины, и, казалось, можно было услышать, как дышит во сне гора.

Гора – живое существо. Красная, горячая кровь, скопившаяся в её недрах, была тому доказательством, и, возможно, сейчас он находился ближе, чем где бы то ни было к бурной жизни в глубинах планеты.

Земля дышит газом, извергает из себя кровь-магму, за сотни миллионов лет из этого вырастает необузданная гора... над которой сейчас сыпется белый снег. Такая обвёл взглядом окрестный пейзаж едва ли не с нежностью.

«Ах, да...»

Он ведь уже умер здесь однажды.

Такая закрыл глаза. Он не хотел вспоминать, поэтому запрещал себе вспоминать – ту последнюю, финальную битву, развернувшуюся в Асо. Он встретил *хаконху* Нобунаги в лоб, всей своей силой, и столь мощным было это столкновение, что спровоцировало извержение Накадакэ. Взрывная волна, которая и гору могла бы превратить в равнину, разорвала его тело на части... С ребёнком Наоэ во чреве.

Такая запрокинул голову и, словно прислушиваясь к тому давнему ощущению, положил руку на живот. Перед его закрытыми глазами возникло лицо женщины.

«Минако...»

Мария, что поднесла кувшин отдохновенной воды к его пересохшим губам. Она любила его, как мать: принимая целиком и прощая – его трусость, его неисправимое лицемерие – просто молча прощая всё.

И лицо, которое светилось сейчас мягкой улыбкой перед его мысленным взором, было преисполнено святой, благословляющей любви.

Милая Санта Мария, прости меня.

То, что сделал с тобой я, намного страшнее того, что сделал Наоэ, и никто, никто не виноват перед тобой больше.

Я не прощу тебя до скончания веков!

Наоэ, как он слышал, эти слова потом сильно мучили, но он не то совсем имел в виду.

Вовсе не Наоэ он не мог простить – и не Минако. Минако – жертва, его и Наоэ... нет, его, одного только его чёрного, безнадежно прогнившего сердца.

Ужасную правду о том, что случилось, он впервые узнал от Харуиэ, которая поехала навестить их несколько месяцев спустя и там заметила перемену в облике Минако. Харуиэ вцепилась в неё, вытрясла из девушки всё, и, увидев, что та собирается скрывать произошедшее от Кагэторы, решила сама ему рассказать.

– Кагэтора... Ты только, пожалуйста, выслушай меня спокойно...

И вот в тот миг, когда он обо всём узнал, в его груди наряду с обжигающей яростью по отношению к Наоэ распустилось другое чувство – чувство тёмного дьявольского удовлетворения, словно сбылась потаённая, скрываемая в дальнем уголке души мечта. Теперь Наоэ мой, подумал он, полностью и без остатка. Теперь мне принадлежит в нём всё. Его подсознательный, преступный расчёт (только в тот миг он ясно его увидел) оправдался, и его накрыло таким одуряющим упоением исполненного желания, что всё поплыло перед глазами. Наоэ совершил грех – из-за него. Надругался над святой Марией – худший грех на свете.

Хуже этого – только он сам.

Всё, что произошло дальше, было воздаянием. И неважно, что именно сила Наоэ привела это в действие... Факт в том, что он убил её, она стала жертвой во имя продления его собственной жизни. Убил перерождением – этим мерзким, отвратительным актом...

Нет, не было у него права молить о прощении.

Беззвучно падал снег, выстужая душу. Он чувствовал, как тело слабеет, жизненные силы покидают его. Сил, чтобы себя винить, тоже становилось меньше. Как глупо... Что же делать...

Прощение – чем его заслужить?

Похоже, у него уже начались галлюцинации: в темноте замаячили силуэты его родных. Вот их старый дом, по которому он соскучился, и рядом сад. Вот мать, Савако,

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

среди крупных цветов портулака. Вот ненавистный, казалось бы, отец – улыбается мягкой, обожаемой им когда-то улыбкой.

И Мия, с полными пригоршнями портулаковых семян, смеётся.

Давай их посадим, братик.

И Такая ответил призрачной сестре: «Эти, Мия, уже никогда не зацветут».

Как он оберегал её всегда, становился ей от всего щитом – любую боль мог ради этого вытерпеть. Само её существование – нуждающейся в нём, зависящей от него – придавало ему сил и одновременно давало разрешение жить. «Мия без меня не сможет» – это стало девизом и смыслом его жизни.

«И никогда ты не была мне обузой...»

Ты всегда так много для меня значила. Твоя беззаботная улыбка была моим спасением – и тогда, и сейчас...

«Хватит...»

Опять он пытался улизнуть, опять свернул в мыслях на неправильную дорожку.

Наоэ не придёт, чтобы вас спасти.

Зачем он затеял этот безрассудный побег? Затем, что, останься он там – и наступил бы момент, когда ему пришлось бы признать: помощь действительно не придёт. Он не мог этого вынести. Вот и вся причина.

Опять, в самый последний, решающий миг, за секунду до полного и окончательного крушения всех надежд, он...

«Сбежал?...»

А ведь клялся себе, клялся, что не будет отводить взгляд, что бы ни случилось. Обещал себе, что будет ко всему готов.

Всё, что вы видите сейчас – просто дурной сон.

Голос Кайзаки. С того дня и до сих пор он не мог забыть его тепло, его руки, почему-то напоминающие руки Наоэ, и то, каким ураганом он налетел на него. Это было так похоже, что он просто не смог отбросить ассоциацию, и покорился наваждению, и так и отдался этим рукам между сном и явью.

«Кайзаки...»

Не Наоэ. Почему же он чувствовал его так близко к своему сердцу?

Или... Замена возможна, если есть сходство? Неужели так просто? Вот так вот всё просто?

Да, вот так вот всё просто.

Ты блуждаешь в лабиринте...

«Да был ли он, тот лабиринт...»

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

А может, лабиринт всё ещё не кончился? Вот здесь, сейчас... Он до сих пор внутри?..

Неужели он так и умрёт, блуждая?..

Потом в своём затуманенном сознании Такая ещё долго видел разные иллюзорные картины.

Юзуру был единственным, кто на него сердился. Обязательно возвращайся, говорил.

«Ага», – мысленно отвечал Такая, чуть склонив голову. «Хотя... Ты же справишься без меня?»

Юзуру сильный – намного сильнее, чем он. Юзуру всё преодолееет – включая собственную судьбу...

Сила была первым, что поразило его, когда они встретились. Прямота, упрямство, которые, с одной стороны, вызывали в нём протест, а с другой – зависть. Подумалось тогда: сможет ли он хоть чуть-чуть напитаться этой силой, если будет поблизости?

Юзуру сильный. И Кагэкацу был сильным, точно так же. Всё-таки, правильно, что именно он стал во главе Уэсуги, история не ошиблась. В ту неистовую эпоху никто, кроме него не смог бы удержать клан на плаву.

А присмотрят за Юзуру другие. Те, кому можно доверять – Чиаки, Аяко, Иробэ. Или... Наоэ...

«Наоэ...»

Он произнёс про себя это имя снова, и – может сердце у него уже онемело от боли? – не почувствовал ни гнева, ни ненависти, ни тоски, ничего.

«Я ничего не чувствую, Наоэ...»

Похоже, в нём что-то сломалось, испортилось. Слишком много – так невероятно много – стал для него значить этот человек...

Пляшущий в воздухе снег опускался на землю, стелился по ней белым покрывалом. Такая привалился к дереву боком и закрыл глаза.

Я хочу тебя опять.

Нельзя, да?

Нужно отказаться?

Почему же я раньше не сказал... Раньше, пока ещё было время...

«Как тогда... той пламенной ночью...»

Он знал, что нужно встать на ноги – и проверить.

Кувабара Мизуна
Королевство солнца II (Призрачное пламя 16)
перевод с японского: Katinka

«Как тогда... правду...»

Догнать, схватить и удержать – вот этой вот рукой.

Но он пролил слишком много крови, его тело заледенело, и он больше не мог пошевелиться.

«Отец...»

Снежное покрывало утолщалось, на его вытянутой ноге, на плече – всюду собирался снег, и температура тела продолжала падать. Веки отяжелели, пальцы не гнулись, и всё уже было как во сне; он не чувствовал ни боли, ни холода.

И эта тишина, бескрайняя тишина в лесу...

«Как-то я совсем...»

...Совсем устал.

Внезапно в тишине раздался звук: клац, клац – так доспехи лязгают при ходьбе. Это мертвецы идут – мертвецы, закованные в тяжёлый, гремящий металл... Такая чуть приоткрыл глаза.

Вот они – один, ещё один... Призраки-скелеты в покорёженных доспехах, от которых не смогли избавиться и после смерти, окутанные глубокой и хорошо ему знакомой, виденной бессчётное число раз, ненавистью.

«Иллюзия?..»

Наверное, всё же, нет. Такая перевёл взгляд к небу, потом закрыл глаза. Похоже, просто подохнуть не получится. Похоже, его разорвут на куски.

Его губы сложились в тень улыбки.

«Пожалуйста, скорее, пусть мне легче станет...»

Закованные в доспехи посланцы смерти приближались, чтобы проводить его в последний путь.

Конец 16 тома